

Явдат ИЛЪЯСОВ

ПЯТНИСТАЯ СМЕРТЬ

Сыну моему Джангару

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ. ЧЕЛОВЕК И ЗВЕРЬ

Человек торопил коня. Скорей! В зарослях тростника упруго взвился, полетел, закружился над грязью болот унылый протяжный крик.

Диковинное сочетание утробно-глухих и режуще-острых звуков походило вначале на отчаянный вопль заблудившейся женщины. Но затем во вкрадчивых переливах неведомого голоса, все жестче пробиваясь сквозь надрывный плач, заструилась откровенная злоба. Путник содрогнулся от страха.

О Анахита! Откуда тут взяться женщине? Наверное то клич матерого шакала. Или в глубине поймы взвыл от звериной тоски одноглазый дух, хозяин сумрачных дебрей? Говорят, он хром и горбат. Шерсть у него - как тина, лапы скрючены, хвост космат, зубы крепче звенящей меди.

Человек торопил коня. Он хотел жить. Из последних сил, как при конечном заходе на скачках, мчался конь по мокрой кабаньей тропе.

Впереди показался черный вяз - дряхлый, уродливый, с корою в извилистых бороздах весь изломанный, нелепо свернутый набок. Ураганы согнули стан старика, выкрутили за спину узловатые руки в лохматых рукавах из грубой листвы.

Хвала богине - вот и Многочтимый страж, охранитель заблудившихся.

Человек торопил коня... Эй, берегись! Что, если беда, которую ты избежал тут удачно в гуще мгlistых, таинственных чаш, с зловещей терпеливостью ждет свою жертву здесь, у самого конца опасного пути?

Всадник подъехал к вязу и беспечно опустил копьё.

Он оторвал от хитона крупный лоскут, четко произнес заклинание и привязал голубую тряпку к шершавому суку - скромный дар духу священного дерева, защитившему путника от пахучих трясин, от смрадных луж, от нечисти болотной.

...Над головою всадника послышался тихий шорох.

Он быстро вскинул глаза, но успел разглядеть лишь странный узор на чьей-то мохнатой одежде. Удар булавы, завернутой в мех, раскрыл ему череп надвое. Глубоко, до трепещущего сердца, разодрали грудь кривые шипы.

Черный конь ласточкой метнулся по тропе, унося на боку алый рубец, а человек, обливаясь кровью, остался лежать у черного вяза.

Человека настигла Пянистая смерть.

Утро. Воздух ясен, сух и прозрачен. На лобастых пригорках, открытых солнцу, греются сердитые эльфы и смиренные черепахи. Слава Митре - славная погода! Эй, коня!

Вождь кочевых станом на старом кургане молится богу света.

Он глядит на восток. Пустыня. Мертвой зыбью, гряда за грядой, круто вздыблены волны песчаного моря. Барханы сейчас темно-сини от теней только гребни блестят тысячами золотых полумесяцев, повернутых рогами вниз.

Вождь глядит на запад. Подобно зубчатой стене, нагроможденной из глыб нефрита - камня черного, с чистой прозеленью, тянется близко чангала полосатых зверей прибежище, сизокрылых птиц обиталище.

Позади неприступного вала топких зарослей, скрытая растрепанными верхушками тополей, течет-бурлит река. Над спутанной гривой чангалы сияет влажный отсвет потока, сквозь толщу цепко переплетенных ветвей доносится шум беснующейся воды.

Вождь глядит на север. Между чангалой и пустыней, как рубеж меж двух царств - излишне буйной жизни и полного оскудения, - пролег извилистой полосой душистый луг. На пастбищах, узорчатых, точно шкура болотной змеи, на полянах, где можно упасть, опьянев от горячего запаха мальвы и дикого клевера, наращивает после зимнего бескормья мясо на кости, нагуливает жир изголодавшийся скот.

У саков много коней - высоких, суховатых и стройных, как сами саки, быстрых, как падающая звезда, и выносливых, как сердце поэта, - коней белых, буланных, вороных, гнедых, игрневых, караковых, каурых, мухортых, пегих, подвласых, саврасых, сивых, соловых, чагравых, чалых и чубарых.

С приходом весны, горячащей кровь людей и животных, в пору цветения розоватых кистей тамариска, пастухи делят табун на косяки из отборных кобылиц. Из тех, которых не продают, не дарят, не режут, не доят, не берут под чепрак для езды: их дело рожать жеребят, здоровых и крепких. Во главе косяка из тридцати или сорока добрых маток ставят жеребца - красивого, могучего, породистого. Молодняк до четырех лет, кроме сосунков, пасущихся с матками, содержат в стороне от взрослых лошадей.

Табун. Многоединый, тысячегривый, тысячекопытный зверь. Он свиреп. Он опасен. Он страшен, как землетрясение, снежный буран, степной пожар, ибо сила его так же тупа, слепа, неразумна, как мощь стихийного бедствия.

Человек не только опекает, стережет и бережет четвероногих дикарей. Он борется с ними. Борется яростно и напряженно, порой до изнурения. И усталость, и боль, и брань...

- Горе! Горе моей голове.

У кургана крутится на сером коне ладно сбитый юнец с буйно, до плеч разросшимися кудрями. Гладкое лицо - сухо, точно глина, раскаленная солнцем. Но всадник беспрестанно отирается ладонью - отирается судорожно, упрямо, будто струи едкого пота заливают ему смуглый лоб.

Зрачки нежных, как у молодого барана, светло-карих глаз так широко раздались от испуга, сто кажется - в них сейчас заглянула ядовитая гюрза.

Это Спаргапа, сын вождя.

Молча скачут бок о бок отец и сын. Видит Белый отец - и впрямь на лугу неблагополучно: нет, чтоб разъезжать по краю зарослей, охранять скот - спешенные пастухи, сбившись в кучу, сокрушенно разводят руками, приседают, горестно хлопают ладонями о бедра.

- Ну?

Табунщики расступаются.

Перед Белым отцом - черный конь под рваной попоной. Вороной, весь в хлопьях мыла, стоит, бессильно опустив голову, у куста ивы, обглоданной козами. Ноги скакуна мелко трясутся, с отвисших губ сочится пена.

Из длинной царпины, пересекшей бок наискось, на малахитовую траву часто-часто капает кровь.

- Конь Наутара. - Это сказал Хугава, худощавый пастух лет тридцати в хвостатой лисьей шапке. - На рассвете косяк молодых затерялся в чангале. Жеребята ушли недалеко. Вернули всех, не пропал ни один. Выехали на луг, смотрим - Наутара нет. Искали, кричали - не откликается. Конь прибежал, а сам где?

Хугава покосился на чащу. Помолчав, облизал иссохшие губы, повторил сипло, задыхаясь:

- Конь... прибежал, а сам где?

Тишина. Лишь скорбь, точно мышь, спасающаяся в ночной темноте от совы, промелькнула в потухших глазах.

Старику помогли слезть.

Он без спеха подступил к злосчастному коню Наутара, прищурился, осмотрел рану. Послышался дрожащий голос Хугавы:

- На сук нарвался?

Белый отец задумчиво погладил белую бороду. Отрицательно щелкнул языком о зубы. Тогда Хугава спросил почти беззвучно:

- Пятнистая... смерть?

Наутар был другом Хугавы.

Вождь положил коричневую ладонь на потную холку вороного. Тот с трудом поднял голову, тихо с болью заржал, беспомощно ткнулся мокрыми губами в грудь старика.

- Промойте рану молоком кобылицы, залепите листьями ухо-травы. Живот не задет. Поправится. - Белый отец обратился к сыну: - Поедешь со мной...

Вот тебе на!

Не очень-то жаловал-баловал младшего отпрыска старый вождь. "У меня нет своих и чужих сыновей. Все мужчины и женщины - мои дети, все одинаковы для меня". И Спаргапа жил, как все - чуть ли не со дня появления на свет болтался в седле, пас скот, глотал дым полевого костра.

...Словно искры посыпались из глаз Спаргапы - такой радостью загорелся глуповатый взгляд. Уй, как хорошо. Разойдись! Спаргапа чванно задрал красивый тонкий нос, отстранил Хугаву, с важным видом подвел к старейшине лошадь. Ни дать, ни взять - спесивый персидский сатрап, прислуживающий царю.

А отец-то быть может, лишь для того и позвал несмышленного сына домой, чтобы тот выколотил пыль из ветхого войлока... Хугава невесело усмехнулся. Ну и человек! Молодость.

Не торопясь, как всегда, старый вождь возвратился в лагерь.

- Томруз!

Откинут полог полосатого шатра. На лужайку вышла Спаргапова мать женщина молодая, загорелая, с удлиненными глазами и большим, резко очерченным ртом.

- Погиб Наутар. Хватит! Сколько терпеть?

Беда беду на хвосте тащит.

Томруз беспокойно посмотрела на Спаргапу. Спаргапа беспокойно посмотрел на Томруз. И оба вместе выжидающе посмотрели на Белого отца. И глаза их отразили, как бронзовые зеркала, волну тревоги, что взметнулась в их любящих сердцах.

- Я хочу, - вождь вынул из ножен прямой нож, провел рукой по желтому клинку из медного сплава, - я хочу встретиться с Пятнистой смертью.

Томруз попятилась к шатру. И вдруг резко вскинула кверху ладонь.

- Черный вестник!

Рука женщины, казалось, дернула, потянула за собой на невидимых шнурах взоры отца и сына - оба дружно подняли к небу вопрошающие глаза.

Высоко над лужайкой, заходя слева от старейшины, делал круг парящий коршун. Смирение. Сник Спаргапа. Нахмурился сакский вождь.

Черный вестник!

Этих коршунов - пропасть в чангале. Они постоянно летают у становища, жадно выискивая пищу, и слева заходят, и справа, но никто не обращает на них внимания, пока в племени мир, пока в палатках тишина. Но стоит случиться несчастьем - и коршун уже замечен, и коршун повинен в беде, саков постигшей.

Коршун слева пророчит смерть.

Старый вожак тронул пальцами лезвие, опустил нож.

- Что-ж! Человек не только жизнью своей, но и смертью родному семейству, кровному роду и племени служить обязан. Спаргапа! Собери людей.

Взмах руки - и Белый отец, не глядя, вогнал длинный нож в кожаные ножны.

Юнец, в чьей груди полудетская жалость к отцу боролась, как с огнем вода, с весельем предвкушением схватки в чангале, резво, как жеребчик-трехлеток, сорвался с места.

Томруз сидела на примятой траве, закрыв узкой ладонью бледное лицо.

- Томруз, - тих-тихо позвал старик.

Она повернулась, обняла колени мужа, глянула снизу в его мерцающие глаза слепыми от горя глазами. Искривленный рот женщины издавал неслышный вопль.

- Не убивайся, Томруз, так не надо.

- Сколько у нас молодых, их послал бы.

- Дело молодых - жизнь, смерть - дело старых.

Вождь опустил на корточки. Бережно взял руку жены, приложил к волосатой груди и запел без слов, завыл негромко сквозь косо сцепленные зубы.

Томруз тихо зарыдала.

Высоко над лужайкой, заходя слева от Белого отца, делал новый круг парящий коршун.

Охотники двинулись в гущу зарослей. Чангала угрожающе затаилась. Где-то в ее глубине, в непролазных дебрях, бродила Пятнистая смерть.

Сильная и неутомимая, хитрая и неуловимая, она держала в страхе всю речную пойму. Пятнистая смерть убивала мгновенно. Двадцать пять человеческих шагов - таков был прыжок свирепой хищницы. Уступая в размерах льву и тигру, она вдвое превосходила первого упорством и свирепостью, второго - умом и ловкостью.

Случалось, люди находили пропавших коров застрявшими среди ветвей высоко над землей. Какой вихрь мог подхватить столь тяжелых животных и кинуть на вершину ясеня или черного вяза?

Их втаскивала на дерево Пятнистая смерть.

Пятнистая смерть избегала прямых встреч. Свободно, как бы скользя, пробиралось чудовище сквозь колючий кустарник; вязало, коварно запутывая следы, невероятные узлы и петли, заходило вперед, преследуя добычу, возвращалось и внезапно разило жертву сзади или сбоку.

Она никогда не съедала добычу. Пятнистая смерть питалась кровью - и ради горячей крови задирала десяток животных в день. Ее не могли одолеть ни клыкастый кабан, ни рогатый олень. Она воровала детей, истребляла людей для забавы.

Эту проклятую тварь не удалось изловить до сих пор потому, что одни боялись, другие брались за дело не очень умело, действовали опрометчиво или порознь.

...Задумчив старый вождь. В тяжелый он вышел путь. Но - хорошо на душе... Смерть? Она, как и жизнь - человеческое достояние. Она, как и жизнь, бывает худой и доброй. Надо уметь жить - умереть тоже надо уметь. И гибелью в правой битве человек превосходит смерть.

И потому не слезную песню небытия, а ликующий гимн в честь богини-творца поют охотники, шлепая мерно и звучно, на всю чангалу, правыми ладонями об оголенные левые плечи:

- О Анахита, дающая жизнь, увеличивающая стада! Ты соединяешь мужчину и женщину. Завязываешь плод. Наполняешь молоком материнскую грудь. Венец из ста звезд на мудром челе. Ты высоко опоясана, облачена в одежду из тридцати шкур выдры, в блестящий мех...

Охотники с трудом удерживали собак.

Гончие псы, очутившись в чангале, учуяли близость такого обилия дичи, что у них от нетерпения чесались лапы и щелкали зубы.

Еще не выделив ни одного ясного запаха из той пряной мешанины, что хлынула в их ноздри из мокрых зарослей, еще не взяв ни одного следа, собаки уже бешено рвались в драку. Догонять, хватать! Вперед! А там уже подвернется какая-нибудь живность.

Душный воздух чангалы взбудоражил кровь и Спаргапе. Кровь ударила юноше в голову. Он раскраснелся от возбуждения, как от жары, он улыбался криво и бессмысленно, как пьяный. Если б Спаргапа чуть меньше стеснялся отца, он бы ринулся в чащу проворней любого пса.

- Смотрите! - воскликнул Хугава.

Над кроной черного вяза, неуклюже помахивая крыльями, взлетели отяжелевшие от еды стервятники. Кинулись с тропы в сторону мохнатые желтые существа. В холодной тени, повисшей обрывком ночи под кустами гребенчука и облепихи, вспыхнули зелеными огоньками глаза лукавых шакалов, падких на падаль.

...Куски растерзанного мяса, клочья внутренностей, розовые, дочиста обглоданные кости - вот и все, что осталось от Наутара.

- Бедный Наутар! - Старый вождь сцепил пальцы вытянутых перед собою рук. - Он уподобился нечестивому персу, выброшенному собакам на съедение. Как доберется до загробного мира человек, по частям разбежавшийся в разные стороны в желудках зверей и птиц?

Саки зарыли прах Наутара у самой тропы.

Белый отец гневно сказал священному дереву:

- Ты не защитил Наутара - ты больше не Многочтимый страж. Будь проклят!

И выстрелил в корявый ствол из лука. И все охотники последовали его примеру. И утыканный стрелами черный вяз стал колючим, как дикобраз.

Вождь тягуче протрубил в рог и громко-громко крикнул в чащу:

- Пятнистая смерть! Эй, Пятнистая смерть! Выходи на поединок. Я хочу тебя убить.

Он прислушался - чангала не отвечала.

- Боишься? Хочешь скрыться от нас? Не уйдешь! Много зла ты причинила моему племени, о Пятнистая смерть. Пора взыскать с тебя за все. Кровь за кровь. Я вспорю твоё брюхо, Пятнистая смерть!

Молчала чангала... Белый отец дернул за поводок лучшую собаку и двинулся с нею вокруг отвергнутого кумира. Собака, то шумно потягивая парной воздух, то коротко посапывая, чихая и фыркая, расторопно шарила подрагивающим носом в молодой осоке.

Вдруг она рывком прынула назад - и, как будто от этого резкого движения, у нее на загривке дыбом встала шерсть.

Прижав уши и плотно примкнув к ногам хвост, собака зарычала - скорей боязливо, чем грозно: на чистом песке под редкой травой виднелся отпечаток громадной круглой лапы. От следа исходил сладковато-душный, нестерпимый для собак кошачий запах.

- Сюда!

Вождь спустил первую свору. Саки ударили пятками в бока лошадей. Рванулся вперед и Спаргапа, но его настиг грубый окрик отца:

- Хоу (эй)! Куда ты?

Юнец остановился. Удивление и досада. Старик сказал насмешливо:

- Так тебя и ждет Пятнистая смерть, вон там у куста. Ишь, разогнался. Успеешь голову сломать. Не отходи от меня.

Спаргапа, чтоб не заплакать, до самого подбородка втащил губу под верхние зубы, прикусил крепко, медленно отвел увлажнившиеся глаза в сторону. И когда он отводил их, вождь так и

потянулся к нему с мучительной любовью и жалостью во взгляде.

Но стоило сыну вновь повернуться к отцу, как тот опять насупился, точно дряхлый ястреб.

- Поехали не торопясь, - проворчал вождь. - Все равно не догнать сегодня Пятнистую смерть.

...Путь хищницы пролегал через плотные завесы ежевичных плетей, усаженных острыми, как щучьи зубы, шипами, сквозь колючие стены дымчато-зеленого лоха, источавшего терпкий аромат желтоватых цветов.

Солнце только на днях вступило в созвездие Овна.

Река не успела разлиться. В глинистых чащах болот, желтая, как свежий мед, стояла гнилая вода, лишь слегка разбавленная влагой недавних скудных дождей.

Хотя деревья, кусты, молодая трава распустились почти в полную силу, они еще не могли закрасить яркой зеленью рыжие пятна прелых трав прошлогодних. Черная издалека, чангала, как всегда в эту пору, была изнутри пестрой, в крапинках, как диковинная птица.

Из тухлой воды, рядом с юными побегами тростника, торчали острые, как дротик, сухие, обломанные стебли тростника отмершего, и не одна собака и лошадь напоролись нынче на них животом или грудью.

- Ку-хак!.. - С гортанно-высоким, скребущим криком взмывали из-под ног длиннохвостые фазаны.

Треск. Оглушительное хлопанье крыльев. Ударив вверх, точно камень, выброшенный катапультой, фазан на миг замирает в воздухе, чтобы перевернуться, и, косо снижаясь уходит прочь.

- Этот миг и старайся уловить, если хочешь достать петуха стрелой, сказал наставительно Спаргапе отец. - Дело трудное. Навык нужен.

Разгорелся юный Спаргапа! Звенела тетива, стрелы так и свистели. Но стрелы пропадали в одной стороне, фазаны - в другой.

- Может, у меня выйдет? - Хугава туго, до отказа, натянул двухслойный лук, откинулся назад, настороженно прищурился. И едва из кустарника вырвался крупный самец, Хугава, почти лежа спиной на крупе коня, коротко выдохнул и спустил тетиву.

- Ах-вах! - завопил Спаргапа от зависти. - Горе моей голове...

Пастух отыскал фазана с помощью собак и прямо так, прочно нанизанного на стрелу, скромно преподнес старейшине.

- Хороший петух! - Белый отец одобрительно защелкал языком о зубы.

Многое оно означает, это щелканье. Один щелчок - отрицание. Два быстрых - запрещение. Три медленных - сожаление, удивление или восхищение...

Вскинув руку со стрелой, старый вождь ласково провел ладонью по голове фазана - зеленой, будто смарагд, постукал ногтем по клюву бледно-желтому, как сухой тростниковый стебель, потрогал белый, словно снег, ошейник, взъерошил пальцем перья на груди - багряно-золотистой, точно свежепролитая кровь, осыпанная искрами, погладил крылья тускло-голубые, как осенью вода, раздвоил пестрый хвост и заботливо упрятал добычу в сумку.

- Редкая птица! Спасибо, Хугава.

Пастух застенчиво улыбнулся. Спаргапа уныло сгорбился на сером коне.

...След Пятнистой смерти широко и замысловато кружил по чангале.

Собаки вели гон вразброд. Они привыкли брать зверей в открытой пустыне, чангала сбивала их с толку. Нет, чтобы вместе держаться, дружно, стаяй настичь убийцу - псы, казалось, не столько преследовали врага, сколько состязались в быстроте бега.

И чудовище не столько спасалось от собак, сколько подстерегало их в густой траве.

И когда зарвавшийся пес, оставив своих далеко позади, с захлебывающимся лаем

проносился, точно слепой, мимо затаившейся хищницы, она опрокидывала его ударом тяжелой, как палица, лапы.

Так, по-одиночке, Пятнистая смерть уложила почти всех собак двух свор.

Немало собак, одурев от красок и звуков поймы, рассыпались в кустарниках, опутанных вьюнами.

Как в лихорадке, рыскали псы, натываясь на шипы и сучья, по узким барсучьим и волчьим лазам, готовые разодрать в клочья любую болотную нечисть.

И без того полудикие, они, нахлебавшись воды пахучих луж, будто переродились в свободных зверей, сродни тем, что от рождения скитаются в зарослях. Будто их сила была не в покровительстве человека. Будто не у огня, зажженного человеческой рукой, была их опора.

Но вот чангала, не знающая, не в пример человеку, ни пощады, ни снисхождения, глянула темными очами в их очи, привыкшие к яркому пламени, к улыбкам детей. Вот принялась она грызть и рвать, бить и топтать, драть и бодать, колоть, царапать, кусать непрошенных гостей клыками и когтями, рогами и копытами.

И собаки сразу утратили прыть.

Суля и поджав хвосты, бросились они назад, к другу человеку, под защиту спасительного костра, разложенного саками по приказу старейшины. Из трех свор, пущенных по следу Пятнистой смерти, вернулись лишь шесть мокрых, окровавленных, дрожащих от ужаса кобелей.

Чангала еще не видела таких ночей!

Сверкающий столб огромного костра величественно, словно восходящее солнце, поднялся над обширной кочковатой поляной. Полосы ослепительного света легли золотыми мостами на протоки и заводи, окрасили в непривычный голубовато-розовый цвет разлапистые, удивленно притихшие над водой кусты.

Чем сильнее разгорался костер, тем просторней раздвигался теплый круг жизни, тем дальше отступала чангала с промозглой теменью и ночными страхами.

Задорно звучали голоса охотников.

Словно приветствуя саков, своих сыновей, на западе, в зеленоватой россыпи Овна, сверкнула Венера - мать Анахита.

Люди изрядно устали, проголодались.

С краю костра, на козлах из только что срубленных жердей, висели туши молодых оленей, козлов, поросят. Громко трещали сучья - их треск напоминал сухой перестук щебня, осыпающегося в пустынных горах. В огонь струился растопившийся жир, сало шипело на углях, как сотня потревоженных змей. Над поляной витал, будоража нутро, каленый запах горелого мяса.

Белый отец попросил сына ощипать фазана, добытого Хугавой. Пучок наиболее красивых перьев он положил возле себя, освежеванного петуха насадил на прут, сунул в пламя.

Спаргапа - несмело:

- Отдай мне перья, отец.

Отец - испытующе:

- Зачем они тебе?

- Нужны, - смущенно пробормотал юнец.

- А-а, - понимающе кивнул вождь. - Для этой... той самой? Как ее?.. И с явным сожалением покачал головой. - Нельзя, мой сын.

- Почему? - нахохлился Спаргапа.

Фазан подрумянился. Старый вождь позвал через плечо:

- Хоу, Хугава! Где ты? Шапку давай.

Хугава недоумевающе глянул на Спаргапу и протянул старику облезлый малахай. Вождь сгреб кучку голубых, зеленых, красных перьев, переливчато сиявших в отблесках костра, и торжественно, словно горсть дорогих самоцветов, высыпал в шапку табунщика.

- Глаза у тебя - как у сокола, руки не трясутся, не пускаешь стрел на ветер, - сказал он уважительно. - Перья отвезешь жене. Пусть пришьет к головному убору. А это, - старик вручил Хугаве жареную птицу, - сам съешь.

- Эх! - прокатилось по толпе саков. Не всякий удостаивался подобных почестей. У Спаргапы от обиды во рту пересохло. Огонь, засветившийся в глазах юнца, был, пожалуй, не менее жарок и ярк, чем пламя костра, у которого сидели охотники.

- Благо тебе да будет, вождь, - произнес с запинкой растерянный табунщик. - Но я не заслу...

- ...жил! Заслужил. Сядь вот тут, подле меня. Видишь этого молодца? Старейшина положил руку на крутое плечо Спаргапы. - Научишь стрелять так же метко, как сам стреляешь?

- С великой радостью, Белый отец!

- А ты, - вождь требовательно глянул сыну в лицо, - хочешь научиться стрелять, как Хугава?

- Я? - Спаргапа подскочил, будто его искрой обожгло. - Еще бы! Конечно хочу. И я смогу бить фазана на влет, как ты? - с надеждой спросил он у табунщика.

- Сможешь.

- Ах-вах! - Спаргапа сорвал с кудрявой головы колпак и восторженно хлопнул им о колено. Веселый смех. Вождь пригнулся к уху сына:

- Утром на пастбище ты обидел Хугаву. Я отомстил за него. Это - одно. Другое - прежде, чем перья дарить, научись их доставать. Ясно?

Хугава разломил фазана пополам, предложил долю Спаргапе.

- Ты - мне?

- Тебе.

Юноша благоговейно принял дар, благодарственно глянул Хугаве в глаза. Сказал убежденно:

- Теперь ты - лучший мой друг! Хорошо?

- Хорошо, - серьезно ответил стрелок.

- Дато! Хоу, Дато! - крикнул Белый отец. - Ты нарвал чесноку, брат?

- Нарвал, брат, - откликнулся Дато, после вождя самый старший из сакских старейшин.

Белый отец понизил голос:

- Разбросай по поляне, брат, и кинь в костер, чтоб духи чангалы не мучили нас ночью. Дикий чеснок - святая трава. Духи не любят чесночного духа.

- Наверное, много их тут, - прошептал боязливо Спаргапа.

- А встречал их кто-нибудь? - недоверчиво спросил Хугава.

- Встречал. - Вождь почесал зубчатый шрам на левой щеке. - Как-то раз, когда Спаргапы еще не было на свете, я, подобно Наутару, заблудился в чангале.

- Ну? - изумился Спаргапа.

- Вижу - ночь. Что делать? Залез на вяз, сажу среди ветвей, молчу. Задремал. Проснулся, слышу - шум, бубен гремит. Хм?.. Высунул нос из листвы - духов полная поляна!

- Ну?

- Забыл сказать - у меня шишка была на левой щеке. Вот, место осталось. - Вождь снова прикоснулся к шраму. - Большая шишка, точно кулак. - И старик вытянул к огню кулак величиной с голову годовалого бычка.

- Ну?

- Ну, я испугался. Притаился. Чуть жив от страха. Духи чангалы плясать принялись. Так себе пляшут, кто во что горазд. Топают как попало, переваливаются на хромым ногам. Откуда

им знать, как надо плясать? Нечисть.

- Ну?

- Ну, а я был плясун хоть куда. Отменный. Смолоду у вечерних костров отличался. Взыграло у меня сердце. Не утерпел - спрыгнул с дерева и говорю: "Хватит срамиться! Смотрите..." И закружился, будто вихрь, по поляне. "Ой, хорошо!" - заорал Одноглазый. "Ой, хорошо! - завопило стадо его горбатых сородичей. - Бесподобно пляшет. Оставайся с нами, старик, навсегда. Будешь веселить болотный народ". Вот тебе на! Угораздило меня напроситься к бесам в приятели.

- Ну?

- Взмолился я: "Не могу, други. В становище пора". "Стой! Удрать хочешь? - завизжали духи. - Не отпустим". "Почему - удрать? Старуха заждалась. Зловредная старуха. Не вернусь к утру домой - голову снимет. Не задерживайте меня, други. Наступит следующая ночь - сам приду". "Нашел глупых! - разозлился Одноглазый. - Так тебе и поверили. Давайте отнимем у него самую нужную вещь - как олень прибежит". Пристали духи: "Какая вещь у тебя - самая нужная?" Я смекнул кое-чего. "Все берите, - говорю, - и рубашку, и штаны, и лук, и стрелы, и нос, и уши - только шишку не трогайте..." "Ага!" - обрадовался главный дух. Фьють! - и открутил шишку. Да так ловко, что хоть бы чуть заболело.

- Ну?

- Ну, отправился я в становище. Духи провожать пошли, чтоб зверь не напал. Дома - гам, гвалт. Где был, где шишка? Я рассказал - так итак. Приехал старик из саков заречных. У него тоже шишка была, только на правой щеке. Показал я ему дорогу. Помчался заречный в чангалу, вскарабкался на дерево. Ждет. Вот и духи явились.

- Ну?

- Опять пустились они в пляс. Одноглазый кричит: "Старик, ты здесь?" "Здесь". "Слезай, без тебя скучно". Пляшет заречный. Но когда у них, заречных, путный плясун попался? Ворочался, ворочался, словно коряга в узком протоке, - надоело Одноглазому. "Не ладится у тебя сегодня, дед, говорит, - дрянь ты, старик, - говорит, - убирайся отсюда, пока жив, говорит, - да шишку свою не забудь". И прилепил мою шишку к левой щеке заречного. Была у человека одна шишка - стало две.

- Ну? - Спаргапа, разинув рот, смотрел на отца, ожидая продолжения.

- Ну и все. - Белый отец не выдержал и расхохотался. Его поддержали десятки здоровенных глоток. И лишь тогда догадался юный Спаргапа, что его просто дурачат. Догадался - и обиделся.

Ночь. Охотники, выставив охрану, улеглись на пополах, разостланных у огня, а кое-кто прикорнул и прямо на траве.

Пламя костра постепенно сникало, опадало к земле. Вслед за отступавшим светом на поляну двинулся влажный мрак. Он тихо выплывал из-за кустов, осторожно сжимая круг и все тесней охватывая уменьшающийся бугорок огня.

Едва перестала звучать человеческая речь, темнота огласилась кличем и плачем обитателей чангалы. Ухал филин. Не верьте печальному зову его - за скорбью филина прячется жестокость. Надрывисто мяукал хаус - камышовый кот. Над угасающим костром, точно соглядатаи звериного царства, метались летучие мыши. Где-то далеко-далеко коротко и хрипло рывкнул тигр, и на всю чангалу отчаянно и жутко заверещал смертельно раненый кабан.

Скрылась добрая Анахита. Низко на юго-востоке, у Козерога, страшно загорелся предвестник несчастья злобный Кейван-Сатурн.

В сердца стражей, только сейчас беззаботно смеявшихся у жаркого костра, медленно и неотвратимо, подобно серой гадюке, вползающей в шатер пастуха, закрадывалась тревога.

Ох, тоска. В темных дебрях неискушенного разума слабо, точно просвет в непроглядных тучах, брезжило сознание человеческой неустроенности. Хищные звери. Черная хворь. Откуда все это, зачем это все?

То один, то другой страж поднимался беспокойно, подбрасывал в костер сучья и ветви, всматривался при свете загудевшего пламени в неподвижные лица спящих. Только убедившись, что все на месте, что он не покинут, не оставлен, с ним - товарищи, соплеменники, сак умиротворенно ложился в пахучую полынь.

Терпите. Опирайтесь, как путники в бурю, друг на друга, один на всех и все на одного - и обретете силу противостоять Пятнистой смерти, что глядит, ощерив клыки, пристально, с неумолимостью убийцы, из угрюмой чангалы.

...И опять - утро.

Саки, обнаженные до пояса, пали на колени, обратили к солнцу очи - и оно ободряюще протянуло к ним теплые лучи.

Словно ветви приземистых деревьев, взметенные мощным порывом ветра в одну сторону, в едином взмахе поднялись наискось десятки рук. Черно-синие в сумрачном свете чангалы, они резко выделялись на ликующе-розовом поле сияния, все ярче разгоравшегося на востоке.

Остро звякнул, задрезжал, мягко загудел медный гонг. И медленно поплыл к горизонту хрипловатый, гортанный, низкий, как гул урагана, рыдающий от избытка радости, напряженно колеблющийся голос жреца.

Хвала тебе, Митра. Ты взошел, засверкал, как всегда. Пятнистая смерть может убить одного Наутара.

Сто и тысячу Наутаров. Но кто убьет бога Митру, само лучезарное солнце? Пока ж не погаснет солнце, не погибнет и сакский род.

Белый отец отозвал сына за куст.

- Для чего я взял тебя с собой? Старайся понять. Не поймешь пропадешь. Скажу напоследок: слушайся Томруз, Хугаву слушайся. Ясно? Прощай.

Старый вождь прижал на миг сына к плечу, оттолкнул, с юношеской ловкостью вскочил на лошадь. И был таков Белый отец.

Шестерка уцелевших собак, наконец, разгадала хитрую уловку хищницы. У бугра, заросшего ежевикой, собакам удалось сообща навалиться на Пятнистую смерть. Разбойница очутилась в капкане из шести клыкастых пастей.

Попалась?!

С ревом подскочила Пятнистая смерть кверху на пять локтей. С визгом грянулась Пятнистая смерть сверху вниз, на поляну. Упала на спину, подмяла собак под себя. Пасти разомкнулись. Пятнистая смерть совершила длинный прыжок и с маху одолела крутой бугор.

Пока псы обегали препятствие с двух сторон - не дать хищнице увернуться, обогнув возвышение! - зверь взлетел в новом невообразимом прыжке, теперь уже обратном, и кинулся к реке, стремясь оставить гончих далеко за собой.

Устала Пятнистая смерть - ей не пришлось сегодня подкрепиться горячей кровью. Она укрылась в гуще гребенчука, торопливо облизала грудь и бока.

Собаки приближались. Она хорошо слышала их прерывистый лай и визг, переходящий в жалобный скулеж - гончие тоже невероятно утомились. Псы уже не пугали чудовище - краткий отдых вернул ему добрую часть иссякших сил.

Но до Пятнистой смерти вдруг дошли отовсюду иные, более страшные звуки: шум, треск, топот, гвалт, сердитые возгласы людей. Окружена. Что делать? Уничтожить собак. Без собак люди, как без глаз - попробуй отыщи лукавую хозяйку чангалы в топких зарослях, раскинувшихся на много дней пути. Легче найти блоху в шкуре верблюда.

Пятнистая смерть подтянулась, угрожающе ворча.

Пятнистая смерть напрягла мышцы упруге и тверже виноградной лозы.

Пятнистая смерть легко, как птица, вспорхнула на перистый ясень.

Собаки, тесня друг друга, подступили к дереву. И гигантской бело-желтой, в черных цветах, невиданной бабочкой пала на них Пятнистая смерть. Пестрая молния!

Две гончих забились с переломанными хребтами. У третьей во всю длину было вспорото брюхо. Четвертая, с разорванной глоткой, судорожно, как обезглавленная курица, кувыркалась в молодой осоке. Пятая и шестая шлепнулись в мутную заводь.

И тут в правый бок Пятнистой смерти, расщепив ребро, воткнулась оперенная стрела.

Человек?

Хищница зарычала - стонуше, с болью, и повернулась с такой быстротой, что казалось - она и не шевелилась, так и стояла тут сейчас, мордой к лучнику.

Вторая стрела продырявила левое плечо убийцы.

Дрожь ярости пробежала по узорчатой шкуре Пятнистой смерти - как частая рябь по осенней воде, осыпанной желтыми листьями, как ледяной порывистый вихрь по меху пестрых выгоревших трав. Будто глубоко под кожу хищнице запустил хобот железный овод.

Не сводя с охотника злобно сверкавших глаз, разбойница захлестала хвостом о бока, вытянула шею над самой землей, выгнала спину, припала к траве.

Спрятав когти, она коротко перебирала вздрагивающими лапами, словно играющий котенок.

Человек отшвырнул трехслойный лук, выдернул из глины копье.

Он упер тупой конец оружия в круто вывернутую ступню отведенной назад правой ноги, намертво впился в древко, прижал его для верности к выдвинутому вперед согнутому левому колену.

Так напряженно сжался, перегнулся и скорчился человек, что стал похожим на корягу, из которой косо торчит в сторону прямая голая ветвь.

Скрестились с беззвучным лязгом, брызнув горстью искр, как два ножа, два ненавидящих взгляда.

Эй, берегись!

Пятнистая смерть стремительной эфой-змеей распрявилась в прыжке, сгустком огня полыхнула над влажной лужайкой, горячей бронзовой глыбой обрушилась на человека.

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ. ЦАРЬ И СОЛОВЕЙ

Старая эра. Год пятьсот двадцать девятый. Рим, возникший на семи холмах, пока что томится под властью этрусков и не смеет даже мечтать о великих завоеваниях. Лишь через двести лет покорит Согдиану пьяный деспот Искандер Двурогий. О гуннах Атиллы еще и слуха не было, а нашествие Чингисхана - дело столетий столь отдаленных, что человеку страшно в них заглянуть.

Но уже давным-давно облупилась зеркальная облицовка египетских пирамид, простоявших к тому времени три долгих тысячелетия, и эпоха фараона Хеопса кажется ветхой, непостижимой уму, сказочной древностью. И уже давно появились жадность, жестокость и глупость. Знать накопила огромный опыт истребительных войн и грабежей. Вряд ли кого удивишь кандалами и батогами.

Однако, существует не только насилие - издревле крепнет противодействие ему. Есть разум. Есть труд. Есть борьба за лучшую долю. Народ Лагаша сверг царя Лугальанду.

Вельможа Ипусер, спрятавшись от мятежников в катакомбах, торопливо писал: "Воистину,

чиновники убиты. Зерно Египта сделалось общим достоянием. Свитки законов судебной палаты выброшены на площадь".

"Рабы восстали, принялись дома разрушать, господ своих продавать, проливать их кровь", - сетовал хеттский правитель Телепин.

В государстве Чжоу при владыке Ли Ване чернь захватила столицу.

Нищий индеец Макхали Госала - в коровьем стойле рожденный - первым в мире сказал: "Нет бога и божественных духов. Толкующие о них - лжецы".

Год пятьсот двадцать девятый. На первый взгляд, ничем непримечательный, обычный в длинной череде веков. И все-таки особенный, по-своему очень важный.

С тех пор, как люди стали людьми, они и на день не переставали работать и драться за волю. Значит, любой год отмечен их потом и кровью. Нет пустых, бесполезных лет. Они все значительны и поучительны. Человечеству дорог каждый прожитый год, как бы давно он не минул.

Это - одна из вех на его пути. Шаг к грядущему.

Когда - никто не скажет уверенно: пять или шесть тысяч лет назад, и где - никому неизвестно точно: за рекой ли Яксарт на Памире ли - сложился союз арийских племен.

И по какой причине - неведомо: может, народ настолько расплодился, что не стало ему места хватать; может, одни, возвысившись, принялись угнетать других; может, под натиском узкоглазых восточных воителей распался союз, разлетелся, как птичья стая, рассеянная бурей.

Первая волна арийских племен хлынула в просторы среднеазиатских равнин, частью изгнала издревле здесь обитавших людей фракийских, частью с ними слилась; частью осела у рек, частью обосновалась в пустынях.

Вторая их волна затопила солнечный край, что раскинулся к югу от Каспийского моря и к северу от моря Аравийского, сокрушила касситов и эламитов, немало их истребила, немало в себя впитала.

Третья их волна достигла жарких полуденных стран, захлестнула Декан, выбралась к устью Ганга. По девяти дорогам двигались девять арийских племен. Бхараты их возглавляли. Толпы темнолицых дравидов потянулись к лесам и горам. "Бог Индра убил их, издавна живших на этой земле, и поделил посеы между светлокожими союзниками".

Четвертая их волна докатилась до Черного моря, омыла киммерийской кровью берег Танаиса, расплескалась на луговинах Тавриды [Танаис - река Дон, Таврида - Крым].

Годы. Века. Тысячелетия. Кровь победителей смешалась с кровью побежденных, и возникло в горах и долинах множество крупных племен и народностей, говоривших на сходных, но обособленных наречиях.

На северо-востоке - саки и массагеты, сугды и хувары, паркане и бактры.

На северо-западе - скифы и сарматы.

На юго-западе - мады и персы.

На юго-востоке - хинды.

А между ними и среди них - варканы и карманы, маргуши и саттагуши, парты и сагарты, тохары и гандхары, гедрозы и арахоты, дранги и харайва, и тьма иных - их всех не перечесть.

У одних кожа белой была - белой, как лунный свет, у других черноглазых и темноволосых - смуглой, как плод граната. Одни пастухами остались, другие слепили хижины, занялись хлебопашеством. Одни, как прежде, считались равными между собой и управлялись родовыми старейшинами, у других, расслоившихся на богатых и бедных, появилась знать, а над нею царь.

Название их древнее почти забылось. Может, лишь дряхлые старцы да суровые жрецы смутно помнили еще, где их корень. А вот цари персидские крепко за него уцепились, придали слову, давно отмершему, новый и жестокий смысл.

"Арий" теперь был не просто человек - он сделался "благородным", он превратился в "господина". И родину свою Парсу персы гордо величали Айраной - то есть Ираном, страной господ. А всех прочих, особенно же кочевников Средней Азии, пренебрежительно именовали "туранцами". "Туранец" значит "не арий". Кто из Турана, тот варвар.

"Вокруг нас живут племена нечистых, не приносящие жертв. Они ни во что не верят, у них дурные обряды, их нельзя считать людьми..."

И так чванились правители Парсы своим "благородством", так они с ним носились, стремясь навязать другим персидскую власть, что слово "арий" стало звучать в устах соседей, как самое бранное, самое плохое. Им, говорят, пугали детей.

А название Туран так и прижилось на северо-востоке. Обитатели равнин произносили его с любовью - никто, кроме персов, не находил в нем что-либо зазорное.

Ты из Турана? Очень хорошо.

"Говорит Куруш [Куруш - подлинное имя царя Кира, правившего в Иране с 558 по 529 год до нашей эры] царь.

Я, перс, сын перса, арий из рода Гахамана, рожден по воле Премудрого духа на юге, в Патакских горах, чадолюбивой Манданой, дочерью Иштувегу.

Невелик, слабосилен был мой народ.

Долгое время влачил он бремя власти чужеземной.

Парса, отчизна наша, подчинялась игу жестокого Иштувегу, мадского царя.

И много иных племен от белых вершин Памира до древней Бабиры, от мутной Хинд-реки до гремящего валами Каспия исходило кровью под каменной пятой повелителя Мады, что к северу от нас.

И был ненавистен владыка суровый как жителям покоренных стран, так и большим и малым из самих мужей мадских. И тайно явились они толпою, возговорили так: "Ты не только царь бедной Парсы - Иштувегу ты внук и зять, ты вправе занять престол Хагматаны. От притеснителя нас избавь, золотой венец возложи на голову".

И я, перс Куруш, внял слезной просьбе обиженных, мольбам их, стенаниям и причитаниям, и выступил против проклятого обидчика. Все, кто страдал от бича и меча Иштувегу, пришли, поддержали меня. Я с малой силой осилил насильника, в темницу врага заточил, а землю его, и дома, и стада взял под руку свою.

Тогда завистливый Крез, правитель западной страны, называемой Сфарда - Лидией, замыслил дурное, свергнуть меня вознамерился, чтоб у племен, вызволенных мною из-под мадского ярма, хранилища и закрома, пашни и воду, пастбища, скот и свободу отнять. Сто тысяч конных и пеших он бросил на нас. Но по воле Премудрого духа я сокрушил нечестивого Креза.

В Бабаре бесчинствовал в ту пору, как Навуходносор встарь, Набунаид, богопротивный царь, отец и соправитель Баалтасара. Подобно разбойнику, грабил он подданных, обирал догола простых и знатных, облагал тяжелой податью торговцев и священнослужителей. И народ Бабиры призвал меня, Куруша царя, как защитника угнетенных.

Забота о дворцах, рынках и храмах Бабиры вошла в мое сердце. И вавилоняне добились исполнения желаний - я снял с них бесчестную тягость. Мардук, небесный властитель, благословил меня, чтущего его, и Камбуджи [царь Камбиз, правивший после Кира с 529 по 521 год до нашей эры], сына моего, и войско наше, когда мы искренне и радостно величали высокого кумира Божьих врат [Баб-Или (персидское - Бабира, греческое - Вавилон), значит "Ворота бога"].

И победно я двинулся далее на солнечный закат, возродил их праха священный Эру-Шалем, Город счастья, что царями Бабиры был разрушен, возвратил мужей и жен иудейских из

халдейского плена домой, вновь отстроил у моря стены городов финикийских.

Всюду, где ступала моя стопа, водворял я силою персидского оружия довольство, спокойствие, дружбу. От зубчатых скал Памира до Кипра, окруженного со всех сторон водою, народы восхваляют меня, как отца любящего, государя справедливого.

Не ради выгод, богатств, яств и сладостей - преходящих земных радостей - совершил я, перс Куруш, великие деяния, а единственно с целью оказать человечеству благо, прославить Парсу, мою отчизну, и Ахурамазду, мудрейшего из божеств, и заслужить его милость, когда чреватый смертью Анхромана повелит мне оставить сей бранный мир.

И дабы люди грядущих поколений, узнав о делах моих добрых, им подивились, приказал я высечь на лбу крутой горы эту надпись..."

- Шею тебе сверну, поганый дах! - Михр-Бидад вскинул палку над головой. Трах!.. Удар пришелся по левой руке Гадата. Дах ахнул, застонал, схватился за плечо, перегнулся от боли.

Он сутулился, брошенный на колени. Позади застыли с лицами, каменно-спокойными, как у скифских идолов, его товарищи - заложники из полуседлых южно-туранских племен, покоренных Парсой.

Юношей еще осенью согнали из окрестных становищ в город, заставили рубить хворост на топливо, чистить конюшни, месить глину, чинить станы, носить воду в крепость. Сегодня после полуденной еды они как всегда улеглись на циновках в углу двора, чтобы вздремнуть немного, погреться на солнце, потолковать о своих горестях.

Весна. В предгорьях пахнут землю. Отсеются, переждут, соберут скороспелый и скудный урожай ячменя и уйдут на все лето со стадами в степь. Эх! Одни - на вольном ветру, что пахнет юной полынью... Другие, точно рабы, вынуждены томиться меж глинобитных оград, выскабливать грязь из-под спесивых "освободителей от мадского ига". Убежать бы, но отсюда не убежишь - стерегут зорко.

...В чем же провинился Гадат?

Когда молодой перс Михр-Бидад проходил по двору, столь же молодой дах Гадат не успел достаточно быстро вскочить с корточек и не сумел отвесить достаточно низкий поклон.

- Я, Михр-Бидад, перс, сын перса, арий! - распинался Михр-Бидад. - А ты кто? Слуга мой!

Михр-Бидад от природы был тощ, долговяз и жилист. Служба в отряде щитоносцев согнула ему спину - чтобы как следует прикрыться щитом, воинам этого рода войск приходится постоянно горбиться, что исподволь перерастает в неисправимую привычку. Так и говорят - сутул, как щитоносец. Нос Михр-Бидада походил на крюк. Перс, сын перса, напоминал сарыча.

Потрясая дубинкой и взмахивая, будто крыльями, широченными рукавами хитона арий свирепо кружился над добычей, и Гадат - плотно сбитый, как буйвол, детина - все ниже опускал черноволосую голову.

- Ты когда-нибудь научишься почитать хозяина? - грозно спросил Михр-Бидад.

Гадат, закрыв глаза и сцепив зубы, качнул головой вперед.

- Не будешь впредь держаться передо мною точно старый тупой бык?

Гадат, открыв глаза и оскалив зубы, замотал головой из стороны в сторону.

- Не будешь?

- Нет!

- Не будешь?

- Нет!!

- Не будешь?

- Нет!!!

- То-то же! - Перс сунул палку под мышку, слегка пнул даха в нос, скучающе зевнул и отвернулся.

...С грохотом распахнулись ворота. Во двор влетел на взмыленном коне обливающийся потом всадник. Конь, всхрапывая, закружился, словно укушенный черным пауком, на гладкой, как поднос, глинистой площадке.

Усталый всадник неловко спрыгнул, упал, живо поднялся и побежал, прихрамывая, через двор.

- Волки за ним гнались, что-ли? - удивился Михр-Бидад. - Вон как запарился. Наверное, - он повернулся к дахам и нахмурился, - опять ваши родичи взбунтовались. Берегитесь! С первых снимем черепа. Затем и согнали вас сюда, чтоб остальные смиренно сидели в своих вонючих шатрах. Ты! Как тебя - Гадат? - хватит бездельничать. Встань, поводи лошадь. Дым валит от нее, не видишь?..

- Михр-Бидад! Хоу, Михр-Бидад! - послышался строгий голос из раскрытых дверей невысокого глинобитного дома, где жил Раносбат, начальник персидских войск, размещенных в Ниссайте [Ниссайя - древний парфянский город; развалины сохранились до наших дней в районе современного Ашхабада].

- Ха! - отозвался Михр-Бидад.

- К Раносбату.

Михр-Бидад встрепенулся:

- Бегу!

- И еще хотят, чтоб мы дрались за них! - прохрипел Гадат, провожая перса тяжелым взглядом темнокарих глаз. - Арий! А я кто - обезьяна?

- Тихо! - шепнул предостерегающе дах-старик, главный заложник. Поговорим ночью. Иди поводи коня, чтоб не было хуже.

- Верблюд паршивый! - Гадат осторожно потер ушибленную руку, скрипнул зубами, ожесточенно сплюнул. - Я б ему сразу горб выправил. Одним бы ударом печень вышиб через рот.

- Тихо. Всеу свое время...

Раносбат - носатый грузный перс в просторной алой рубахе с длинными рукавами, в необъятной узорчатой юбке с подолом, пропущенным сзади меж ног и подоткнутым спереди под серебряный пояс, в короткой пестротканой накидке, надетой через голову, - сидел, скрестив ноги, на красном затоптанном ковре и лениво жевал сухие янтарные абрикосы без косточек.

Михр-Бидад, оставив палку за порогом, шагнул в низкую комнату, четко стукнул каблуком о каблук, выкинул, по старому обычаю, правую руку перед собой ("Посмотри на мою открытую ладонь - она без оружия") и бодро гаркнул:

- Хайра! Успех и удача.

- Спх... дач... - не переставая жевать, проворчал Раносбат в ответ на доброе пожелание. - Поди-ка сюда, поди-ка сюда, я говорю.

Две дуги его широких, необыкновенно густых бровей сдвинулись на крутом переносье.

Михр-Бидад почтительно приблизился к начальнику, присел на корточки, заботливо расправил на левом плече вышитую свастику - древний арийский знак.

- Ты чего расшумелся, сын ослицы? - Огромные, черные, продолговатые глаза Раносбата сердито сверкнули из-под толстых, тяжело нависших век. Чего расшумелся, я спрашиваю? Чего расшумелся ты?

Он говорил не торопясь, как бы нехотя. Гудел тягуче, скорей добродушно, чем со злостью: "Чего-о расшуме-е-елся ты-ы..." Оробевший Михр-Бидад выпрямился и, оттопырив локти, приложил ладони у бедрам.

- Ничтожный дах оскорбил меня. Ты же сам учил нас...

- Учи-и-ил! Нужно знать ме-е-еру. Вдруг - война. Захотят эти дахи-махи идти в бой, если мы

на каждом шагу будем пинать их в нос?

Михр-Бидад пожал плечами:

- Не захотят - бичами погоним. Что за диво?

- Легко тебе говори-и-ить! Взбунтуются - кто перед царем будет отвечать? Я или ты, сын ослицы-ы-ы?

Михр-Бидад удивленно посмотрел на Раносбата. Наверное, гонец принес плохую весть. Молодой перс развел руками:

- И чего ты привязался ко мне, начальник? Ругаешься, будто я стрелу потерял или в дозор сходить поленился.

- Ну, ну! - прикрикнул Раносбат. - Закрой рот. Рот закрой, говорю. Рот закрой. Помалкивай. Затем ругаюсь, чтобы понял ты: умный хозяин знает, когда прибить мула, когда приласкать. Уразумел, щенок?

Михр-Бидад выкатил глаза. Свихнулся, что ли, Раносбат? Мула, такое полезное животное, сравнивают с какой-то грязной дахской тварью. Видно, и впрямь не с добром явился гонец.

- Запомни, баран, - продолжал Раносбат поучающе, - дахи не из тех, кого можно толкать и валять безнаказанно. Самый лютей народ в Туране! Берегись. Головой расплатишься за обиду.

- Я, храбрый перс Михр-Бидад, должен бояться трусливого степняка? Бе! Ты б видел, как низко он гнулся передо мной.

- Гнется - смотри, чтоб не выпрямился! Ну, ладно. Хватит болтать. Дело есть. Заметил гонца? Важное известие. - Раносбат отвернул край ковра, достал длинную тростниковую стрелу с голубым оперением из перьев сизоворонки. - Чья?

Михр-Бидад взглянул на трехгранный бронзовый наконечник с крючком. Вопьется такой в тело - не выдернешь.

- Сакская.

- Верно. - Раносбат натужился, крикнул, отломил наконечник и вместе с древком протянул Михр-Бидаду. - Заверни, спрячь. Возьми десять человек персов, своих. Сейчас же. И запасных коней. Скачите день и ночь! Перемахните через горы, спуститесь в долину Сарния и гоните по ней до самой Варканы, к сатрапу Виштаспе. Передай Виштаспе стрелу и скажи ему, что...

Раносбат коротким движением пальца велел Михр-Бидаду придвинуться ближе и шепнул ему на ухо несколько слов:

- Чу-чу-чу... Уразумел ты?

- Да, - кивнул Михр-Бидад.

- И еще скажи: шу-шу-шу... Уразумел ты?

- Ага, - опять кивнул Михр-Бидад.

- И скажи, наконец: шу-шу-шу... Уразумел?

- Угу, - вновь кивнул Михр-Бидад.

- Выпей на дорогу и сгинь. - Раносбат снял с медного подноса кувшинчик с узким горлом, наполнил вином глиняную чашку, поднес польщенному Михр-Бидаду. - Ну, выглушил? Дай обниму. Теперь ступай. Пусть будет удачным твой путь. Я верю в успех, слышишь? Хайра!

- Останется от меня лишь мизинец левой ноги - и то доберусь до Варканы! - Михр-Бидад усмехнулся, гулко ударил кулаком в грудь и скрылся.

Куруш проснулся на рассвете.

Луна - прообраз коровы, покровительница стад, недавно вступившая в первую четверть, с вечера помаячила рогами, повернутыми влево, невысоко на юге, плавно переместилась на юго-запад и после полуночи спряталась за черно-синими зубцами гор.

Но весенняя ночь не стала темней. Ровный свет звезд - крупных, ясных - густо отражался от цветущих садов, протянувшихся, подобно гриве молочного тумана, вдоль Волчьей реки, и

бледным заревом рассеивался в прохладном воздухе.

Царя разбудил соловей.

Он прилетел из дремлющей глубины сада, устроился, как водится, в розовых кустах (они росли у террасы, на которой спал Куруш) и засвистел, как умел, защелкал над самой головой старого перса.

Куруш открыл глаза, вздохнул, потянулся. Хорошо. Давно ему так не спалось.

Еще вчера, усталый, только что с дороги, из далекой жаркой Парсы, думал царь: "Буду лежать, не шевелясь, три дня".

Но горько-соленый ветер близкого Каспия за одну ночь вернул ему свежесть, утраченную, казалось, навсегда.

Благословенное утро. Если уж первый день на земле Варканы начинается радостью, то что будет завтра? Успех и удача. Успех и удача в делах. Это знак божий. И трели соловья - это голос доброго Ахурамазды.

Перекликаясь с соловьем, в поле за оградой, словно чеканщик, ударяющий молоточком по наковальне, отрывисто, упруго и звонко, с присвистом, застучал перепел:

- Фью-фить-фить! Фью-фить-фить!

Он ковал для царя Куруша новое звено к ожерелью Блаженства.

Утро благословенное! Мирно спи мой народ. Нежтесь в медовом сне на заре мужи персидские, жены и дети. Ваш добрый отец не дремлет, он бодрствует за всех.

Куруш сбросил шубу, под которой лежал, встал, накинул на сухие плечи старый халат, сунул босые ступни в туфли с загнутыми носами.

Было уже достаточно светло, чтоб разглядеть ковры, разостланные на террасе. Храпящих у порога телохранителей. Особенно прозрачную, как всегда по утрам, воду бассейна. Белоголубое облако сада, нависшее над усадьбой по склону горы.

Осторожно, стараясь не разбудить спящих, Куруш взял медный кувшин, спустился к ручью.

Ледяная вода стремительно катилась между угловатыми глыбами темно-серого известняка. Блестящие струи то распадались на стеклянные волокна, то свивались в хрустальные жгуты, пересекались, тускло мерцали и звенели, точно кривые ножи из халдейского железа.

Мыться в текущей воде - грех. Нельзя осквернять воду. Она есть одна из четырех стихий, из которых состоит все земное. Она священна так же, как и земля, воздух, огонь.

Куруш зачерпнул кувшином немного студеной влаги, облил руки с застарелой грязью под ногтями, сполоснул горло, смочил худое лицо, волосы, худое лицо, волосы, курчавую седую бороду. Отерся полой халата. Бодрый, как в юности, он поднялся к дому, отыскал под кустами заступ.

Вероучитель Заратуштра - "Золотой верблюд" - говорил: миром правят два сына бога времени Зрваны - светлый Ахурамазда (Премудрый дух) и темный Анхромана (Злой помысел).

К доброму началу относятся: плодородная земля, вода, огонь, люди племен "ария", возделывающие землю и чтущие Ахурамазду.

И полезные растения - злаки, плодовые и иные деревья, овощи, цветы.

И домашние животные - верблюд, корова, лошадь, овца, собака.

Порождение зла, подлежащее беспощадному истреблению, - это кочевники Турана и другие чужеземцы, дикие звери, муравьи, сорняки. Потому и не увидишь во дворе зороастрийца ни одной "бесполезной" былинки - ее безжалостно выдирают, едва она робко пробьется к свету.

К дурному началу причисляются и болезни, холод, окаянные сомнения.

Долг правоверного - неустанно помогать добру против зла. Тот, кто неукоснительно следует предписаниям Заратуштры, после смерти благополучно минует страшный мост Чинвад, ведущий в загробный мир, и упокоится в раю Гаро-Дмана.

Чтобы показать, что он привержен к "арте" - религиозной праведности, каждый оседлый перс, даже самый знатный, время от времени трудится в саду или в поле.

Куруш засучил рукава, покрепче ухватился за рукоять заступа и смело подступил к деревцу, что росло у бассейна. Окопать! Царь заботливо рыхлил почву, то и дело нагибался, выбирал из щебнистой глины и отбрасывал в сторону камешки.

Добрый поступок зачтется в книге Ахурамазды.

Царь вспомнил надпись, которую собирался высечь на скале в Багастане - Стане богов. Он хорошо обдумал ее по дороге. На коротких стоянках писцы терпеливо ловили из уст повелителя "жемчуг слов", нанизывали его на золотую нить умения и наносили на сырую глину легкую вязь арамейских букв.

Писцами служили у Куруша сирийцы. Персы знали только тяжелую клинописную грамоту, да и той научились недавно, после захвата Бабиры.

Надпись вчерне готова. Вернувшись домой, Куруш повелит мастерам выбить ее на трех языках на высоком утесе. Чтобы каждый проезжий и через тысячу лет мог увидеть издалека и прочесть рассказ о беспримерных свершениях человеколюбивого персидского царя.

Заливался, рассыпался соловей. Безмятежно улыбался Куруш. Хорошо! В доме уже все проснулись, за работой царя следили десятки глаз. Растроганно переглядывались слуги: "Святой у нас государь".

Хозяин дома Виштаспа, сатрап Варканы и Парты - благообразный пожилой перс - истово поглаживал черную бороду:

- Пусть славится вечно добродетельный правитель!

Утро, как говорят на востоке, медленно вынуло из ножен рассвета золотые мечи солнца и рассекло ими голубой щит небес.

Соловей умолк.

За садом, на высоком холме, над Башней молчания - дахмой, где местные жители складывали умерших, закружились коршуны.

Куруш разогнулся, отер пот со лба, растер ладонью занывшую поясницу. Устал с непривычки царь. Хотелось отдохнуть. Но не годится бросать дело на половине. Люди глядят. И старик опять взялся за заступ.

За оградой застучали копыта лошадей.

Куруш, не переставая копать, настороженно вскинул голову.

У ворот усадьбы послышались голоса, лязг железа. С кем-то горячо заспорил привратник. Куруш выпрямился, сжимая заступ в правой руке.

Виштаспа, одетый в длинную хламиду, озабоченно зашпешил через двор.

До слуха Куруша долетел резкий выкрик:

- Гонец из Ниссайи!

Царь выронил заступ, выжидательно раскрыл рот.

Раздвинулись створы ворот, въехали забрызганные грязью всадники. Виштаспа торопливо увел их прочь. Куруш стоял, повернувшись спиной к деревцу, у которого он только сейчас мирно трудился, и задумчиво жевал серый ус.

Показался Виштаспа - непривычно суетливый, чем-то обеспокоенный. Он поглядел царю в глаза. По лицу Куруша прошла тень - и слабого отблеска не осталось на нем от недавнего благодушия, умиления, внутренней размягченности.

Царь перешагнул через рукоять заступа и двинулся навстречу сатрапу.

На краю бассейна виднелся ряд сырых глиняных плиток. Куруш наступил на них и прошел дальше, не оглядываясь. И не заметил даже, что раздавил своей ногою ту самую надпись, которую собирался высечь на скале. Сирийцы выставили пластинки сушить на ветру, с тем,

чтобы после обжечь...

Виштаспа - негромко:

- Умер вождь саков аранхских.

Куруш закусил губу. Строгий, задумчивый, он поднялся на террасу, кивнул:

- Воды.

Рабы вскочили с корточек - один с кувшином, другой с медным тазом, третий с льняным полотенцем через плечо.

Хмуря косматые брови, царь мыл руки, запачканные землей, - мыл не спеша, деловито, сосредоточенно, тщательно снимая с пальцев следы "религиозной праведности". Так мясник, готовясь к резне, заботливо очищает ладони от грязи, чтобы затем забрызгать их кровью.

...Михр-Бидад хрипло вскрикнул и растянулся во весь рост у царских ног. Он измучился, изнемог, был чуть жив от утомления.

- Встань, - приказал царь. - Устал?

- Э, отец-государь! - всхлипнул гонец. - Что для персидского молодца усталость? Бе! Усталость - отдых, когда служишь доброму повелителю. Я ради тебя... Заставишь умереть - умру, заставишь воскреснуть - воскресну!

Куруш с любопытством пригляделся к Михр-Бидаду.

- Ага, - промолвил он одобрительно. - Хм. Это - хорошо... Отчего умер вождь?

- На охоте погиб, отец-государь.

- Ага-а. Хм... - Куруш покрутил в руке обломанный наконечник сакской стрелы. - Правда, что саки разрубают покойных на куски, варят в котле и едят, как баранину?

- Не могу знать, отец-государь. Слышал, будто они едят храбрецов погибших, но видеть не приходилось. Наверное, правда. Чего не дождешься от этих двуногих зверей?

- Да, - подтвердил Виштаспа. - Дикий народ.

Куруш внимательно посмотрел на родича и сказал - скорей себе, чем сатрапу:

- Ну, не столь важно, как саки погребли вождя - в яму затолкали или в брюхо. Главное - он умер.

Царь небрежно кинул через плечо бронзовый наконечник.

Раздумчиво помахал второй частью стрелы - оперенной тростинкой.

- И это уже не главное.

Он сделал несколько шагов по ковру. Остановился у ступеней, ведущих с высокой террасы вниз, в темный провал густо затененного двора. Устремил пристальный взор на лиловеющий вдалеке горный хребет.

Вода и камень. Снег и облака. И тысячи длинных дорог. Никто не знает, где они берут начало, никто не ведает, куда они ведут. Узнать бы, дойти до предела, скрытого в тумане. И утвердиться там, у предела.

...Где-то к востоку от Каспия, к западу от Небесных гор, кочуют в голодных песках Турана сакские племена. Какое дело сакам до Куруша, какое дело Курушу до бедных саков? Земля, земля. Как просторна, земля, ты для малых, как тесна ты, земля для великих.

Куруш постучал ногтем по оперенной тростинке - по концу, где должен торчать наконечник:

- Главное - теперь, теперь кто будет у них вождем?

СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ. КРЕЧЕТ И МЫШЬ

Саки, часто меняясь, несли Белого отца на шкуре убитой им хищницы.

Шли цепочкой, ведя коней в поводу. И тишина скорбного шествия не нарушалась ничем,

кроме глухого топота человеческих ног и лошадиных копыт. На краю чангалы навстречу охотникам бросились женщины, пойма задрожала от горестных причитаний. Девушки расплетали косы. Старухи раздирали ногтями морщинистые груди.

Томруз не показывалась. Она ждала мужа дома, в стане у речной излучины.

Спаргапа плелся позади всех. Слезы, струясь по измученному лицу, скапливались в уголке перекошенного рта и стекали на голый подбородок.

Сколько помнил себя Спаргапа, он видел, чувствовал рядом отца. Думалось, так будет вечно. Но отца уже нет. Не вернется старик, не погонит к табуну темной ночью, не потреплет за ухо.

Горькая нелепость. Все равно, что с вечера лечь здоровым и целым, а утром проснуться вовсе без рук, будто никогда не имел их. Или скакать по пустыне с водой для умирающих от жажды детей и, добравшись до места, обнаружить, что бурдюк пуст...

Он взошел на вершину кургана, где молился вчера старый вождь.

Невдалеке, на берегу узкого озера, образовавшегося из старицы, пестрели, выстроившись в ряд, полосатые шатры и крытые повозки кочевого стана. Виднелась глинобитная стена загона. Луговина между палатками и подступавшими из пустыни барханами была забита людьми, как стоящий поблизости загон - голодными овцами. Овец в суматохе забыли выгнать на пастбище.

Крики, стоны, плач. Эх, отец! Спаргапа судорожно вздохнул.

...На ветке ядовитой триходесмы задергала хвостом трясогузка. Глаза у юнца прояснились. Слезы испарились чуть ли не в одно мгновение. В лощине, тянувшейся из дюн и огибавшей подножье кургана, мелькнуло красное пятно.

Райада!

Он сбежал по склону с такой стремительностью, что едва не перескочил, как антилопа, рытвину поверху.

Райада, казалось, не замечала Спаргапы.

Откинув голову назад, выпятив грудь далеко вперед, слегка повиливая плечами, игриво покачиваясь, помахивая прутиком, она будто торопилась куда-то и ступала быстро-быстро, ставя пятки близко, а носки - широко врозь. На плотном песке, устилавшем овражек, четко отпечатывались следы босых девичьих ножек.

- Стой! - крикнул запыхавшийся Спаргапа.

Она с готовностью - видно, ждала, когда он крикнет, - остановилась, посмотрела насмешливо:

- Вах! Это ты, храбрый охотник? Много фазанов настрелял, меткач?..

Спаргапа смутился. Когда и от кого она успела узнать?.. Он пробормотал:

- Не до фазанов было.

- А как же! Конечно! Еще бы! Страшно в чангале. От костра, видать, не отходил?

Спаргапа чуть не расплакался:

- И когда ты перестанешь надо мной смеяться?

- Когда станешь мужчиной, - с улыбкой подзадорила его Райада.

Спаргапа вспыхнул, как факел:

- А кто я, по-твоему: дитя грудное?

У юнца пересохло во рту.

Он жадно охватил девушку потемневшими глазами. Всю - от острой шапочки и блестящих, вымытых кислым молоком, распущенных волос, приподнятых у висков бровей, чуточку раскосых глаз, короткого, немного вздернутого носа, в меру крупного рта со смуглыми губами - до ловких ног. Вобрал в сердце всю Райаду - с ее длинным, до пят, облегающим платьем без рукавов и с широким круглым вырезом вокруг шеи, с ниткой коралловых бус, медными

браслетами на запястьях и медной гривной на груди и и твердо сказал:

- Вот что! Ты выходи за меня замуж, слышишь?

- За-а-а-муж? - Она прыснула - и захохотала, всплескивая руками, притоптывая ногами, хватаясь за живот, выгибаясь назад. - Замуж - за тебя? Аха-ха-ха!

- Дзинь-дзинь-дзинь! - вторя звучному смеху, часто и чисто звенели мониста при резких сотрясениях девичьего тела. Тряслись в ушах серьги. Бренчали у кистей и на щиколотках тройные браслеты с шипами, изображающими козьи рожки. Золотое кольцо, вдетое в левую ноздрю, вычерчивало мелкий огненный зигзаг.

- Чего ты заливаешься? - Спаргапа сердито схватил Райаду за золотисто-коричневую руку. - Говори - выйдешь?

Кожа Райады пахла красным перцем и мятой.

Райада утихла, вырвалась, хлестнула юношу прутиком по пальцам. Но глаза продолжали смеяться.

- Где Белый отец? Погиб. Будут выбирать нового предводителя? Будут. Ну, и выйду за тебя, если станешь вождем саков аранхских.

Райада дразняще передернула круглыми плечами. Спаргапа остолбенел, разинул рот. В это время появился верхом на коне суровый Хугава.

- Хоу, Спар! Куда ты пропал? Мать ищет.

- Сейчас, - досадливо отмахнулся Спаргапа и вновь повернулся к Райаде. Но она собралась уже уходить. - Спешి домой, малыш, не потеряйся, - прошептала она язвительно. - Матушка беспокоится - как бы кот барханный не уволок... Ну, я побегу искать ягнят.

Маленькая, плотная, складная, она вприпрыжку умчалась прочь, помахивая прутиком и напевая.

Спаргапа задумчиво смотрел ей вслед.

"Ну, и выйду за тебя, если станешь вождем саков аранхских..."

Он вспрыгнул на лошадь и поехал в лагерь.

- Где ты задержался? - Строгий взор Томруз заставил юнца опустить голову. Он топтался в шатре у порога, не зная, что сказать.

Томруз сидела на верхней кошме, уронив руки на колени. Из расцарапанных щек на грудь капала кровь. Спаргапа взглянул исподлобья на бледную, за два дня состарившуюся мать, заметил седую прядь, и ему опять захотелось плакать.

- Был на кургане, чтоб никто... - проговорил он невнятно и показал на слезы.

Томруз осуждающе покачала головой.

- Когда человек - в стороне от всех, и горе у него - снаружи, это плохо. Когда человек среди всех, и горе у него - внутри, это хорошо. Учись мужеству.

- Ах-вах! - Спаргапа отчаянно хлопнул шапкой оземь. - Заладили: мужчина, не мужчина... Или у меня косы выросли на затылке? Не гожусь в мужчины - пошлите пасти ягнят.

- Вместе с Райадой, - с грустной усмешкой подсказала мать.

- При чем тут Райада? - Спаргапа отвернулся.

- Говорят, сколько не плюйся, лика луны не запачкать. Спору нет, Райада пригожа на вид. Но - в лике ли только пригожесть? Золото блестяще, а на что годится, кроме колец? И снег красив, да ноги стынут. Из Райады не выйдет доброй жены. Никогда. Запомни: свяжешься с нею - не слезами будешь плакать, а кровью.

Речь томруз плетью хлестала по открытой, как свежая рана, незрелой душе юнца.

- Почему? - спросил он подавленно.

- Что, если кречет сойдется с мышью? Кречет - сын просторов небесных, под облака он привык взлетать, парить над пустыней. Мышь - дочь глубоких нор, навеки она привязана к

темной пещере. Может ли жить жизнью кречета мышь? Нет. Бездонное небо - не для подземных тварей. Как их норы, узок их мир, ничего им не надо, кроме душных дыр, набитых зернами злаков степных. А юный кречет? Сможет ли он жить мышьиной жизнью?

Томруз требовательно, как вчера - отец, смотрела на сына.

И сын, как человек, только что проснувшийся, удивленно и недоумевающе смотрел на мать.

- Может быть, и сможет, - сказала Томруз уничтожающе. - Но тогда ему надо выщипать крылья и хвост. Не летать - карабкаться, не дичью питаться грызть семена. Понимаешь ли ты свою мать, о Спаргапа?

- Нет! - В голосе юнца сквозила обида. - Почему ты сравниваешь Райаду с мерзкой мышью?

Ух, эти матери! Вечно у них все не так. Встречалась на свете когда-нибудь мать, что не ворчала на сына? Попадались где-нибудь в мире матери, которым нравились бы подружки их сыновей? Старухи смотрят на девушек, как на ядовитых змей - ох, ужалит сына, ох, высушит сына, ох погубит сына!..

Томруз устало вздохнула. Боже! Неужели... Плохо матери, если сын глуп.

Она терпеливо продолжала:

- У нас, саков, земля и вода, скот и пастбища, шатры и повозки достояние всех людей. Слышишь? - всех людей. Так заведено исстари. Нет моего, есть наше. Ни богатых, ни бедных. При бедности - все бедны, при богатстве - все богаты. А вот у соседей - из ста один богат, а девяносто девять для него землю пашут, скот пасут, рубежи стерегут, жилища берегут за постную похлебку.

Спаргапа - недоверчиво:

- Разве так бывает?

- Бывает! И есть во многих местах. В Парсе, например.

- Но - Райада?..

- Ты знаешь Фраду, отца Райады?

- Знаю. Родовой старейшина.

- Вот Фрада смолоду бродил по чужим странам - нанимался охранять караваны. Ему пришлось побывать в Маде, Парсе, Бабире - он в разных землях побывал, хитрый Фрада. И посмотрелся на всякую иноземную всячину. Это неплохо - надо видеть мир, понимать соседей. Учиться у них хорошему. Но Фрада, лукавец, не хорошее, а дурное намерен у нас привить. Хочет стать одним из ста. Или даже из десяти тысяч. Точно суслик - в нору, тащит он в свой шатер все, что добудет. Скот, принадлежащий роду, забрал себе. Сородичи пропадают без сытной еды, без теплой одежды зимою.

- Фрада? - изумился Спаргапа. - Он умный. На советах складно говорит, всегда со всеми согласен. Всею душою за старших.

- Эх, Спар! Не верь тому, кто всегда, во всем и со всеми согласен. Такой человек - себе на уме. Честный не может превозносить что попало. Светлое он светлым назовет, темное - темным. И это - по-человечески.

Что толку кичиться вместительностью котла, если у него в боку - дыра? Залатай дыру - тогда и хвастайся. Тот, кто и худое именуется добрым, тот лукав и низок. Он презренный обманщик. И - опасный. В угоду хозяину он расхвалит и хворого коня. Поверишь лжецу, сядешь на полудохлое животное, отправишься в путь - и сгинешь в песках. Как ни расписывай больную лошадь, ей все равно околеть... Такой человек способен продать и предать. И такой человек - Фрада.

- Почему же его не накажут?

- Не раз укорял наглеца Белый отец. Да проку-то что? Фрада - крупный родовой вождь, он сам себе хозяин. Хочет - живет с нами, не захочет уйдет.

- Ну и прогнали бы.

- Стоит одной овце заболеть чесоткой - и сто других овец отары покроются язвами. Немало старейшин тянется за Фрадой, защищает отца твоей Райады.

- Но при чем, при чем тут Райада?

- Тень прямого дерева - пряма, тень кривого дерева крива. От козы козленок, от овцы - овца. От плохой горы - плохие камни, дочь пошла в отца. Правда, она не хитра, а глупа. Что прикажет родитель, то и делает, а что делает - не понимает сама. Но это - пока. Придет время - поймет, тоже начнет хитрить. Злостно хитрить. Уже и сейчас... Погляди на других девушек - они выбирают себе женихов не среди сыновей старейшин, а среди тех, кто прост и отважен, не словами - делами важен. Кто трудолюбив и честен. Райада же... Она ничего не просила взамен своей любви?

Мать в упор глядела на сына.

"Ну и выйду за тебя, если..."

Юный сак прищурился, крепко сжал зубы, с шипением втянул воздух, выпятил полусомкнутые губы. Точно ушибся о камень.

- К тому же она старше тебя на четыре года и уже знала мужчин, добила Спаргапу мать.

- Да?! Оказывается, я совсем еще глупый. Дурак я совсем. - Он подобрал войлочный колпак, нахлобучил до самых бровей. - И вправду, какой я мужчина? Ничего не понимаю. Не знаю, что творится на свете.

- Не горюй, узнаешь, - с горькой усмешкой утешила сына Томруз.

- Как же быть с Райадой? - Он умоляюще посмотрел матери в глаза. Она у меня вот здесь.

Спаргапа приложил руку к груди.

- Выдерни стрелу и пользуй рану целебной мазью мужества и терпенья.

- Ладно! - Спаргапа скрипнул зубами. - Теперь я и смотреть не хочу на Райаду.

"Не надолго хватит твоей бронзовой твердости, горячая душа, сокрушенно подумала Томруз. - Увидишь свою трясогузку - все мои наставления вылетят из головы. Истину говорят: сердце вожделеющего - без глаз. Чую - распустится юнец. Отец умел его стреноживать, а я - нет, не сумею. Слаба. Люблю дурачка..."

Черной тучей выростали конные отряды в красной пустыне.

Черной волной перехлестывали через гребни дюн.

Черными потоками, извивающимися в лощинах, устремлялись со всех сторон к озеру, у которого разместился главный стан саков аранхских.

Саки без шума разбивали шатры и шли поклониться праху вождя.

У озера, плотно охватив его десятками рядов полосатых, белых, черных и серых палаток, на дюнах и в пойме возник за три дня войлочный город. Тут собрались тысячи саков - мужчин, женщин, детей.

И все ж то была лишь малая часть сакского народа. Бесконечное множество племен кочевало, подобно тысячным стаям рыб в море, или громадным косякам птиц в небе, по Туранской равнине, в сухих степях за рекою Яксарт и в каменистых долинах Памира.

Белый отец говорил:

"У нас, в Туране, три корня сакских племен. Мы, хаумаварка, живем по Аранхе [Аранха - река Аму-Дарья]. Так? Тиграхауда - по Яксарту. У моря Вурукарта [Аральское море] - заречные. Каждый корень на четыре племени делится. Племя на два братства дробится. Братство - на четыре рода, род на четыре колена, колено - на четыре семейства разбито.

А ну, подсчитайте. В колене - один прадед, четыре деда, шестнадцать отцов, шестьдесят четыре сына, двести пятьдесят шесть маленьких внуков. Взрослых женатых мужчин - восемьдесят пять; прибавьте восемьдесят пять женщин. Будет четыреста двадцать шесть.

Четыре колена в роду - тысяча семьсот четыре человека.

Четыре рода в братстве - шесть тысяч восемьсот шестнадцать.

Два братства в племени - тринадцать тысяч шестьсот тридцать два.

Четыре племени в корне - пятьдесят четыре тысячи пятьсот двадцать восемь.

Три корня в союзе туранских саков - сто шестьдесят три тысячи пятьсот восемьдесят четыре человека!

Причем, я считаю, округленно, как раньше считали. Нынче в иных племенах по двадцать родов, по тридцать - люди расплодилось. А те, что обитают в горах и северных степях? А геты и дахи, приставшие к нам? Велик сакский народ".

Бактры и сугды, соседи кочевников, рассказывали:

- Каждое племя у саков живет обособленной жизнью. Управляется оно Советом предводителей братств, родов и колен. Только если грянет война или другое бедствие их постигнет, объединяются наездники под главенством одного, самого старшего племени. Того, из которого, как ветви от ствола, отросли все остальные племена.

Вождем такого древнего племени, первого союзе хаумаварка и был Белый отец.

На краю пустыни, недалеко от кургана, на котором любил сидеть старый вождь, саки вырыли глубокую яму.

Белого отца уложили на шкуру матерой, им же сраженной самки леопарда - хищницы, прозванной Пятнистой смертью. Оба, человек и зверь, пали в жестоком поединке: охотник отточенной бронзой взрезал разбойнице горло она, издыхая, вырвала сердце охотника.

По правую руку вождя положили копье и длинный кинжал - акинак, по левую - щит, лук и колчан, набитый стрелами. Путь в царство теней опасен и труден, старику понадобится оружие.

И еще положили в яму, зарезав, трех любимых коней предводителя - не идти же ему пешком в такую даль.

И еще положили теплую одежду, кошму, попону, свернутый шатер, связку волосяных арканов, запас уздечек, седельных подушек и подпруг. И трех убитых рабов, чтоб помогали хозяину в дороге. И трех убитых рабынь, чтоб готовили пищу.

Могилу перекрыли древесными стволами, хворостом, снопами тростника. Затем каждый сак, роя землю мечом, наполнил ею шапку и высыпал прах пустыни на свежую могилу. Каждый сак высыпал на могилу по одной шапке земли, и на краю красного песчаного моря, у великой реки, поднялась гора.

Саки установили вокруг кургана сотни трехногих бронзовых котлов с круторогими литыми козлами по краям и запалили костры. И такой густой дым за клубился над Аранхой, что казалось - то ли чангалу по всей реке охватил огонь, то ли северный ветер принес тучи, и будет гроза.

Кровь тысяч жертвенных животных брызнула на вытопанную траву. И когда в котлах сварилось мясо овец и лошадей, старый Дато взошел на курган с огромной чашей кобыльего молока.

По-волчьи, не поворачивая шеи, поглядел Дато направо, поглядел Дато налево, по-волчьи запрокинул голову Дато, и над пустыней, над притихшей чангалой, раскатился душераздирающий вопль.

Не переводя дыхания, на той же высоте звука, Дато перешел к торопливому речитативу; кинув хриплым голосом два десятка отрывистых слов, он закончил вступление к песне глухим рыданием и вылил молоко на еще не обсохшую глину кургана.

Едва умолк Дато, у ближайшего костра, вместе со столбом дыма, к небу взметнулся еще более острый вопль. Пред ликом Тьмы дичали мудрые, ожесточались добрые, смелые впадали в отчаяние.

От костра к костру, то косо пролетая над самой землей, то опять птицей взмывая кверху,

перекидывалась, подхватываемая все новыми и новыми голосами - женскими и мужскими - жуткая песня тризны.

Это была старая песня.

В ней звучали клики косматых всадников, идущих в набег, и яростный визг дерущихся жеребцов, и угроза, и плач, и любовь, и вечный страх человека перед черной неизбежностью, и ненависть к смерти.

Затем люди приступили к еде и питью.

Так хоронили саки своих вождей.

Уже с вечера у костров было много толков, споров, догадок и пересудов. Кого избрать главным вождем хаумаварка? Сак из дривиков племени Белого отца - поведал на лужайке:

- Перед тем, как двинуться в чангалу, у верховного спросили: "Кого поставить над нами если ты погибнешь?" Долго не отвечал Белый отец. Он думал. Подумав, промолвил с улыбкой: "У каждого произнесенного слова есть свой дух-хозяин. Я уйду, а медный идол моего слова останется среди вас. Он будет бродить от шатра к шатру, переходить из уст в уста. Что, если я назову имя, которое никому не придется по душе? Или одним понравится, другим - нет? Теперь, у входа в иной мир, я понял, сколько глупых дел совершил за свою жизнь, сколько умных людей сбил с толку. Так неужели Белому отцу путать саков и после того, как его не станет? Грех. К тому же, что значит мое слово - слово одного человека? Соберите народ, пусть он сам решит, кого поставить над собой. Народ не ошибется..."

Кого же?

- Хугаву, - сказал Спаргапа Томруз на заре. - Никого лучше не знаю.

Мать задумалась.

- Да, - кивнула она одобрительно. - Молод, зато умен. Трудолюбив, храбр. И у него счастливое имя: "Хорошими коровами обладающий". Выберем Хугаву - добрый скот у саков расплодится. Однако согласится ли Хугава?

- Согласится! Я пойду сейчас, переговорю с ним. А ты на совете кричи за Хугаву. Ладно?

В измученных глазах Томруз засветилось радостное удивление. Нет, Спаргапа не так уж глуп, как она думала. Боже! Неужели... Хорошо матери, когда сын мудр.

...В крепости, еще недавно пустой и темной, открылся, казалось, меновой базар - столько людей набилось сюда с рассвета. И больше всех, пожалуй, в толпе было девушек. Ярмарка невест.

Спаргапа слышал за собой их приглушенные возгласы:

- Смотрите, кто это?

- Спар, сын покойного старейшины.

- Вай, до чего красивый!

Спаргапа задрал голову повыше, напустил на себя равнодушный вид. Он чувствовал - девушки глядят ему вслед. И вытянулся, как тетива, стараясь показаться высоким и необыкновенно стройным, отчего походка сделалась у него судорожной, дергающейся, будто беднягу за волосы встряхивали. Эх, юность...

"Мать укоряет меня справедливо, - подумал Спаргапа. - И впрямь, почему я прицепился к этой Райаде пустоголовой? Вон сколько их... Найдется для молодого кречета сизокрылая соколиха", - горделиво закончил он свою мысль.

На глиняной ограде затрещала сорока.

И вдруг - знакомый медный голос:

- Куда спешишь, храбрец?

По телу волной хлынул жар.

Оторопевший и одуревший, с отнявшимся языком, стоял Спаргапа перед благоухающей, как

ветвь базилика, Райадой.

Она искательно заглядывала снизу в бараньи глаза юнца и хитро смеялась. Четко выступали на смуглой коже шеи, отсвечиваясь на ней беловатыми бликами, крупные жемчужные ожерелья. Сверкали на запястьях браслеты червонного золота. Угольками горели на шапочке рубины. Но все это безнадежно меркло в блеске чистейших в Туране зубов, в лучах солнечного взгляда.

Смутно, как очертание дозорной башни в удушающем тумане, в замутившейся памяти Спаргапы возникло материнское предостережение.

"Мышь...".

Он протянул трясущуюся руку, чтоб отстранить Райаду, и прохрипел, с усилием разлепив спекшиеся губы:

- Уйди. Некогда мне...

Райада испуганно округлила глаза.

- Как! - воскликнула она растерянно, - ты уже не хочешь на мне жениться?

У нее жалко задрожали губы и подбородок. Точно как у ребенка. Сердце юного дририка остро заныло - так у бывалого воина ноет к непогоде старая рана.

- Жениться! Ты ведь не за меня - за вождя хотела бы...

- А ты разве не хочешь вождем стать? - изумилась Райада. Она тесно прижалась к нему и прошептала с зовущей улыбкой: - Вечером будь у наших шатров. Хорошо? Я выйду.

Кожа Райады пахла красным перцем и мятой. Она страдальчески прищурилась, кивнула с бесстыдной откровенностью, больно ущипнула Спаргапу за тыльную сторону ладони и убежала.

Стая чем-то обеспокоенных псов кинулась за нею.

У Спаргапы потемнело в глазах, закружилась голова. Бледный, с подгибающимися ногами, словно хворый, еле выбрался он из городища и поплелся по тропинке вдоль озера к стану Хугавы.

За палатками слышался чей-то дикий рев.

Оказалось - Хугава, ловко орудуя старым, сточенным наполовину мечом, брил голову одному из братишек.

Рядом корчилась от смеха высокая, статная, синеглазая и русоволосая женщина - жена Хугавы:

- Ты правил свой серп на камне? Провел им хоть раз по точилу? Ой-ой! Такой бритвой верблюдов глушить. Может, огня принести да лучше опалить мальчишку, чем мучить, кромсать ему голову затупленной бронзой.

Меч резал волосы отлично. А мальчишка - он плакал просто от страха и с непривычки - у саков не принято брить голову.

Хугава добродушно посмеивался:

- Не мешай. Рассержусь - и у тебя косы уберу. Только и возишься с ними. Сколько кислого молока переводишь на мытье! Давай - отхвачу? Пригодятся на путы для коней.

- Э, нет! Самой нужны.

- Для чего?

- Тебя на привязи держать.

Разговор был пустой, но веселый, и юнец подумал с завистью: "Хорошо им вместе, должно быть. Она любит Хугаву - по глазам небесным вижу, по улыбке. Ах-вах, когда же и мы так... с Райадой? Горе моей голове".

- Я сейчас, - кивнул Спаргапе табунщик. - Нечисть завелась у малыша. Никак не одолеть. Приходится снимать волосы, пусть это и грех...

В семействе Хугавы было немного людей. Огня, как говорят в пустыне хватало на всех. И в отличие от крупных семейств, где каждая малая семья питается из отдельного котла, здесь дружно садились за одну скатерть и дед с бабкой, и отец с матерью, дяди и тети, родные и двоюродные братья и сестры, невестки, племянники и племянницы, а также несколько пленных сугдов и тиграхауда, принятых в дом, по сакскому обычаю, на правах сыновей.

Спаргапе дали место рядом с Хугавой.

Пища у саков была простой, грубоватой, зато вкусной и сытной. Никаких сладостей, солений и печений. Поели жирной мясной похлебки, заправленной диким чесноком и мятой. После еды отерли засаленные руки о волосы, брови, усы и бороду, у кого была борода. Выпили по чашке кобыльего молока.

Затем юнец и Хугава улеглись на берегу озера, в густой пахучей траве.

- Что скажешь? - улыбнулся Хугава. - Пришел пострелять?

Спаргапа вцепился в тонкий, но крепкий стебель солодки и попытался его сорвать, но растение не поддавалось.

- Эх, друг Хугава, эх! - Он с натугой одолел тугой, упругий стебель, хлестнул им себя по шее. - Не до стрельбы сейчас. Скажи, Хугава... эх, туман у меня в голове! - скажи, друг: смог бы... смог бы ты быть главным вождем хаумаварка?

- Я?! Что ты, парень! Какой я вождь? Нужно много чего повидать на свете, чтоб десятками тысяч людей верховодить. Такой же светлой головой владеть, какая у отца твоего была. Вождь - это как отец для детей: самый старший, самый умный, самый сильный человек в семье.

- Самый старший? Нет, Хугава. Ты - молодой, а все в твоём семействе слушаются тебя. И старики, и дети. Выходит, не в годах дело, а в голове.

- Ну, это семейство, а то - союз племен, - сказал Хугава нехотя.

- Теперь скажи, Хугава... - Спаргапа отвел глаза в сторону, сунул ободранный стебель в рот, - скажи, друг: подошел бы... сумел бы я быть предводителем саков? Да, да! Чего ты опешил? - оскорбился Спаргапа. Разве я какой-нибудь ягненок паршивый, что меня нельзя выбрать главным вождем? Я - сын великого старейшины!

- Не рановато ли... о таких вещах? - пробормотал пораженный Хугава.

Спаргапа рывком поднялся, поднялся и обескураженный табунщик.

- Хочу быть вождем - и все! - Спаргапа по-детски упрямо топнул ногой, обутой в мягкий сапог с коротким голенищем.

Стрелок бросил на юношу косой взгляд изумления. Спаргапа уловил этот взгляд, круто покраснел от убийственного стыда, крепко рассердился на Хугаву, но еще крепче - на себя.

- Не хочу... но так нужно, - поправился Спаргапа, избегая пронизательных глаз сородича. - Если ты - друг, за меня кричи сегодня на выборах. Ладно?

Хугава не ответил.

Спаргапа резко повернулся, приблизил к стрелку лицо, бледное, словно тростниковый корень. Губы юного дририка кривились, глаза, на миг ослепшие, скозились к переносью. Весь он так и корчился от ударившей в голову ярости.

Как говорится в легенде: "Буйные жилы его передернулись. Из глаз, как от огнива, посыпались искры. Длинные кудри взвились кверху, точно хвост жеребенка, стоит, рыча, черный верзила, снизу прямой, сверху сутулый..."

- Кричи за меня на совете! - взвизгнул Спаргапа. - Или... я не знаю, что сделаю... и тебя зарежу, и себе живот распорю!

И он с зубовным скрежетом перекусил стебель солодки.

Он и медный прут перекусил бы сейчас.

Жалкий и потерянный, неверными шагами потащился Спаргапа к городищу, а Хугава стоял

у озера и смотрел ему в спину, вскинув изогнутые брови на лоб, почти до волос.

- Что с ним такое? - соображал с горечью "Хорошими коровами обладающий". - Был не совсем умен - совсем глупым сделался. Кто-то крутит беднягу. Это Райада...

Негодование плотно сомкнуло крепкие челюсти пастуха.

- Ладно, друг, - проворчал он сурово. - Я покричу на совете... Если жеребца не объездить смолоду, потом к нему - не подступись. Не согнул деревцо, когда прутиком было - не согнешь, когда в кол превратится. Хугава вспомнил обритого братишку и усмехнулся. - У тебя тоже нечисть в голове завелась. Что ж? Останешься без волос.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ. ГРОМ И МОЛНИЯ

Среди гостей - купцы из дружественной Сугды [Сугда (Согдиана) - в древности область Зеравшанской долины].

С ними - странный, одетый так же, как и они, в халат с закругленными полами и узкие штаны, но по ухваткам и выговору - чужой человек, нездешний: торговец из далекой Эллады.

У саков он - впервые. Грек следит за туземцами сосредоточенно, с тем же любопытством, с которым бывало, взирал на родине на сборища растерзанных вакханок.

Саки - люди большей частью рослые, смуглые и длинноголовые, с миндалевидными глазами, сияющими чернотой из-под тяжело нависших век, с толстыми округлыми носами и грузными подбородками. Они похожи на мадов, на мужей персидских.

Но немало среди них и белокожих, золотистоволосых, с прямыми или крючковатыми носами и сухими точеными лицами. Солнце Турана не вытеснило еще из синих и серых глаз северной прохлады.

Тут и там промелькнет в толпе густо-коричневый лик, носящий признак близкого родства с чернокожим курчавым югом.

Сверкнут иногда с плоского желтого лица два острых, косо разрезанных глаза - через них глядит на западного гостя иной восток, не сакский, неведомый, отгороженный стеною неприступных гор.

"Боги сотворили сей народ из сорока различных племен".

Их замкнутые ряды кольцами охватывают курган и широко раздаются по лугу, словно круги, расходящиеся от брошенного камня по зеленой воде. На кургане - старейшины в столь же потрепанной одежде.

- Похоже, бродяги степей соревнуются между собой в крайней бедности, - заметил грек. - Но коли уж они до того убоги и нищи, что вынуждены ходить чуть ли не в лохмотьях, то почему так горд и независим их вид?

Сугды пояснили:

- Сак нетерпим к излишеству. Кочевники довольствуются одеждой простой и грубой, зато прочной и удобной для верховой езды. Их гордый вид выражает презрение к роскоши. Взгляни на оружие. У всех - и у старейшин родовых, и у номадов рядовых - щиты крепки, луки мощны, копья отточены, мечи в добротных ножнах. Сак говорит: "Одежда служит мне одному. Так? А мне одному ничего не нужно. Довольно рубища, чтоб прикрыть наготу. Мечом же и щитом я защищаю не только себя и свой дом - я единокровных сородичей им обороняю, как они обороняют меня. Не ради себя - ради них я и забочусь о мече и щите". Саки содержат в порядке и уздечки, наплечники, нагрудники лошадей, которых холят больше, чем родных детей, - без лошади кочевник пропадет в пустыне.

- Диковинный народ. Но - что это? На совете - женщины?! - изумился иноземец. - Смотрите, они преспокойно усаживаются рядом с мужчинами! Разве им место здесь? В Милете, откуда я

приехал, и во всей Элладе - даже в Афинах, свободою нравов прославленных, - женщин не то что допустить на совет - из жилища выпускают редко.

- У саков женщина - такой же человек, как и мужчина. Знаешь, о чем рассказывают наши старики? Еще недавно, всего два-три поколения назад, женщины заправляли у саков важнейшими делами. Ныне главенствуют мужчины, но и подруги их в прежнем почете. Спорят на советах, выступают в походы, хорошо бьются стрелами.

- Так это и есть амазонки? Дивно, дивно.

Не все у кургана отрепьями хвастали - появился человек, ведший за руку невысокую девушку в дорогом, алом, как пламя, платье.

- Должно быть, не сак, хотя он и в грязном кафтане. Чем-то отличен от других, а чем - не пойму. Бактр? Перс? Кто такой? - спросил чужеземец у ближайшего кочевника.

Хаумаварка вытянул шею.

- Который? Маленький, с короткой бородой, с девчонкой, красивой, как фазан? - Кочевник брезгливо сплюнул. - Фрада. Сак, из наших.

- Не похож.

- В каждом табуне - лядащий конь. Больше не спрашивай. Не хочу говорить о таком человеке.

Округлая, как дно перевернутого котла, вершина холма задымилась.

Осколком солнца сверкнул огонь.

Очистительное пламя. Оно выжжет неправду из хитрых речей, испепелит грязь слов, внушенных дурными помыслами, обидой или завистью.

У костра привязали к бронзовым кольям двух огромных, с молодого осла, желтых псов с обрубленными ушами и хвостами. Умные, свирепые, они никому не дадут солгать.

Сугды - эллину:

- Собака священна. Старый вождь говорил: "Мы, саки, происходим от первородных собак". Потому и назвались кочевники так: "сак" - это "собака" на их языке.

Между собаками, на косо воткнутом в землю длинном копье, усаженном у конца двумя бычьими рогами, трепетал, извивался, плавно раскачивался, повинувшись легкому ветру, черный конский хвост.

Годы, века, тысячелетия пролетели над черными хвостами, а они все развевались по-прежнему то в предгорьях алтайских, то в ясных степях сибирских, то среди холмов приуральских, то на утесах памирских, то в сыпучих песках туранских. Казалось - каждый взмах бунчука отсчитывал век, и через расстелившееся по ветру, мерно колышущееся кочевое знамя неуловимо струилось само суровое время.

Белобородый Дато, чье имя означало "закон", подступил к костру, протянул вперед и несколько кверху широко расставленные, ладонями к небу, как бы зовущие руки.

Коротко и размеренно переступая на месте, он с напряженной медлительностью сделал оборот вокруг себя, темные руки неспешно смели незримую паутину шума, нависшую над толпой. Следуя их плавному движению, неторопливо поползла по лугу и глухо сомкнулась вокруг холма душная тишина.

- Смотрите! - шептал возбужденный эллин. - Как рокочущие волны моря опадают и сглаживаются по мгновению умиротворяющей десницы Посейдона, так стихли, замерли без слов номады...

Дато опустил левую руку и заговорил. Но голос его не долетал с кургана до отдаленных рядов. Только видно было, как он раскрывает рот, шевелит губами и взмахивает правой рукой.

В толпе постепенно гас даже шелест слабого шепота, и по мере того, как все более прозрачной и холодной становилась тишина, ясней и ясней проступала, нарастала в пустоте

речь Дато.

И вот он закончил громко и внятно:

- ...самого мудрого, самого опытного, самого достойного из всех! Кто будет говорить?

- Я! - На курган поднялась высокая, дородная, но по-девичьи гибкая женщина. Юное лицо - и строгий взгляд. Прямой стан - и седина на висках. Трудно понять, сколько ей лет - она молода и стара.

Красная, словно мак, повязка на лбу. Темно-красное, туго перепоясанное платье без рукавов, с широким круглым вырезом вокруг шеи, с широкой желтой каймой по вороту, по подолу, доходящему до ступней, и по отверстиям для рук, оголенных до плеч. Скромное платье, но чистое и к лицу.

Таков праздничный наряд любой пожилой сакской женщины. Потому-то и трудно на первый взгляд отличить их, степнячек, друг от друга.

- Это кто? - оживился грек.

- Томруз. Жена погибшего старейшины.

- О! Видная женщина. Одеть получше - уподобится Палладе.

- Хороша и в своем наряде.

Псы на холме приветливо завилыли обрубками хвостов. И не только потому, что немало жирных костей перепало им от Томруз. Собаки чуют в человеке как скрытую жестокость, так и скрытую доброту.

Томруз наклонилась, взяла кусок земли, приложила ко лбу:

- Мать Анахита и дух Белого отца - помогите!

И так, с куском священной земли в руке, шершавой от работы, произнесла Томруз речь.

- Белобородые отцы, седовласые матери, братья и сестры! По древнему обычаю - верховный вождь в племени тот, кто старше всех в старшем роду. Не так ли, почтенный Дато?

- Так, - высокомерно кивнул дряхлый Дато.

- Старший род у дривиков - род Дато. Досточтимый Дато - старший в роду. По закону - он главный вождь. Не так ли, премудрый Дато?

- Так.

Дато с достоинством пригладил зеленоватую от времени бороду. Кого изберут предводителем саков аранхских? Конечно, Дато. Без всяких сомнений.

Удивительно!

Никакой пользы не принес бы союзу племен этот немощный старец. Белый отец был стар, но бодр, даже могуч. Дато же давно ступал по краю могилы. Разве мало тебе почета, которым ты окружен, как старший? Мало того внимания, с которым слушают люди твои советы, твои наставления, не всегда удачные? Будь доволен. Откажись, зная слабость свою, от высокого звания.

Так нет же! Тебе нестерпимо хочется, как хочется пить в жару, усесться на белый войлок предводителя. Годен, не годен, подходишь, не подходишь - лишь бы поважничать, покрасоваться на видном месте.

Тщеславие, ты не болезнь?..

За каждой фразой, ясно и четко произнесенной Томруз, следовал гул многотысячной толпы - так молнию сопровождает грохот грома.

- О! Саки любят говорить и слушать, - заметил длиннородый купец из Сугды. - Слово для них все равно, что копьё или меч. Они верят в его таинственную силу. Колдуны, этой верой пользуясь, одной лишь словесной угрозой уничтожают неугодных сородичей. Помню, однажды знахарь из саков тиграхауда сказал молодому дривику: "Проклятый, ты умрешь в первое новолуние". И молодой дривик, здоровый, как бык, быстро зачах и умер.

- Я не против законов, установленных отцами, - продолжала Томруз. Кто против дружбы, сплоченности, поддержки взаимной? Полезные и добрые обычаи старины помогали и помогают жить. Они не отомрут никогда - пусть пройдет хоть тысяча лет. Но всякий ли вчерашний обычай годится сегодня? Похлебка, свежая и вкусная утром, к вечеру портится. От нее недолго заболеть. Не так ли, саки?

Подобно громадной стае грачей, сорвавшихся с кустарника, родились в человеческой толще и пронесли над нею, налетая очередь за очередью, громкие крики.

Они усиливались от мгновения к мгновению: - Истинно так, Томруз!

- Ты права, как всегда, Томруз!

- Хвала тебе, добрая, мудрая Томруз!

Смуглое лицо женщины покраснело от близости костра, от жары и приняло цвет гранатовой кожуры. В багряной одежде, полыхающая, как пламя, Томруз, казалась богиней, вышедшей из огня.

Она отерла пот с полной шеи и заговорила вновь:

- По преданию наши предки бродили в зарослях, ели червей. Мы, их потомки, кочуем в пустыне, пасем скот. Значит, меняется жизнь? Да. Справедливо ли, чтоб новая жизнь подчинялась старым законам? Пока караван идет вдоль реки, он живет по закону долины. Погонщики пастбищ не ищут, бурдюки не заливают влагой - и трава, и вода под рукой. Но если беспечность законов долины караван понесет в пески? Он погибнет. Не так ли, саки? Возьмите змей. Они каждый год сбрасывают кожу и одеваются в новую. Почему? Для чего? Змеи растут. Старая кожа становится тесной, душит их. Так и люди. Они тоже растут. Люди должны сбрасывать тесную кожу устаревших законов и устанавливать новые. Иначе они задохнутся.

Чем ясней высказывала свою мысль Томруз, тем сумрачней становился Дато. Но Томруз не боялась. Горячие волны несокрушимой силы, незримо исходившие от окружающих, окутывали, прикрывали женщину, как самый надежный панцирь. Согревали ей кровь. Сообщали словам мощь и жгучесть.

- Пока жизнь была проще и людей в племенах было меньше, на белой кошме мог сидеть любой человек. Мудрый или недалекий, здоровый или больной, смелый или трусливый - все равно! Лишь бы он был самым старшим среди стариков. Но теперь - иное время. Народ расплодился. В пустыне тесно, не хватает пастбищ. Сократилось поголовье скота. Усилились соседи на западе. Прибавилось тревог, забот и опасностей. Я не говорю: вождем непременно должен быть юнец. Нет! Я говорю: пора выбирать вождя не по возрасту, а по уму, по умению. Пусть он будет стар, но не ветх, пусть будет молод, но не глуп. Чтoб думал не о своих бесчисленных немощах или юношеских забавах, а без усталости, не жалея сил, заботился о нуждах людей. Изберем вождем человека доброго, но, когда нужно, и строгого. Человека скромного, но, когда нужно и твердого. Человека зоркого, сильного и стойкого! Такой человек есть. Я кричу за Хугаву!

Возмущенно загалдел, замахал руками Дато. Но ропот его утонул в реве бесчисленных глоток, как тонет свист испуганного суслика в басовитом рокоте внезапно грянувшего урагана.

- Хугава!

- Где Хугава?

- Пусть он покажется!

Томруз поклонилась народу и спустилась с холма.

К священному костру поднялся Хугава. Собаки завизжали от радости, запрыгали, гремя бронзовыми цепями.

От Хугавы знакомо и вкусно пахло кизячным дымом, овчиной, овечьим сыром, сыромятной кожей, полусырой, зажаренной на углях, кониной, конским потом, попонами. Милый собачьему

сердцу, привычный дух.

Смущенный пастух неловко потоптался на месте и досадливо махнул рукой.

- Ты что, тетушка Томруз! Смеешься, что ли, над Хугавой? Посмотрите на меня, люди. Ну, какой я для вас главный вождь? С табуном бы управиться - и то хорошо. Нет, не смогу я быть вождем, не сумею. Лет через десять, если дозволит небожитель, может, и подойду. А сейчас...

Пастух разыскал глазами Спаргапу, ерзавшего на траве, будто он сидел на гнезде, набитом скорпионами. Разыскал - и лукаво улыбнулся своему тайному замыслу.

- Отец Дато сказал: избрать самого умного, опытного, достойного из нас. Я знаю такого! Это Спаргапа, сын покойного старейшины...

И Хугава указал рукой на сразу же притихшего юнца.

По тысячам лиц, словно тень откуда-то набежавшего облака, скользнуло глубокое недоумение. Тишина вокруг холма выражала немой вопрос. Затем послышался чей-то удивленный возглас:

- Ты шутишь, Хугава?

Смех. Подхваченный десяткам и сотнями мужчин и женщин, он перерос в добродушный, беззлобный хохот. Никто не хотел обидеть Спаргапу. Но такой уж нелепой показалась кочевникам мысль, что десятками тысяч людей управлял бы мальчишка шестнадцати лет.

Спаргапа - юнец веселый, приветливый, но все же лишь юнец, который не то что наставлять сородичей - сам нуждается в наставлениях, как ребенок, едва научившийся ходить.

...Он вскочил, метнул, как дротик, яростный взгляд в Хугаву, сверкнул глазами, как ножами, в сторону Райады - все из-за тебя,мышь! - и ринулся прочь от холма, унося на жалко ссутулившейся спине тягостный груз позора.

К огню торопливо взошел Фрада.

Фрада низко поклонился костру, поклонился Хугаве, народу. Улыбнулся псам. Но псы хрипло залаяли, судорожно забились в цепях.

Они разглядели то, чего не заметил никто из людей. У Фрады из-под длинного рваного халата виднелись новые сапоги чужой, не сакской работы. И серебряные подковы на каблуках были чужие, и несло от сапог иноземным духом.

Не удержался человек - пусть украдкой, да натянул дорогое добро. Решил хоть перед собой богатством похвастать.

- Смотрите! - зашумели вокруг. - Смотрите, как злятся собаки. Значит, у Фрады нечисто на душе.

- Ох, саки! - протяжно и звучно произнес Фрада, издевательски-заискивающе оглядывая народ. - И где ваш разум? Кого надо слушать - собаку или человека? Собаку? Тогда зачем же мы, люди, тратим время на пустые разговоры? Пусть высокомудрые псы и выберут для нас вождя по своему усмотрению...

Невысокий и плотный, с чуть раскосыми красивыми глазами, коротким ладным носом и заботливо подрубленной бородой, Фрада стоял у костра, согнувшись и приложив ладони к груди; вид его выражал смирение, зато презрение содержал бегающий взгляд, а из хитрых слов сочился яд.

Гвалт стих. Да. Что ни говори, собака - это только собака, а человек - это человек. Саки уловили в словах старейшины какую-то долю здравого смысла и устыдились недавних выкриков.

И все же... ведь то не просто псы, а псы священные! Станут ли они напрасно кидаться на человека? Почтение к собакам впиталось в кровь. Несмотря на кажущуюся справедливость упрека, высказанного Фрадой, поведение собак настораживало людей, внушало им недоверчивость.

Хмурые, недоброжелательные, пастухи приготовили щиты своих душ, чтоб отбить все словесные стрелы которые собирался пустить в них красноречивый Фрада.

- Ох, саки, ох! - воскликнул Фрада еще более звучно, но без всякой натуги, мягко и певуче. - И почему вы ответили глупым смехом на умную речь хугавы?

- И как из такого маленького человека выходит такой большой голос? поразился грек.

- Осел кричит громче верблюда! - откликнулся с усмешкой один из хаумаварка.

Фрада продолжал:

- Прав Хугава! Спаргапу надо избрать. У персов, наших соседей, власть переходит от отца к сыну. Чем плох этот обычай? Если белый войлок вождя будет передаваться по наследству, он не достанется случайному человеку, в руки всяких... Кхм! Спаргапа - сын верховного правителя, и место верховного правителя принадлежит ему. Молод? Пусть. А мы-то на что - мы, старейшины семейств, колен, родов, братств и племен? Будем помогать юному предводителю, наставлять его в добрых поступках, удерживать от ошибок и заблуждений.

Вчера хитроумный Фрада заявил приспешникам:

- Белый отец, - ох, да не будет мне худо за дерзость! - по уму не очень отличался от барана. Стоять во главе союза племен и идти на поводу у неумытых табунщиков!.. Тьфу. Заполучить бы власть - я живо навел бы в пустыне порядок. Всех бы поставил на место! Хватит нам, белокостным, есть из одного котла с черноухими. Почему я должен тратить свой острый разум, нюх свой, свою расторопность на благо тупых двуногих скотов? Не умеют жить - пусть пропадут, бес бы их забрал. Мы должны заботиться о самих себе. Вот рука. Куда загибаются пальцы? Внутрь, а не наружу. Ясно? Пора, как говорится, взнуздать коней. Посадим Спаргапу на белый войлок, я выдам за него райаду - и мы с вами будем вертеть этим безрогим теленком, как заблагорассудится.

- О-ох, саки! - затянул Фрада. - Кричите за Спарга...

Саки носили кафтаны короткие, выше колен. Фрада же, чтоб скрыть сапоги, напялил длинный, до пят, халат. Шальной ветер как раз переменялся, дым ударил в полы халата и, не найдя прохода у ног старейшины, ринулся, клубясь, кверху, и плотно забил широко раскрытый рот Фрады.

- Пу! Кха! Пу! Кха!.. - задергался в кашле Фрада, стараясь выговорить до конца "Спаргапу".

Священный костер сделал свое дело! Воющий хохот пронесся над рядами хаумаварка. Но тут кучка верных Фраде старейшин дружно подхватила его коварный призыв:

- Кричите, саки, за Спаргапу!

Гневно загудел народ:

- А-а-а, умники!

- Персидских порядков захотелось?

- Царя из Спаргапы намерены сделать?

- И посадить сакам на шею?

- Не туда загибаешь лук, друг Фрада!

- Не на того скакуна уселся!

- Не на ту луговину попал!

- Кха, саки, кха! - завопил Фрада. - Что вы, саки? Я ведь о вашем же благе забочусь! Не хотите - как хотите. По мне, хоть козла вожаком изберите, хоть корову царицей назначьте. Не все ли равно? Фрада и за коровой не сгинет.

...За каждым старейшиной - целый род. И нравится роду или не нравится, он обязан поддерживать своего старейшину. Речь Фрады всколыхнула собрание. Речь Фрады поколебала твердость и прямоту суждений. Речь Фрады вызвала разброд в мыслях и высказываниях.

Чтоб расколоть прочный ствол вяза, древодел вбивает бронзовый клин.

Волк, стремясь разъединить табун и прижать молодняк к чангале, пробегает, оскалив зубы, между косяками.

Фрада вколотил клин острой речи в сознание людей и разделил толпу на несколько частей, не согласных одна с другой.

Саки спорили, переругивались.

Неизвестно, чем бы кончился день, если б к священному костру не приковылял старый пастух с растрепанной бородой, в драных штанах, седой.

Казалось, одно из неказистых, вкривь и вкось перекрученных деревьев, растущих в песках и не дающих тени, вдруг ожило, зашевелилось и, неуклюже ступая, притащилось на совет. Так он был сух, сутул, морщинист и жилист.

Кожа старика, впитавшая жар палящих солнечных лучей, ледяной холод вьюг, пыль, соль, едкий дым степных пожаров, отливала дикой гляцевитой теменью, словно слой пустынного загара на древнем камне.

Слезались, подслеповато щурились глаза, обожженные пламенем дневного светила, изъеденные песком, на лету хрустящим в пору ураганов и бурь.

Со лба струился, разбавленный салом и грязью, обильный пот.

Косолапо заносилась носком за носок пара ветхих сапог; она еле держалась на ступнях ног, выгнутых округлыми боками мохнатых коняг, на которых сак, сколько помнил себя, передвигался, ел, пил, спал, хворал, видел сны, обнимался и дрался.

Никто не знал, как его зовут.

От него густо и остро пахло пустыней. Он вынырнул из самого низа, из толщи толщ медноликой толпы.

Из среды тех, кто незаметно рождается в тряской повозке или в золе у костра и растет на пронизывающем ветру с ягнятами и щенятами.

Кто верит всем и всему и с верблюжьей терпеливостью несет тяжесть жизни, даже не подозревая, что она может быть иной.

Кто безропотно трудится, думает лишь о знакомых вещах: о жене и детях, о песке и лошадях, кто не умеет говорить и смеяться, держится всегда в стороне, стыдится себя, сам не зная - почему, и страсть как не любит выступать на советах.

Но треснет и камень, коль его раскалить.

- Э-э... кхум! - проворчал пастух сипло и хрипло и небрежно отпихнул ногой ластившихся к нему собак. Он откашлялся, отхаркался, высморкался и сплюнул прямо в священный костер. - Вот что, честная мать. Стада... э... э... вытоптали всю окрестность. Травы нет. Пора, честная мать, двинуться вниз по реке, на нетронутые пастбища. Чего же вы расселись? Дела у вас нету, что ли?

Он недоуменно пожал плечами в рубцах заживших и свежих ран.

- У нас в семействе четверо братьев, три сестры. Здравствовал отец слушались отца. Погиб отец - слушались мать, пока и она... Умер Белый отец - осталась жена. - Старик махнул скомканной шапкой в сторону Томруз. - Вот она и умна, и скромна, и добра, и все такое. Пусть, честная мать, и будет нашей матерью. Какого, к бесу, нужно еще вождя?

Пастух заботливо расправил, растянул обеими руками колпак, сунул в него лохматую голову и пошел, не оглядываясь, от костра, исчез так же незаметно, как и появился.

Слова безвестного табунщика - изломанные, точно ветви кустарников на дюнах, меж которых он пас коней - проникли в грубоватые сердца, как шипы этих кустарников проникали, бывало, в его обветренную грудь.

Они причинили сознанию людей, затуманенному лукавой речью Фрады, жгучую боль прояснения.

Они слили вместе струи разнородных мыслей.

Они направили поток несходных мнений по единому руслу.

Томруз?

Однажды в низовьях реки, у Хорезма, саки видели, как вода разрушила царскую плотину. Влага сначала тихо, исподволь, скапливалась у преграды. Но чем выше она поднималась, тем ворчливей становилась река. У плотины закружились водовороты. И вот гигантская жидкая лавина навалилась всей мощью и тяжестью на сооружение, пробила брешь в толще хвороста и глины и с оглушительным ревом опрокинулась на отмели мирно дремавшего старого протока.

Так, после продолжительной, раздумчивой тишины, загрохотал у кургана, множась и ширясь от мгновения к мгновению, громоподобный крик:

- Томрррру-у-уз!!!

- Ох! Где справедливость? Никакого уважения к старшим не осталось в Туране. Пришли времена разброда и беззакония. Так ведь, а, высокоумный Дато?

- Так, сын мой. Так.

Удивляюсь твоему терпению, отец. Разве лукавица Томруз не силой отняла у тебя белый войлок? А, досточтимый?

- Так, сын мой. Так. Злой женщиной оказалась Томруз.

- А ты молчишь. Ты скромн и благодарен. Наглецы как хотят, так и поносят доброго, безответного Дато. Правду говорят: "Когда змея становится старой, лягушка ездит на ней верхом". Нет, я не молчал бы! Молчать и смотреть, как Томруз возносит Хугаву? Ох! Почему, ты думаешь, она во всю глотку кричала за него на совете? Говорят...

- Неужели?! О бесстыдница! Не успела похоронить мужа... Нет, я этого не позволю! Я им покажу.

Простившись с Дато, Фрада свернул к своим шатрам. Тут он разразился бранью:

- Ох, наши саки, чтоб им сгореть! Такого тупого, упрямого народа на свете не сыщешь. Тьфу! И довелось же несчастному Фраде родиться среди саков поганых! Разве не мог сотворить меня бог где-нибудь в Парсе? Неужели ему было бы так уж трудно создать Фраду где-нибудь в Бабире, а? Не захотел, дурной старик. Поленился. И ты хороша! - накинулся он на дочь. Не сумела покруче окрутить своего недоумка. Слюнтяй проклятый! Больше и на полет стрелы не подпускай его к себе.

Понимал Фрада - не при чем здесь Райада: мог ли Спаргапа одолеть толпу? Но - надо же сорвать на ком-нибудь злость? Райада понурилась. Фрада всполошился, замахал руками.

- Ох! Не сердись, дочь. - Он гладил ей волосы и глотал слезы. - Не обижайся на отца. Ради кого хлопочет отец? Ради Райады. Мы с тобой - одни на земле. Озлобишься! Была бы мать жива... Иди переоденься. Отдыхай. А я на свирели поиграю, хорошо? Тяжко на душе.

Девушка ушла за войлочный полог, разделяющий шатер надвое, сняла бусы, браслет, платье, бережно уложила их в окованный медью сундук. Села, опустила голову на голые колени.

Первые звуки свирели напоминали чуть слышный лихорадочный шепот.

По животу Райады прошла дрожь. Она стиснула зубы и колени и медленно передернулась на ковре. Где ты, Спаргапа? Где ты? Вождь или не вождь - все равно ты нужен Райаде...

Пела свирель. Фрада плавно отрывал от клапанов пальцы и свирель роняла россыпь приглушенно-звонящих капель.

Это звездная ночь.

Это с неизъяснимой задумчивостью журчала и булькала в ручье вода.

Это по берегу ручья, судорожно толкая и раскачивая осоку, тягучими порывами проносился теплый ветер.

Это с нестерпимой откровенностью звучал вдалеке зов молодого скакуна.

Райада задыхалась. Где ты, Спаргапа? Она упала, скорчилась на полу и забилась в сладостно-горьком плаче.

...Она давно порывалась уйти к Спаргапе без отцовского согласия - по сакским законам девушка сама себе хозяйка. Порывалась, но не уходила.

По вечерам Фрада рассказывал дочери о далеких городах:

- Подобно горе, возвышается Бабира, чудо света, над рекой Пурагту, и громада ступенчатых кирпичных башен, с которых звездочеты наблюдают за небесными светилами, ясно отражается в зеркальной воде канала Арахту. По каналу скользят круглые лодки из обожженной глины. От огромного царского дворца к таинственному храму Эсагилы ведет Улица процессий с изображениями львов, быков и других священных животных на стенах. Весною, на новогоднем празднике Загмук, жители города совершают на этой улице под чтение поэмы Семи таблиц обряды в честь бога Мардука.

Райаде грезилась соловьи в висячих садах западных стран, статуи богов, похожих на прекрасных мужчин, и мужчины, подобные богам, снились бани, решетки на окнах, базары, бассейны, наряды, купцы, розы, павлины, гранаты, жемчуг и золото.

Туловища пленных на кольях, рабы в цепях, толпы гниющих заживо бродяг-прокаженных ей не мерещились - о них не рассказывал Фрада.

Заслушавшись отца, Райада с головой погружалась в "зеркальную воду канала Арахту" и забывала о Спаргапе.

За пологом раздался резкий и холодный свист.

Будто ледяной ветер промчался над пустыней, шурша опавшей и смерзшейся листвой прибрежных тополей. Это Фрада изливал тоску в надрывистых переливах свирели.

Райада с трудом, как после припадка падучей, подняла растрепанную голову и осмотрелась вокруг мутными потухшими глазами. Она устыдилась своей наготы и поспешно оделась.

Спаргапа?

Девушка скривилась от отвращения. Кто такой Спаргапа? Пастух, серый сак. Вот если б он сделался царем Турана и выстроил над Аранхой ступенчатый дворец... Но разве способен Спаргапа на что-нибудь путное? И вправду он слюнтяй. Отец прав. Конечно, прав отец.

Ведь он - умный.

К вечеру погода испортилась.

Северный ветер с шумом раскачивал тростник, деревья и кустарники чангалы, со свистом проносился меж дюн, трепал полотнища намокших палаток.

Не дай бог очутиться сейчас в болотистых зарослях! Сверху журчит вода, снизу бурлит вода. Страшен голос потоков ревущих. Шорох, треск, скрип ветвей, хлюпанье дождевых струй. Ни клочка сухой земли.

"Где, в каких логовищах, прячутся звери в такую ненастную ночь?" угрюмо подумал Спаргапа. Он и сам казался себе бесприютным четвероногим бродягой, отбившимся от волчьей стаи.

Уныло и у человеческого жилья. Дым, стелющийся по мокрой земле, жалобное блеяние ягнят, плеск холодной воды... Спаргапа подъехал к шатрам Фрады с подветренной стороны, чтоб не учуяли собаки, и крикнул совой.

На тропе - никого.

Юноша спешил, подлез под брюхо коня, стремясь хоть немного укрыться от студеной влаги, изливавшейся ему за шиворот. Крикнул вновь. Скорбный плач ночной птицы одиноко прокатился по берегу глухо клокотавшего озера.

Вот и Райада.

- Чего тебе? - спросила она сердито из-под влажной попоны.

- Я... ты сказала... - Спаргапа наклонился к ней, стараясь разглядеть лицо. Она резко отступила, приподняла край попоны и крикнула, задыхаясь от ветра:

- Уходи! Видеть не хочу...

- Райада! Я не виноват. Так уж получилось. Верь, мое сердце, Спаргапа еще отличится! Тебе не будет стыдно выйти за...

Сын Томруз со стоном упал на колени, утопив их в жидкой грязи, и зарыдал - горестно, тяжело и безнадежно.

Он обхватил ей колени. Жар его рук был нестерпим; чудилось - капли дождя, попадая на них, испаряются. Точно так, как поздней весной небесная сырость, достигнув раскаленного песка, тут же отлетает обратно к туче.

Огонь Спаргаповых рук хлынул обжигающей волной к плотным бедрам Райады. Она судорожно выгнулась. Боже! Бедный Спар! Ладно уж, ладно. Ладно! Бери меня, мой Спар.

Забывшись от возбуждения, она выпустила край попоны. Дождь нанес ей ледяной удар в открытую грудь. Осатанелый ветер за какой-нибудь миг выдул из сердца любовь, как тепло из только что ярко пылавшего очага.

Девушку разом пробрал озноб. Затряслись ноги; дрожь, окатив тело снизу, кинулась в зубы, и они мелко-мелко застучали. Райада опомнилась. Назад, к отцу! Скорей! Она с неожиданной силой и злостью толкнула Спаргапу.

- Ох! И когда я от тебя избавлюсь?

Дочь Фрады повернулась и убежала, шлепая остроносой обувью по лужам, тускло блестящим, как изрытая глина, при свете звезд, мелькавших среди изорванных туч.

Не походили те лужи на прозрачную воду канала Арахту.

Спар задрал голову, вцепился обеими рукам в мокрые волосы и взвыл от острой тоски, темной досады на Райаду, Хугаву, старейшин, на весь белый свет. Белый? Нет. Он черный. Он черный, как загробный мир.

Выкрасть Райаду? Наброситься, страшным ударом опрокинуть в грязь знай, гнусная тварь! - скрутить, изломать, швырнуть в седло, как загнанную, издыхающую лису... Но куда ты денешься с нею? Весь Туран знает Спаргапу. Найдут. Вернут. Позор.

Эхо-о-о-ой! Горе. Горе моей голове. Война бы грянула, что ли. Спар показал бы насмешникам, на что он горазд.

Юнец вскочил на коня и с надсадным, зовущим, захлебывающимся криком пустился, не разбирая дороги, в глубь пустыни, меж горбатых дюн, угрожающе затаившихся в ночной темноте.

СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ. ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Кто не слышал о несметных сокровищах Креза, лидийского царя?

От них и пошла поговорка: "Богат, как Крез".

Греческий законодатель Солон, устроив дела в Афинах "к всеобщему благополучию", предпринял путешествие на Восток, чтоб взглянуть на эту знаменитую личность.

Плутарх пишет:

"Подобно тому, как житель внутренних областей, впервые отправившийся к побережью, видит в каждой речке море, Солон, очутившись во дворце Креза, принимал телохранителей и слуг за самого царя - настолько был важен их облик, роскошен был их наряд".

После долгих проволочек эллина допустили к правителю.

Стремясь поразить чужеземца пышностью одежд и украшений, Крез оснастился - как

оснащается корабль рядами весел, парусами, канатами и якорями - грудой тончайших тканей, золотых цепей, диадем, браслетов, перстней и гривн; он сиял в радужном свете голубых, зеленых и алых камней, точно глыба льда, пронизанная лучами солнца.

Против ожидания, Солон остался равнодушен к блеску царского убранства.

Крез спросил высокомерно:

- Известен ли тебе человек, более счастливый, чем я?

- Да, - спокойно ответил Солон. - То афинянин Телл, согражданин мой. Он отличался высокой нравственностью, взрастил детей, пользующихся добрым именем, и погиб со славою, храбро сражаясь за отчизну.

- А меня, - разгневался Крез, - ты не ставишь в число людей счастливых?

Солон заявил:

- Назвать человека счастливым при жизни, пока он подвержен опасностям, - все равно, что провозгласить победителем и увенчать лаврами атлета, еще не закончившего состязаний. К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей. Кто может сказать, какой поворот судьбы нас ждет впереди?

Рассерженный Крез, как ни заступался за Солона баснописец Эзоп, находившийся в то время при сфардском дворе, очень ясно намекнул неучтивому эллину, что не потерпит больше его присутствия среди своих гостей.

Солон удалился.

Несколько лет спустя войско Креза успешно продвигавшееся на восток, столкнулось с отрядами перса Куруша. Персам не меньше, чем самим лидийцам, нравились одеяния сфардской знати. Им хотелось завладеть сфардским золотом, стадами тонкорунных овец, кораблями ионийских греков, подчинявшихся Крезу.

В битве у Галиса самонадеянный лидийский властитель испил, как говорят на востоке, осушил до дна, выхлебал до капли горькую чашу поражения. Войско пало. Царь попал в полон. Суд персидских родовых старейшин приговорил врага к сожжению.

Уже была готова куча хвороста, Креза привязали к столбу, принесли горящие факелы. Как вдруг сфардец трижды прокричал что было сил:

- О Солон! О Солон! О Солон!..

- Кто такой Солон - человек или бог, почему ты к нему одному взываешь перед смертью? - спросил пленника удивленный Куруш.

И Крез передал ему речь мудреца из Эллады.

Задумался Куруш. Да. Судьба переменчива, счастье недолговечно. Он вспомнил начало войны против Иштувегу. В первой стычке мады, соседи и кровные родичи персов, нанесли Курушу такой удар, что ему пришлось, не оглядываясь, бежать до самой ахеменидской столицы, до каменных Пасаргад.

...Может не столько предостережение Солона, сколько желание прослыть великодушным, заручиться поддержкой лидийских сановников, заставило победителя даровать побежденному жизнь. Так или иначе, Крез благополучно избежал костра.

И вот, через семнадцать лет после битвы при Галисе, старый и хворый, с видом человека, примирившегося с волей судьбы, сидит молчаливый Крез в ряду приближенных Куруша - сидит далеко от родины, в немилой, чужой Варкане, на террасе загородного дворца, принадлежащего сатрапу Виштаспе.

Здесь и Гау-Барува - толстый рыжебородый перс с плоским рябым лицом, круглыми, как у филина, глазами и крючковатым носом, хищно нависшим над резкой, точно рубец, полоской губ.

Оспины у него такие крупные, что в каждую уместится по золотой монете. На голове -

полосатая повязка, оба конца которой свисают на жирную грудь. Кисточки ржавых бровей вскинута к вискам, короткие пальцы постукивают по золотому набалдашнику палки.

Царь искоса и ласкающе взглянул на советника.

Гау-Барува - родовой вождь, но смолоду не живет по законам старины. Он перешел в разряд служилой знати, близкой к царю, себя и род свой навеки связал с деспотией. В походе ли, во дворце ли - он постоянно рядом с Курушем. Никогда не обманет, ни за что не изменит. Верный друг.

Не таков Утана - чернобородый, приземистый и плотный, словно бык, зрелый муж, что расселся подле Гау-Барувы. Утана очень богат. Богат, как Крез. Правда, сокровища Креза давным-давно переселились в казну Куруша, и лидиец сейчас нищ, как отшельник. Но так уж принято говорить - богат, как Крез... Утана тоже родовой старейшина, но держится особняком, знать не хочет никаких правителей. Сам царь, хоть и маленький.

Он увлечен торговлей. Караваны Утаны ходят на запад, в Тсур и Бабиру, на восток, в Бактру и Гандхару. Вот и сейчас сто верблюдов Утаны режут на постоянных дворах Задракарты, варканской столицы. Он здесь проездом. Явился к Виштаспе приветствовать царя - узнал стороной, что Куруш гостит у родича-сатрапа.

Да, горд, а явился. Значит, хоть немного, но боится Куруша. Хорошо.

Не первый год царствует Куруш. Привык внук Чишпиша за двадцать лет и к почтению, и к смирению, к унижению окружающих. Слушать хвалу и лесть приближенных для него все равно, что воду пить, есть хлеб, дышать и спать. Обычное дело, повседневное.

И все же, думая об Утане, царь не смог удержаться от торжествующей усмешки. В груди загорелся огонь давно угасшего юношеского тщеславия.

Эй, люди! Вот - я, а вот - вы. Я один, а вас много. Я стар, а вы молоды, проворны и опасны.

И все-таки я езу в колеснице, а вам запрещено в нее садиться.

И все-таки я ношу пурпурный плащ, а вам запрещено к нему прикасаться.

И все-таки я иду, куда хочу, а вам запрещено входить ко мне без доклада.

И все-таки я говорю, когда хочу, а вы сидите, томитесь, терпеливо смотрите мне в глаза и не можете раскрыть рта, пока я не раскрою свой. И не смеете при мне ни чихнуть, ни кашлянуть, ни плюнуть.

Я - царь.

Во дворе показался мальчишка в узорчатых шароварах - длинный, худой, вертлявый. Должно быть, младший сын или племянник Виштаспы. Он тащил под мышкой медный таз, моток тонкой веревки и короткую палку.

- Итак, они избрали женщину? - лениво спросил Куруш, наблюдая за мальчишкой.

- Да! - с готовностью кивнул Гау-Барува.

Царь снова усмехнулся, но теперь уже холодно, жестковато:

- Говорят, Томруз хороша. Не лгут?

- Хороша, - подтвердил Гау-Барува. - Я беседовал с греком, что приехал из Милета. Он видел Томруз на совете, очень понравилась. А греки разбираются в женской красоте. Вон каких пригожих богинь вытесывают из мрамора.

Мальчишка привязал один конец бечевки к палке. Подпер палкой косо поставленный таз, насыпал на землю пшеницы, взял бечевку за другой конец, отошел подальше и спрятался под кустом шиповника.

В глазах царя зажглась искра угрюмого веселья.

- Ага! Хм... - Куруш с той же недоброй усмешкой пригладил красную, свежескрашенную хной курчавую бороду. Цвет хны напоминал сукровицу. Казалось, она широкой полосой текла у царя изо рта. - Я, видно, голову потеряю из-за этой Томруз! Ночей не сплю. Не жениться ли

мне, Гау-Барува, на сакской царице?

Виштаспа, Утана и Крез переглянулись. Гау-Барува понимающе улыбнулся.

- Почему бы нет? - сказал с расстановкой, вразяжку, рыжий придворный. - Женщина в соку, пригожа. Ей нужен муж. К тому ж у Томруз... э-э... такое...

Он приостановился. Стоит ли раскрывать тайный замысел до конца? Тут чужие.

- Приданое, - подсказал Куруш советнику.

- Приданое! - воодушевленно подхватил Гау-Барува. - Такое богатое приданое. Я женился бы. А ты, Утана?

- Я? - Утана почесал бровь, густую, как у иного молодца ус. - Хватит с меня имеющихся жен. А захочу новую - разве нет на свете другой женщины, кроме сорокалетней неумытой сакской бабы? У нас, в Парсе, красивых невест хоть отбавляй.

Царь нахмурился. Проклятый купец. Женить бы тебя на плахе.

Он представил себе Иштувегу, деда по матери, которого, победив, заточил на время в темницу, затем отослал на восток и приказал его там тайно убить.

С ехидных губ престарелого мада срывался злорадный смех.

"Что, внук? - мстительно шептал Иштувегу. - Не силой персидского оружия сразил ты меня, а с помощью самих же мадов, богатых старейшин, не желавших терпеть над собой мою единоподданную власть. Не так ли? А теперь и ты, стремящийся упорно, как голодный мул - к стойлу, к той же единоподданной власти, столкнулся со скрытым, но мощным, словно донное течение, противодействием персидской родовой верхушки.

Погоди, однажды темной ночью ловкач Утана и его друзья свяжут и выдадут внука какому-нибудь удачливому пройдохе, как мады выдали внуку деда".

"Прежде чем он свяжет меня, я его зарежу", - возразил мысленно Куруш предку.

"Не зарежешь! Зарежешь одного из вождей десяти персидских племен оставшиеся девять убьют тебя. Они не глупы. Поймут: кто уничтожил одного из их своры, может истребить всех. Так-то, дорогой и любимый внук! Терпи, хочешь не хочешь".

"Я не спущу с Утаны глаз, буду держать его при себе с помощью всяких уловок. Знай, мой добрый дед - я приручу строптивного Утану".

Верный Гау-Барува чутко, как пес - настроение хозяина, уловил недовольство царя Утаной и напустился на добродушного торговца:

- Ты умен, Утана, однако себялюбив, как женщина! Судьба Парсы нисколько тебя не заботит. Лишь бы Утане благоденствовать, а государство хоть развалилось. Неумытая, говоришь? Сорокалетняя, говоришь? Баба, говоришь?.. Пусть ей будет сто лет! Пусть мажется вместо белил и румян черной грязью! "Какое нам дело до прачек Рея, чисто они стирают или нечисто?" Разве речь о самой Томруз?

К ловушке, которую устроил мальчишка, подлетела синица. Мокроносый птицелов замер, широко раскрыв рот. Синица, поскакивая боком, с опаской приближалась к зерну.

Царь вытянул шею.

- Не о Томруз речь, - продолжал Гау-Барува. - Нужно обезопасить восточный рубеж, замирить этих разбойных, вечно голодных саков, дружбу с ними наладить, чтоб не ударили в спину. Понятно?

Дзанг!.. Юный охотник дернул за веревку. Палка выскочила из-под таза, таз со звоном упал на землю и прихлопнул синицу. Мальчишка испустил визг ликования и бросился к ловушке.

Царь откинулся назад, облегченно перевел дух и скупно улыбнулся. Попалась.

- А-а, - наивно протянул Утана. - Вот оно что. Ну, хорошо. Пусть государь женится. Только, - Утана обвел присутствующих глуповатым взглядом и, незаметно для других, подмигнул сонному Крезу, - согласится ли Томруз выйти замуж за чужого царя? Не получилось бы, как в

пословице: "В доме невесты еще ничего не слышно, а у жениха уже музыка и танцы".

Птицелов осторожно сунул руку под таз. Пошарил под ним, прикусив губу от нетерпения, коротко вскрикнул и, торжествуя, извлек из ловушки добычу, зажатую в кулаке.

- Надо постараться, чтоб согласилась! - Куруш выпрямился. Живо подтянулись Виштаспа, Крез, Гау-Барува. Утана снял с лица, как повязку, дурашливое выражение. - Вот и поспособствуешь ты мне в этом деле, Утана! Оставишь караван в Марге [Марг - ныне Мары, город в Туркменистане] и вместе с Гау-Барувой поедешь за Аранху сватать Томруз. Думаю, не сочтет мой брат Утана маленькую услугу за тяжкий труд?

Гау-Барува раскраснелся от удовольствия. Так! Отвертись, гордец.

Утана, тихий и смирный, прикинул что-то в уме, почесывая левую бровь и облизывая языком правый уголок полураскрытого рта. В разноцветных глазах, черном и голубом, искрой мелькнула удачная мысль. Он встряхнул головой - опять лениво-веселый, довольный собой и жизнью.

- Оказать услугу тебе - великое счастье, пресветлый государь! Я готов. Мы с Гау-Барувой завтра же выйдем в путь.

Помолчав, он добавил, будто между прочим, словно говорил о пустяке:

- До сих пор я торговал с аранхскими саками через посредников маргских. Они же, чтоб им пропасть, обдирают бедных персидских купцов хлеще истинных грабителей с дороги. Зачем оставлять караван в Марге? Я поведу его за Аранху, поскольку выпал столь удачный случай. Заодно со сватовством потягаемся с такими-сякими саками, посмотрим, что из этого выйдет...

И Утана невинными глазами поглядел на царя.

Гау-Барува застонал от ярости. О неисправимый! Но царь, против ожидания Гау-Барувы, был доволен.

Мальчишка дергал синицу за хвост, стараясь выдрать ей перья.

Куруш одобрительно покачивал головой. Ага! Это - хорошо. Дело, им задуманное, совпало с нуждой Утаны? Очень хорошо. Купец, стремясь выгодно сбыть горшки, ловко уладит и сватовство. Крупный караван привлечет саков, подкупит и смягчит сердце Томруз.

- Ай! - вскрикнул птицелов. Синица не выдержала, затрепыхалась, рванулась изо всех своих крохотных сил и - упорхнула.

Мальчишка противно заныл.

Куруш мрачно насупился. Он отвернулся от неудачливого охотника и сказал холодно:

- Я тоже... я выеду с вами и остановлюсь в Ниссайе. Чтоб находиться поближе к Аранхе.

Когда могучий тигр медлительно и грозно выступает по охотничьей тропе, зверем, исполненным силы, кажется и воровато семенящий сзади, чуть сбоку, неизменный спутник тигра - желтый шакал. Ему как бы передается частица мощи, исходящей от тигра. На него простирается доля страха и почтения, с которыми глядит трепещущая чангала на полосатого хозяина зарослей.

Но стоит шакалу остаться одному, он сразу же становится самим собой мелким хищником, грязным, хитрым, трусливым и злобным животным, распространяющим вокруг себя зловоние.

До гибели Белого отца Дато слыл умным, спокойным, рассудительным стариком, знатоком древних обычаев, человеком тихим и скромным - част света, излучаемого вождем, заметно отражалась на сопровождавшем его всегда и повсюду невзрачном двойнике.

Но вот источник света погас, и перед саками предстало существо темное, уродливое и дурное, обуреваемое завистью и местью.

Со дня совета Дато не мог, как говорится, ни спать, ни есть, ни встать, ни сесть - охал, кряхтел, стонал, ругался, ворочался на пыльном черном войлоке, исступленно мечтая о войлоке чистом и белом. И так извелся бедняга, что высох, как труп, зарытый в песок. Обманули Дато.

Обокрали Дато. Обидели несчастного Дато.

Однажды, по дороге от своих шатров к ставке Томруз, медленно взбираясь на плотно слежавшийся бархан, он встретил стрелка Хугаву.

Трудно было старику подниматься по склону - ноги заплетаются, палка вот-вот вывалится из трясущихся пальцев. Хугава поспешно прыгнул с коня и заботливо поддержал Дато под локоть.

- Не прикасайся ко мне! - остервенело закричал Дато. - Не трогай меня нечистой рукой. Я вижу на твоей ладони след греха. На ней еще не высох пот распутной Томруз. Что? Ты еще не устал от объятий старухи? Где совесть? Прельстился женщиной, сын которой годится тебе в младшие братья. О негодяй! Хочешь рукою Томруз вырвать у меня власть? Не удастся. Я все знаю. Дато не перехитрит. Старая кожа крепка, старая кость тверда. Старую птицу приманкой не проведешь. Старый бык и ночью найдет путь в загон. Прочь!

Подобно черепахе, у которой пополам треснул панцирь, кое-как уполз Дато за гребень бархана.

Долго стоял Хугава внизу, одурело уставившись в корявые следы свихнувшегося старейшины. Он постучал себя кулаком по виску, стараясь хоть немного прояснить мозг и, рассеянно взглянув на коня, бездумно взобрался ему на спину.

В другой раз Дато нежданно-негаданно объявился перед женою Хугавы. Старших положено уважать. Молодая женщина пригласила белобородого в шатер:

- Отведайте нашего мяса.

- Что? Пусть его коршуны жрут! Чтоб я ступил в жилище, где поселился блуд? Никогда! Где твои глаза, несчастная? Разве ты ослепла? Где твои уши? Разве ты оглохла? Разве ты ничего уже не видишь и не слышишь? Томруз сделалась подругой Хугавы. Ступай! Спешу. Торопись. Не медли. Он и сейчас с нею.

- Томруз... и Хугава? - удивилась женщина. - Не может быть. Я знаю Хугаву. И знаю тетюшку Томруз. Прости, отец, но ты говоришь неправду.

Стройная и крепкая, как и сам Хугава, лицом приятная, взглядом смелая, она стояла, спокойно возвышаясь над стариком, корчившемся от бешенства, и неприязненно смотрела в его безумные глаза.

- Что? Я говорю неправду? Выходит, я лжец? Я обманщик? Я пустой болтун? А-а-а! Все вы тут в сговоре, я вижу. Будьте же прокляты все! В первый раз встречаю женщину, которой все равно, с нею муж или с другой. Значит, и сама ты нечиста, как кобылица весной. Грех! Свальный грех!

- Как тебе не стыдно, отец, - глухо, сквозь зубы, сказала жена Хугавы. - Лучше б ты мирно сидел среди внуков своих, уму-разуму их учил бы, чем рыскать от шатра к шатру с клеветой на устах. Уймись! Перед богом ведь скоро предстанешь.

- Что? Не оскверняй имени божьего погаными губами!

Тьфу ты, бес. Не такова была жена Хугавы, чтобы терпеть напраслину. Даже от наистаршего человека в племени.

Да если вправду Томруз стала подругой Хугавы - что из того? Если уж такой мужчина, как Хугава, сблизился с такой женщиной, как Томруз, то это у них отнюдь не баловство. Значит не могут иначе. И отвергнутой жене не к лицу лезть в сердца тех двух. Где сказано: "Человеку запрещено любить человека"? Нигде. Зато всякий знает пословицу: "Не суйся с топором между корой и древесиной - дерево погубишь".

Конечно, обидно за себя. Но - не привязать к столбу стружкой дыма голодного коня, рвущегося к свежей траве. Не разжечь ревностью угасшую любовь.

- Ах ты, дряхлый осел! - разразилась молодая женщина. - Тебе-то что за дело, вместе они

или не вместе? Холодно от этого или жарко? Голодно или сыто? Светло или темно? Э? Хотят быть вместе - пусть будут. Убирайся отсюда, седой дурак! Хил, хвор, хром, на пищу для стервятников - и то не годится, а туда же... Не совестно за мужчиной и женщиной подглядывать? Э? Может, ты сидел, как пень, в кустах да слушал, распустив слюни, о чем они говорят? Ты кто: почтенный старец, мудрый вождь или - завистливая старуха-трясуха, на всю жизнь оставшаяся девой? У-у, облезлый верблюд, колченогая кляча. Убирайся отсюда!

Разговор, состоявшийся между женой и мужем, когда усталый Хугава приехал с пастбищ домой, был краток.

Майра - взволнованно, но сдерживаясь:

- Дато твердит, будто ты слюбился с Томруз.

Хугава - с удивлением:

- И ты... веришь ему?

Майра - смущенно:

- Нет, но... беспокоюсь.

Хугава строго:

- Напрасно! Разве я сам первый не откроюсь тебе, если случится что-нибудь такое? Не понимаю, какой змей ужалил бедного Дато. Он и мне говорил всякую чепуху. Ну, мне-то ладно - кто я? Но так гнусно оболгать святую Томруз! Ведь она для нас - как родная мать! А ты - ты все это забудь. Хорошо? Никакой жены, кроме тебя, Хугаве не нужно.

Майра - благодарно, со слезами в голосе:

- Знаю...

Хугава - озабоченно, думая уже о другом:

- Знаешь - ну и чудесно. Что сегодня варили? Горячего хочу.

Майра - жалеючи мужа:

- Что могли сварить? Ту же похлебку. Не праздник.

Хугава - радостно оживившись:

- Похлебку? Тащи! Сказано: дай гостю хоть воды с водой - не дай лечь спать с пустым брюхом. Для голодного и соль с перцем - жирная еда. И горох, как масло. И просяной хлеб слаще инжира. И отруби хороши, коли голоден. Для голодного...

- Хватит, хватит! Заладил. - Майра расхохоталась.

Хугава был доволен. Развеселил жену! Они забыли о Дато. Но Дато не забыл о них. На следующий день старик добрался до самой Томруз. Она сидела на белом войлоке в кругу родовых вождей. Здесь же находились и Хугава с женой. Говорили о предстоящей перекочевке.

- Что? Нежитесь, тешитесь, щебечете? - Из рта скверного старика полетели мерзкие ругательства и тяжкие, заведомо ложные обвинения и оскорбления.

- И все это - из-за белого войлока? - сурово сказала Томруз, когда клеветник задохнулся и умолк. - Ладно. Иди садись, если уже тебе так хочется сидеть на белом войлоке.

Она поднялась и сошла на траву.

Дато мигом бросил палку, рванулся вперед, растянулся на войлоке и судорожно вцепился скрюченными пальцами в его края. Томруз, старейшины, Хугава и Майра тотчас удалились, не произнося ни слова и не оглядываясь.

Дато - один. Холодно ему и страшно одному, но еще пуще он боится хотя бы на время покинуть белый войлок. Займут! Всю ночь кричит Дато, грозно призывая к себе сородичей. Проклинает. Ярится. Бранится. Отдает какие-то приказания и распоряжения. Но к нему никто не подходит.

- В него вселился бес, - сдавленно шепчет Майра, прислушиваясь к хриплым стонам сумасшедшего старца.

- Три беса в него вселились, - поправляет Томруз жену табунщика. Бес зависти, бес тщеславия и бес властолюбия...

Утром саки пошли взглянуть на затихшего Дато. Он лежал мертвый, на мокром, загаженном войлоке, обнимая его широко раскинутыми руками. И неживой оскаленный рот злосчастного Дато как бы выпускал рычание: "Не отдам!"

- Эх! - сокрушенно вздохнул Хугава. - Жил бы еще двадцать лет, сам бы радовался и радовал других. Так нет же... - Он угрюмо махнул рукой. - Про таких, видно, и сложили поговорку: "Гонялся за славой - обесславился".

Что ж, у Дато не стали отнимать войлок, отвоеванный им ценой стольких усилий. Так и оставили старика у озера на куску вонючей кошмы, а сами откочевали к северу, туда, где зеленели травы свежих пастбищ.

Саки не предавали земле людей, умерших нечистой смертью.

Покинув Задракарту, путники двинулись по долине Сарния.

Впереди всех, по каменистой дороге, то взбегающей на склон горы, то спускающейся к самой воде, ехал в легкой колеснице Куруш.

Его сопровождали верхом на лошадях Виштаспа, Утана и Гау-Барува, и с ними - тысяча царских телохранителей, одетых в узорчатые накидки и пестрые юбки, подоткнутые наподобие шаровар. На головах у них красовались шапочки с плоским верхом или мягкие, без торчащего угла, башлыки.

То был мадский наряд, лишь недавно принятый в Парсе.

Куруш не терпел его - или делал вид, что не терпит? - за сложность, и носил обычно круглую персидскую шапку и простую, просторную и длинную, чуть ли не до пят, рубаху с широченными рукавами.

- Не люблю все чужое, не персидское, - проворчал Куруш, неодобрительно косясь на приближенных, облачившихся в пятнистые, как шкура леопарда, хитоны; чтобы скоротать время и дорогу, путники вели разговор об одеяниях различных племен.

"Хе! Смотрите, какой истинно персидский муж, выискался, - скривил губы Утана, считавший, как и большинство персидских вождей, мадскую одежду великолепной. - Притворщик. А золото? Золото тебе подавай хоть кушитское, хоть хамитское - золото чужое ты любишь".

За персами следовал отряд лидийцев Креза - светлородых людей в опущенных на брови капюшонах и очень коротких, выше колен, перепоясанных туниках. Они горбились на тяжеловесных конях, сжимая в левых руках, обнаженных до плеч, копы с толстыми древками.

Позади выступал под охраной трех сотен конных воинов караван Утаны десять десятков двугорбых бактрийских и одnogорбых арабских верблюдов и верблюдиц.

- И чем ты намерен потрясти саков? - спросил Куруш. - Что для них везешь?

- Пшеницу и просо, кунжут и ячме-е-ень! - нараспев, как на рынке, стал перечислять, дурачась, веселый Утана. - Отборное зерно! Из каждого зернышка можно горсть крупы намолоть... если молоть языком. Грубую, точно песчаник, но прочную, словно бычья кожа, льняную ткань бабирскую! Сошьешь рубаху - не износишь, внуку останется: раньше времени сведет она тебя в могилу. Котлы медные! При варке превращают воду в жир. Но чаще - наоборот. Топоры железные! И собачьего хвоста не отрубишь. Бусы из стекла, коралла и сердолика. Орехи, финики, сушеный виноград. И разную прочую разность. Вот сколько сокровищ, о государь, несут мои ясноокие верблюды на своих уродливых, но крепких спинах.

- Не ахти что, - усмехнулся внук Чишпиша.

- Вай, государь! Какой еще товар потребен непритязательным кочевникам Турана?

Утана, конечно, ради шуток так непохвально отзывался о своих припасах. Добро он вез

добротное. Он захватил кое-что и для маргушских и сугдских богачей: несколько крупных, вместимостью в сорок малых кувшинов, глиняных амфор с густым и тягучим, как мед, вином с островов Эгейского моря, два тюка шерстяных плащей, окрашенных в алый, голубой и зеленый цвет, хорошо выделанную кожу, обувь, ковры, вазы, серебряные тазы и блюда и острые, как зубы очковой змеи, мечи из малоазиатского железа.

Спустя десять дней, делая с утра до вечера по два перехода [обычный дневной переход каравана - 25 километров], путники достигли верховьев Сарния. Здесь дорога сворачивала под острым, как наконечник копья, углом прямо на север, к перевалу Гаудан.

Дахкский хребет (Копет-Даг) походил на сказочно гигантского тигра, перевернувшегося на спину. Наверху - белые подпалыны снега, еще не успевшего сойти. По склону, окрашенному в желтый цвет, все более сгущающийся к подножью в красно-оранжевый, идут сверху вниз, постепенно расширяясь, темные полосы ущелий.

Однако полосы не черны, как у настоящего тигра, а черно-зелены. В этих бесплодных горах, голых и пустынных от солнца, полыхающего все ярче и жарче, лишь в узких расселинах, богатых водой, могут жить, укрывшись от палящих лучей, боярышник, ежевика, яблоня, дикий виноград, барбарис, железное дерево.

По откосам теснин, кое-как уцепившись за камни, свисают кусты инжира с крупной резной листвой. Иногда ущелья раздаются в котловины, сплошь заросшие вязами, орехами, чинарами и кленами.

На кручах, громоздящихся над тропой, стремительно прыгают круторогие муфлоны, украдкой пробегают леопарды, а в низовых лощинах, забитых щебнем, прячутся гиены.

Но звери не так опасны для караваны, как разбойные жители гор марды, само название которых значит "убийцы".

Как ни остерегались персы на стоянках, как ни зорко глядели дозоры ночью от пылающих костров в холодную мглу, им не удавалось пресечь грабежи, предупредить то мгновение, когда засевшие за камнями воры, выждав срок, налетели на отдыхающих путников.

Марды убивали стражей и тащили в темноту что подвернется. Преследовать их? Кто догонит природных детей гор, найдет их среди недоступных круч, каменных завалов и осыпей, в тайных пещерах?..

Жизненный путь - все равно, что горная тропа. Он богат подъемами, спусками и поворотами, он проходит и по ровному цветущему лугу, и по краю черной пропасти. На нем встречаются и свои леопарды, свои гиены, свои марды. На нем нетрудно сломать шею, как и на горной тропе.

Поэтому сказано: "Прежде чем оставить эту сторону гор, старайся узнать, каково на этой стороне. Прежде чем начинать подъем, подумай о спуске. Не карабкайся на перевал, не проверив, крепки ли у тебя башмаки. Сначала оглянись на долину, потом уже лезь на вершину".

Куруш не оглянулся.

Добравшись до Ниссайи - до пыльной душной Ниссайи, выстроенной из глины в северных предгорьях Дахского хребта, Куруш остановился у Раносбата. Караван двинулся дальше на восток. Через оазис Оха к Маргу. От Марга к великой Аранхе.

Солнце находилось уже в созвездии Тельца. Короткая Туранская весна пришла к концу. Лучи, изливающиеся с угнетающе безоблачного неба потоками расплавленной меди, выжгли на глинистых и щебнистых полях зонты и полые стебли высоких, в полкопья, светлых ферул, и знойный, как бы подогретый в котле, тугой ветер погнал их по пустыне, заставляя крутиться в низинах и прыгать через гребни дюн.

Испарилась влага обширных луж. На их месте раскинулась гладь ровных и твердых, точно каменный пол, обнаженных пространств, пока еще не успевших растрескаться от жары. Волчок,

с необыкновенной силой запущенный с краю, крутился бы целый день по поверхности этих площадей, не встретив никакого препятствия - ни былинки, ни камешка.

Пустыня. Персы - народ в большинстве оседлый, давно сменивший кочевые повозки на постоянные жилища у рек - в страхе глядели на голую равнину. Дивились изредка попадавшим в пути дахским и сакским шатрам. Изумленно спрашивали себя, как могут жить люди в столь диких, унылых, негодных местах. Должно быть, птица тоже не в силах понять, почему рыба не захлебнется в воде. Чужеземцев брала оторопь, охватывала жуть.

Спору нет, немало чахлых степей и плоскогорьев со скудной растительностью и на родине персов, но разве сравнишь их с чудовищно широким, гигантским до ужаса, невероятным размахом этих красных пространств, открытых солнцу и ветру?

Не от них ли тягучи и горестны, как плач, песни обитателей пустыни, не от них ли их мечтательность хмельная, тоскливый бродяжий дух, храбрость напропалую, упорство и жестокость.

Еще более поразила южан Аранха - река бешеная, необузданная и строптивая, как дикая кобылица.

Река без постоянного русла, бурно текущая в рыхлых берегах, яростно бросающаяся то влево, то вправо, злобно грызущая и жадно глотающая обрывы.

Река - стрела, что летит со скоростью пяти локтей в мгновение ока, река с густой рыжей водой: процеди сквозь пальцы кувшин аранхской воды на ладони останется полная горсть песка.

Река - дракон, что мчится, разогнавшись на обледенелых высотах Памира, с ревом и шумом на северо-запад и стремительно пересекает край пустынь, чтоб поскорей нырнуть в ярко-лазурную чашу самого синего в мире моря Вурукарта.

Нигде на свете нет подобных рек.

У Аранхи персам встретился небольшой отряд всадников в черных бараньих шапках, огромных, точно котлы.

Слух о том, что из Марга движется к реке большой караван, причем не хорезмийский, не сугдский, - те привычны, немало их пограбили отчаянные наездники Черных песков, - а какой-то новый, с запада, птицей облетел пустыню уже несколько дней назад.

Толпы темных бродяг, отбившихся от своих племен или изгнанных за преступления из родных общин, потянулись к караванной дороге, как волчьи стаи к пастушьей тропе.

Тут стало известно, что у купца охрана велика и крепка, а караван не просто караван, а посольство царя Куруша к Томруз. У охотников до легкой наживы улетучился боевой пыл. Персидское войско - близко, в Марге. Саки - еще ближе, за рекой. Опасно связываться и с теми, и с другими. Ну их. Шайки рассыпались вдоль берега в поисках иной поживы. Одна из них и наскочила нечаянно на персидский караван.

Завидев конников в пестрых юбках, люди в мохнатых шапках повернули лошадей и поспешно скрылись за дюной.

- Саки, наверное, уже перебрались к северу, - сказал проводник-маргуш, смолоду ходивший в Хорезм и Сугду. - Надо спросить у этих язычников, где сейчас Томруз.

- Как спросить, когда они удрали? - досадливо пожал круглыми плечами Гау-Барува.

- Вернутся, - уверенно заявил проводник. - Приглядываются пока. Мы их не видим - они нас видят. Хитрецы.

Убедившись, что за ними никто не гонится, дахи опять выросли на бархане. Маргуш как-то по-особому помахал рукою:

- Эй, други! Сюда.

Разбойники посовещались и медленно тронулись к каравану. Проводник, Утана и Гау-

Барува двинули коней навстречу. Дахи остановились. От шайки отделился бродяга с курчавой бородой до глаз. Злой и настороженный, он приблизился, крадучись по-рысьи и опасно поглядывая на чужаков, шагов на пятнадцать и мягко придержал лошадь.

- Успех и удача! - улыбнулся проводник.

Дах что-то прохрипел в ответ и неразборчиво.

- Скажи, брат, где нынче становище доброй Томруз.

Темнолицый кочевник сверкнул глазами и резко ткнул рукой в полуночную сторону.

- Хайеле-хо! - крикнул он грубо и отрывисто, будто двукратно гавкнул и закончил, тонко и странно привизгнув на звуке "и": - И-и-и-хо!..

Туземец повернул коня и ускакал. Бледный Утана посмотрел на Гау-Барува и вздохнул сдавленно:

- Уху-ху. Каковы они, а? Не дай бог, если...

Он умолк и покачал головой.

- Испугался, купец? Кого укусила гадюка, тот пестрой веревки страшится. Бродяга-то сам труслив, как суслик молодой! Не видишь разве? Гау-Барува кинул вслед торопливо удалявшемуся кочевнику пренебрежительный взгляд.

- Труслив? Не знаю. Ты подъехал бы к ним один, как он подъехал к нам?.. Бойся их, Гау-Барува! Бойся их.

После совета Спаргапа редко, лишь ночью, показывался в становище.

Бродил по барханам, охотился. Надо сказать, охотился он удачно, добывал немало степных антилоп - больших, горбоносых и маленьких, похожих на коз. Поэтому никто не упрекал сына Томруз за безделье, за то, что ушел с пастбищ, от лошадей. Делай, что можешь, что тебе по душе - лишь бы вносил свою долю в припасы для родового котла.

И Томруз не досаждала сыну назиданиями. Не до разговоров ей было сейчас - прибавилось у женщины забот, не один сын теперь у матери, а тысячи сыновей. Некогда посидеть у костра, пошить, посудачить, потрепать шерсть, языком потрепать в кругу подруг. Не то что язык почесать - волосы расчесать некогда.

Как ни отказывалась - навязали ей саки белую кошму! Не потому отказывалась, что не хотела, ленилась послужить сакам аранхским - доверие вызывало человеческую гордость: заметили, отличили, - а потому, что боялась, сможет ли, как надо, родичам послужить.

С восхода до заката разбирала Томруз жалобы и тяжбы, а после заката до полуночи ездила из стана в стан, от шатра к шатру, сама выводывала, кому хорошо, кому плохо живется. Где тут разговаривать со Спаргапой.

Да и не ладился у них разговор. Стоило Томруз, улучив подходящий миг, подать голос, как сын, словно черепаха - в панцирь, прятался в непробиваемую волну отчужденного молчания. Мать не обижалась.

"Пусть перебесится, отойдет, - думала она. - Рано или поздно Райада выветрится из сердца Спаргапы. Остынет, успокоится сын - вернется ко мне".

А Хугава? Хугаве долго не удавалось встретиться со Спаргапой - тот избегал стрелка, как и всех сородичей. Увиделись случайно при перекочевке.

- Мир и благополучие, - тепло поздоровался Хугава. Он соскучился по юнцу - сильно привязался к нему после смерти Наутара.

Спаргапа сдержанно кивнул.

- Как живешь?

- Так себе.

- Почему ты сердишься на меня? - мягко посетовал Хугава. - Сам же просил, чтоб я кричал за тебя на совете.

- Я не сержусь, - ответил Спар, скорей равнодушно, чем сухо.

Табунщик насторожился. Не было раньше этого безразличия у пылкого Спаргапы. Он изменился. Но в чем? Остепенился? Нет. В нем появилось что-то чужое, непонятное Хугаве.

- Так мы с тобой и не постреляли ни разу, - огорченно заметил табунщик.

- Стреляй себе знай, - зевнул Спаргапа, думая о каких-то своих делах. - Я и без фазанов обойдусь. Довольно и того, что могу за триста шагов пробить насквозь антилопу. И - человека, если понадобится.

В ленивом голосе друга пастух уловил скрытую жестокость. Не полудетскую, быстро угасающую злость, а зрелую, беспощадную жестокость оскорбленно замкнувшегося человека.

- Ух, какой ты стал, - растерянно, почти с испугом, пробормотал Хугава, отодвигаясь.

- Какой? - Спаргапа выжидательно прищурил недобрый глаз.

Видно он и сам чувствовал в себе перемену. Но не было похоже, чтоб сын Томруз тайно гордился, любовался ею, приятно для себя преувеличивая эту перемену, вполусерьез играя мрачного изгоя, как делал бы на его месте любой другой обиженный юнец. Прежнего Спаргапу украли. Перед Хугавой стоял хмурый иноземец, незнакомый и опасный.

- Не такой ты, каким был, - пробормотал Хугава. - Другой. Будто подменили.

Спаргапа сплюнул.

- Вырос, брат Хугава. Вырос и поумнел!

- Ох, вставай! "Ребра" приехали. - Фрада, отвернув край войлока, тормошит дочь, спящую в повозке. Пять дней назад племя дривиков прибыло с юга и перелетной птичьей стаей, опустившейся на отдых и кормежку, остановилось у речной излучины хатрах [хатр - мера расстояния у древних племен Турана, 1,5 километра] в сорока от старого лагеря.

Шатры еще не развернуты. Мужчины ночуют у жарких костров, под открытым небом. Женщины - в громоздких повозках, где хранятся запасы и утварь, где проходит при долгих переездах вся жизнь "длинноволосых": на ходу они мирно рожают, пеленают детей, шьют, вышивают, мнут кожу, прядут пряжу.

- Ребра? - Солнечный луч бьет стрелой в глаза Райады - свежие, будто она вовсе не спала; девушка жмурится и, ничего не понимая со сна, быстро ощупывает бок.

- Не ребра, коза, а "ребра"! - смеется Фрада. - Персы пожаловали.

"Парса", само название персов, также, как и "парта" подлинное наименование парфян, значит "ребро", "бок", "край". Почему эти два знаменитых народа выбрали себе столь необыкновенные названия?

Они не выбирали. Им дали их. Потому, что и те, и другие обитали на дальних окраинах земель, занятых союзом западно-иранских племен. Первые на юге, у Персидского залива, вторые - на северо-востоке, на подступах к Большой Соляной пустыне.

Слово "перс" надо понимать, как "человек с окраины".

- Вылезай, - торопит Фрада. - Посмотри, как одеваются люди.

Да. Сакам есть на что поглазеть. В золоте, камнях и блестящих тканях, в белилах, и румянах, с подведенными глазами, с бородами, выкрашенными хной, важно и чинно, точно павлины, выступали Утана и Гау-Барува во главе пестрой и пышной свиты.

Приветствия. Поклоны. Добрые пожелания... У входа в лагерь послы с достоинством переступили через жирных баранов, зарезанных только сейчас, прямо у их ног - так велит обычай.

В толпе встречающих находились и Спаргапа с Хугавой - один угрюмый, себе на уме, другой озабоченный, тоже невеселый. Табунщик все приглядывался к сыну Томруз, стараясь понять, какой дух в него вселился.

Эй! Что такое? Спар приглушенно охнул, пошатнулся. Пошарил вокруг, точно слепой,

нащупал плечо Хугавы, крепко вцепился, будто хотел сломать.

Он увидел Райаду.

Широко раскрыв глаза и еще шире - алый рот, она жадно глядела на гостей. Помнила Райада, дочь Фрады, юного Спара? Помнила. Часто думала о нем, особенно по ночам, когда вокруг тихо, когда она одна. Грустила, порой даже плакала навзрыд. Но сейчас - сейчас Райада забыла не только о Спаре. О родном отце - и то забыла. До чего красивы эти персы, эти мужчины с канала Арахту.

- Держись, не падай! - встревоженно шепнул Хугава, подхватывая под локоть обессиленного Спаргапу.

Сын Томруз очнулся. Недоуменно взглянул на Хугаву, поспешно убрал руку с его крутого плеча. Рука упала и со стуком ударилась о висящий у правого бедра короткий меч. Скрюченные пальцы медленно сомкнулись на костяной рукоятке.

- У, как вырядились, болотные петухи, - с усмешкой проворчал Спар, косясь в сторону персов. - Повыдергивать бы ваши перья. Таких вот фазанов подстреливай, Хугава-меткач!

И взгляд, и речь, и вид юнца были зловещими.

Жутко стало Хугаве. Куда идет Спаргапа? Надо поговорить с Томруз, пока не поздно. Может, и впрямь женить юнца на Райаде? Нет, не выйдет Томруз не выносит Фрады, как змея - запаха мяты.

Да если и выйдет, все равно пропадет Спар - окрутят юнца, запутают отец и дочь, бесповоротно с пути собьют. У Фрады - темная душа. На днях табунщик обратился к нему с такими словами:

- Ты в разных странах побывал, много хорошего видел - научил бы лучше этому хорошему, чем смеяться над сакской дикостью.

- Послушай, сын мой, умную персидскую пословицу, - кисло улыбнулся Фрада, брезгливо отодвигаясь от пастуха. - Один сказал: "В шатрах соседнего рода пир". Другой ответил: "А тебе что?" Первый сказал: "И я зван". Второй ответил: "А мне что?" Слыхал? Понимай, как хочешь.

Чего тут понимать - чужой человек Фрада, не сак, хоть и саком родился. Какое ему дело до сакских нужд? И дочь такая же. У горького дерева - горький плод.

Табунщик с ненавистью глянул на Райаду. Подумать только! Дрянь, пустое место, глупая пичуга. Мелкое, бездумное, себялюбивое существо. Женщина-животное. А сколько человек заставила страдать!

Говорят красоту женщине дает богиня Анахита. Грех роптать на богов, но, значит, и сама Анахита - набитая дура, коли ей взбрело прицепить этакой ослице нежный лик пери. Ух, отодрать бы тебя этой плетью!

Женщина - страшный зверь. Лучше бы их не было совсем длинноволосых. То есть, пусть будут, конечно, но лишь такие, как Томруз и Майра. Да вот маловато таких, кажется. Или не прав Хугава?

...В первый день, как водится, о делах не толковали.

Старейшины четким четырехугольником расположились в просторном четырехугольном шатре, на мягких войлоках, разостланных у самых полотнищ. Оба высокопоставленных перса удостоились почетного места напротив широкого входа, рядом с Томруз.

Гау-барува хлопнул ладонью о ладонь. Восемь телохранителей, напряженно побряхтывая, с лицами, потными от натуги, втащили в шатер тяжелый ковровый тюк.

- От имени царя Куруша, повелителя моего, преподношу я дары запада предводительнице великих саков Томруз и досточтимым старейшинам хаумаварка.

Гау-Барува разрезал сеть веревок, стягивающих тюк, и с помощью телохранителей развернул громадный ковер.

Хугава, сидевший у входа, резко отпрянул - на него в упор глядела Пятнистая смерть.

Груда пестрых тканей, золоченых цепей, круглых сосудов, небрежно завернутых в большое, желтое с черными кольцами, дорогое покрывало, случайно легла так, что с того места, где находился табунщик, могла и впрямь показаться леопардом, готовым к прыжку.

Наваждение длилось всего три мгновения. Хугава испуганно покачал головой - чего только не примерещится человеку!

Табунщик, в отличие от многих сородичей, не боялся ни духов, ни бесов, ни всяких прочих кикимор и чертей, хотя и верил в их существование. Такой уж он был человек. Однако промелькнувший сейчас перед глазами образ Пятнистой смерти устрасил его как ребенка.

Хугава пытался взять себя в руки, но чувство смутной тревоги, какой-то неясной опасности не покидало пастуха весь день.

Чтоб лучше видеть, один из сакских вождей поднялся и откинул полог, прикрывающий вход. На кучу царских даров упал прозрачный поток солнечных лучей. Она ярко вспыхнула, плавно отбросила радужную волну отражения, и сакам почудилось, будто в шатре запылал невиданный по красоте костер.

В груди расшитых золотом, золототканых, золоченых, посеребренных, литых, чеканных, резных, крученых, черненых, крытых эмалью разнообразных вещей все было мадское и бабирское, лидийское и греческое, иудейское и финикийское. И - ни клочка персидского, разве что ковер; да нет, и тот, пожалуй, был от парфян или армян.

Персы - еще недавно безвестная народность, прозябавшая в убогих лачугах на краю света, - сами пока ничего не умели, благородному ремеслу еще не научились, зато куда как наловчились отнимать и присваивать изделия мастеров покоренных стран.

Долго не могло опомниться собрание сакских вождей, ослепленных, подавленных чуждой их быту, кричащей роскошью. Старейшины только переглядывались изумленно да щелкали языками о зубы.

У некоторых мелькнула заманчивая мысль: не бросить ли к дьяволу эту чахлую пустыню вместе с чесоточными овцами, не заняться ли, по примеру расторопной персидской знати, грабежом соседних городов и селений? Дело добычливое. Чем сакские старейшины хуже персидских, почему они должны ходить в лохмотьях?

Фрада скорчился и болезненно всхлипнул от зависти. Цепкие руки отца Райады так и потянулись судорожно-загребающим движением к сверкающей куче сокровищ.

Одна Томруз держалась спокойно. У женщины, конечно, тоже разгорелись глаза, но в них было восхищение, а не жадность. Точно такими глазами она любовалась бы тончайшими прожилками в лепестке мака, серебристым мехом новорожденного ягненка или весенним закатом, когда темно-багровые, с золотыми краями, облака плывут по ярко-лиловому разливу неба.

- Богато, - улыбнулась Томруз. - Не знаю, чем и отдарить. У нас что? Кожа, шерсть да войлок - вот и все достояние. Ну, кони неплохие...

Она кивнула Хугаве, скромно сидевшему на корточках у порога:

- Завтра отловишь для гостей три косяка лучших четырехлеток. Но конями вас не удивишь, не так ли? - вновь обратилась Томруз к Утане и Гау-Баруве. - Я слыхала, у персов хорошие табуны.

Саки и персы изъяснялись между собой свободно - столь близко родственны были их наречия. Лишь иногда, забывшись, Томруз произносила два-три диковинных слова, непонятных для гостей - дривики, так же, как дахи и аугалы, происходили от фракийского корня. Они давно и неотделимо слились с туранскими саками и восприняли их речь, но кое-кто сохранил в памяти и старый язык.

- У нас в пустынных горах, - продолжала Томруз, - дождь и талая снеговая вода вымывают порой кусочки блестящего желтого металла. Это не медь. На добрую посуду, мечи, наконечники не годится, да и мало его, так что нам, сакам, он ни к чему. Но говорят, у вас, на западе, любят такой металл. Правда? Посмотрите.

Томруз подняла скомканный, брошенный перед нею платок, и персы увидели плоский слиток величиной с баранью голову.

Она вопросительно взглянула на гостей. Конечно, Томруз не была настолько уж темной, чтобы не знать цены золоту. Но - разве обойтись без маленькой хитрости, когда водишься с таким жадным народом, как дети Айраны?.. В делах лучше казаться глупой, оставаясь умной, чем казаться умной, оставаясь глупой, как горшок.

Кочуя у гор, саки упорно рылись в осыпях, терпеливо, по крупинке, собирали желтый металл и отдавали верховному вождю, который и хранил его на черный день. Золото берегли. Расставались с ним неохотно, предпочитая расплачиваться с приезжими купцами кожей и шерстью.

Алчно сверкнул взгляд Утаны, резко подался вперед Гау-Барува. Вся куча цветастых тканей и чеканных сосудов, наваленных персами посередине шатра, не стояла и половины крупного слитка.

- Вот наш ответный дар царю Парсы! - сказала Томруз.

Она понимала - сакский дар вдвое превосходит персидский, но именно этого и хотела Томруз. У гордых послов опустились носы. Она сбила с них спесь. Пусть не думают хитрецы с запада удивить предводительницу саков расшитым тряпьем. И свои старейшины пусть видят, что им вовсе не из-за чего завидовать персидской знати. Пусть они подумают да рассудят, хороши ли нравы чужой страны, где люди готовы отдать душу за никчемный желтый камень. Золото! Что - золото? Его можно нарыть в горах сорок мешков. А вот человеческого достоинства в щебнистых осыпях не наскребешь. Надо беречь достоинство человеческое. Или оно дешевле металла?

Персов угостили мясом оленей, диких свиней и онагров, целиком зажаренных на костре, вареной бараниной, рыбой и дичью. Пенилось в бурдюках острое заквашенное кобылье молоко. Гости раскупорили вина, но саки дружно отказались от напитка, доводящего людей до безумия.

Лишь Фрада облизнулся при виде наполненных чаш. Он знал вкус вина. Ему нестерпимо хотелось выпить, но... что скажут сородичи? Он даже и есть не стал - настолько обозлился на "проклятых саков" за свой страх перед ними. И это - жизнь?! Не можешь без оглядки взять в рот то, что само просится в нутро... Ох! Фрада прикинулся хворым и сбежал с пира.

Наутро Томруз переговорила с Утаной:

- Итак ты хочешь торговать с нами? Хорошо. Вези товары на эту сторону. Все возьмем - ты знал, что захватить. Только пшеницы надо было взять побольше. У саков много скота, но любимое блюдо - тесто вареное. У соседей наших оседлых много зерна, а мяса маловато, так они без ума от мяса. Так уж выходит... - Она улыбнулась. - У кого чего мало, то и дорого. Даю по пять невыделанных кож за одну выделанную, по три кипы шерсти за сверток ткани, по барану за три котла. Ну, и золота дам немного - такой же слиток дам, как и вчера. Мы ведь впервые торгуем с персами, для начала не жалко.

На десяти огромных хорезмийских лодках персы переправили товары на правый берег. Утана, позабыв о еде и отдыхе, метался, как в белой горячке, от лодки к лодке, от тюка к тюку, от раба к рабу, кричал, ругался, подгонял грузчиков, торопясь сбыть добрый товар за добрую цену.

- У нас часты гости из Сугды, Бактры, Марга и Хорезма, - сказала Томруз. - Вас, персы, видим первый раз. И довольны вами. Вещи хороши, сделаны старательно, крепко и чисто. Не

знаю, чьих рук работа, но она не хуже сугдской. А сугды - первые мастера. У нас в пустыне так не умеют. Сумели бы, да негде и некогда - кочуем, не задерживаемся долго на одном месте. Вот и лепим горшки, как попало - красоты мало, лишь бы воду не пропускало. Вот так. Теперь будем знать - с персами выгодно торговать. Приезжайте! У саков много такого, что нравится вам. У персов много такого, что нравится нам. Будем дружить. Будем вершить мену на равных условиях. Разве это плохо? Что скажешь, брат Утана?

- Дело доброе, сестра Томруз. Славное дело. Я постараюсь пригнать осенью еще один караван.

- Да будет тебе удача!

- А золото, - Утана понизил голос, - золото еще найдется?

- Припасем! Не беспокойся. Знаешь, - доверительно зашептала Томруз, саки народ неплохой. Умный, прямодушный, в помыслах чистый. Но сторона наша - от великих стран в стороне. Живем где-то слева от солнца, справа от луны. Честно скажу: еще немало у нас темноты. Заметил, наверное? Я хочу вывести мой народ на широкий путь. Хочу научить саков строить города, пахать землю, выращивать плоды, считать звезды, расписывать стены жилищ, шить красивую одежду, наносить на глину знаки, по которым люди угадывают мысли. Чтоб у нас было не хуже, чем в Бабире, Сугде, Хорезме. Только чтоб не было царей, - заметила она с улыбкой. - Хватит пропадать в песках. Пусть входы шатров наших так же широко распахнутся для вас, как входы ваших дворцов - для нас. Видал болотную черепаху? Она ничего не хочет знать, кроме болота. Человек - не черепаха. Учи других - и сам учишься у других. Не так ли, брат Утана?

Ого! Перс удивленно глянул в глаза Томруз. Умна. Так вот она какова, "неумытая"...

- Так, сестра Томруз! Темноты... и в Айране хоть отбавляй. Больше, чем ты думаешь. Больше. Но дружить мы можем. Дружить, жить в мире. Только... О, если б это зависело только от меня!

...Ночью в посольский шатер тайно явился красавец Фрада.

- Торговать хочу с вами.

- Как? Вы, саки, разве не сообщая торгуете?

- Пусть они как хотят. Я - не такой.

- А! - Гау-Барува зорко пригляделся к саку. Закусил рыжий ус. Подумав, сказал осторожно и льстиво:

- Да. Ты не похож на своих волосатых сородичей. Тебя можно принять за халдейского или даже персидского царедворца.

Он тихо, как лис у сусличьей норы, ждал, что ответит Фрада.

- Ну, на царедворца я вряд ли похож. - Фрада с умной усмешкой тряхнул полою старого кафтана. - Однако и не чета какой-нибудь То... Ладно. Есть хороший товар? Настоящий? Котлы и прочую дрянью не беру. Дайте серебряную посуду. Дорогую ткань - такую, из какой шьют одежду в Сфарде. И вина побольше - не пил давно.

"Не дурак, - удовлетворенно подумал Гау-Барува. - Но и не мудрец. С ним, пожалуй, удастся..." А Утане ночной гость не понравился. Ишь ты! "Не такой..." Чтоб отвязаться от нагловатого сака, он сказал строго:

- Платить чем будешь? Я тоже... кожу и прочую дрянью не беру. Набрал довольно. Не знаю, как увезу.

- Разве я тебе навязываю кожу, или шерсть хочу всучить? Сейчас такое покажу - глаза на лоб полезут. Фрада - это Фрада.

И глаза у Утаны полезли на лоб. Фрада высыпал на кошму горсть бирюзы - чудесных самоцветов цвета морской волны.

- Дождь вымывает в пустынных горах не только желтый металл. - Он хитро прищурился. - Да не все знают в этих камешках толк! Думают - ерунда, красивая галька. Ребятишки играют - на ладонях подбрасывают, через руки кидают. У персов есть такая детская игра?

- Все отдам... - Утана отвел в сторону сияющие глаза, чтоб не выдать бурного ликования. Торопливо завязал бирюзу в платок, заботливо спрятал за пазуху. Не нравится Фрада? Фрада - плохой? Пусть! Пусть его собака съест Утане-то что? Выгода есть выгода. Бирюза - бирюза.

Не только за красивый цвет и прозрачность любит западная знать рубины, смарагды, сапфиры, алмазы, агат, бирюзу. В драгоценных камнях волшебная сила. Они оберегают человека от сглаза, ворожбы, колдовства, бесплодия, преждевременной старости, болезней, змеиных укусов, разбойников, клеветы и прочих напастей.

Ого, как развернется теперь Утана! Только бы добраться до Бабиры... Купец вышел из шатра, чтобы отдать слугам распоряжение вскрыть тюки с добром, припасенным для богатых покупателей.

Гау-Барува - вкрадчиво - Фраде:

- Вижу, ты умный человек. Рад. Редкость в наше время. Может быть, мы еще встретимся. Прими мой дар.

И рябой перс, не спуская изучающих глаз с настороженных глаз Фрады, медленно протянул ему электровое, серебряное с золотом, толстое кольцо с печаткой вместо камня. На печатке чернел изломанный крест, похожий на паука. Арийский знак.

Фрада, как бы взвешивая, подкинул кольцо на ладони. Понимающе, общнически, подмигнул персу:

- Опасный дар, не правда ли?

Оба долго молчали.

- Посмотрим. - Фрада вздохнул. - Может, и встретимся. Пока я спрячу твой дар вот сюда. - И он сунул кольцо, как Утана - бирюзу, за пазуху, поближе к сердцу, подальше от чужих глаз.

Третий день.

Гау-Барува озабочен. Утана встревожен. Что будет? Согласится ли Томруз выйти замуж за Куруша?

СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ. ПАСТУХ И КОБРА

Когда человеку режут палец, он кричит и плачет от боли. Бедняге кажется - нет страданий выше. И лишь тогда, когда всю руку отхватят несчастному, поймет человек, что значит настоящая боль.

С тех пор, как царь Куруш явился в Ниссайю и поселился у Раносбата, жизнь дахских заложников превратилась в неизбывную муку. Жарились на медленном огне - угодили в бушующий костер. Было куда как плохо - стало вовсе невмоготу.

И не только потому, что с приездом царя и его свиты прибавилось работы во дворе, на кухне и в конюшне. Работа по принуждению - пытка, но пытка невыносимая. Хуже то, что усилился надзор. Тяжелой стопою затопала по замку строгость. Замахали бичами крутость и лютость. Персы боялись заговорщиков и тайных убийц.

Прежде заложникам не возбранялось свободно передвигаться внутри крепости, собираться у стены в кружок, отдыхать на воздухе. Лишь бы за ворота не ускользнули. Теперь к ним приставили Михр-Бидада, он висел над душой, как черная туча над головой усталого путника, и не давал степнякам и шагу ступить по своему желанию.

Как скот из стойла, выводили дахов поутру из вонючего сарая, заставляли трудиться до мелкой дрожи в коленях, до сверлящей боли в пояснице, до немоты в руках, до отупения, а

вечером гнали обратно в грязный сарай.

Правда, памятуя разнос, сделанный ему Раносбатом, надсмотрщик толкался меньше, чем раньше, и пинался реже, чем прежде, но держался еще более заносчиво, не упускал случая обругать, оскорбить "поганных".

Зной. Пыль. Дахи, привыкшие с рождения к простору и ветру полей, задыхались в душном загоне, чахли, как зеленый лук без воды. Они увяли, осунулись и пожелтели. Их заедали мухи, изводили орды блох и вшей. Вдобавок ко всему, персы изо дня в день кормили пленных жидкой просяной похлебкой, от которой выворачивало нутро.

Люди жаловались на неутихающую головную боль, слабость, тошноту, резь в глазах. Неволя - собачья доля. Чувство неволи - хворь, худшая из всех.

- За что? - Гадат ночами больно кусал со зла и отчаяния. - Неужели "ребрам" вечно торчат у нас поперек горла?

Заложники лежали вповалку на голой истлевшей циновке, населенной полчищами мокриц, бормотали во сне, стонали, вскрикивали, скрипели зубами.

- Терпи, - уговаривал Гадата старший. - Наступит время - в пыль разлетятся персы. Я помню, как мады тут бесчинствовали. Где они теперь? Саки, дахи, парты, варканы собрали силу в один кулак да такой удар мадам нанесли, так их разломали да понесли - лишь куча навоза осталась! Курушу потому и удалось одолеть Иштувегу, что мадская мощь захирела после нашего восстания. На весь мир гремели, а ныне сами ходят у перса в рабах. Погоди. И с персами это случится.

- Случится ли?

- Непременно! Не останется зло без возмездия. Никогда. Кто причинил зло, тот обрек свою голову на гибель. За ним по пятам незримо бродит чья-то ненависть. И рано или поздно она вонзится в грудь или спину отравленной стрелой. Напрасно насильник уповает на силу - от мести обиженных нет спасения. Гнет - смертельный враг самого угнетателя. Тому, кто сеет чертополох, придется есть колючки. Так, сын мой!

- Так, говоришь? Тогда почему люди все-таки мучают друг друга? Вот ты степняк, простой человек. Но и то судишь о жизни здраво. А царь - ведь его с детства мудрецы наставляли! Он лучше тебя должен понимать, где вход, где выход. Почему же он все равно прется, как слепой бык, по плохой дороге? Видал же, проклятый, слышал, куда привела та дорога других?

Старший усмехнулся.

- Мы с тобой сейчас так разумны потому, что унижены, под самой горой сидим. А попали бы на вершину - тоже закружилась голова, куда и разум делся!

- Ну, нет! Я на своей шкуре...

- Ладно. Сделаешься царем - увидим. В чем у правителей беда? Каждый из их породы считает себя в тысячу раз более умным, изворотливым, счастливым, чем прежний властитель. Думает: не удалось взлететь к небу тому - непременно удастся ему. Уж мне-то, мол, повезет обязательно. А как срубят голову - раскаялся бы, да поздно: нечем и каяться...

- Выходит, дураки они все цари?

- Если б только дураками были... Дураку, может, и простить не грех, ибо он - дурак, сам не ведает, какую творит пакость. Но дураков среди них мало! Умен угнетатель, хитер.

Давай, думает этакий ловкач, раз уж вознесла меня судьба на высоту, потешу сердце, покатаюсь на чужих горбах. Всласть позабавлюсь властью. Поблаженствую за счет чьих-то слез. Жизнь - одна, все равно умирать. Это уже не дурак, а темный проходимец, вор, преступник опасный. Таких надо на кострах жечь при народе, уничтожать, как саранчу.

- Уничтожать! А меня уговариваешь - терпи. Я бы сегодня Михр-Бидада с костями съел.

- Что - Михр-Бидад? Крохотный побег, пусть и зловонный. Вот он-то и есть дурак. Ядовитое

дерево надо рубить под корень. И пень выкорчевать. Настанет час - срубим и выкорчуем. Но час не настал еще. Вот поднимется буря, надломит ствол - тогда и повалим.

- Когда ж она поднимется?

- Поднимется когда-нибудь. Может, скоро. Всякому грязному насилию приходит конец.

- Не согласилась? - Куруш выронил камень, о который точил нож.

Перед ним лежала на лужайке крепко связанная самка онагра, дикая ослица, только что пойманная с помощью аркана.

Животное вскидывало точеную голову, бессильно сучило ногами, пытаясь встать, вырваться из пут. По упругой коже пробегала частая дрожь, на короткой и шелковистой шерсти переливчато играл отблеск солнечных лучей.

Ослица жалобно глядела на людей умными и печальными глазами.

Она была на редкость хороша и также превосходила красотой одомашненную родственницу, как статная лань - вислобрюхую корову.

Третий день охотился царь в предгорьях. Здесь, в лощине, среди желтеющих холмов, у старой чинары, и нашли повелителя послы, вернувшиеся из-за Аранхи.

- Почему... не согласилась? - Лицо Куруша покрылось красными, цвета сырого мяса, неровными пятнами - будто царя больно отхлестали по щекам.

Гау-Барува не раскрыл рта. Советник угрюмо, как хворая сова, сидел на толстом корне чинары.

Ответ держал Утана.

- На третий день, после утренней еды, кочевники взялись нас развлекать. Каждый старался сказать доброе слово, сделать доброе дело для послов Куруша. Видит Гау-Барува: дух у саков - благоприятный для важного разговора. Поднимается. И наступает нечаянно на край белого войлока. Белый войлок у них - знак высшей власти. Я мигаю Гау-Баруве: убери ногу. Не понимает. Саки хмурятся. Так, с ногой на войлоке, и объявил Гау-Барува свое желание.

- "Войлок, войлок"! - вспыхнул Гау-Барува. - При чем тут белый войлок?

- Из-за него вышла неудача.

- Чушь!

- Дальше? - Царь подобрал с земли точильный камень и так, с ножом в одной руке и с точильным камнем - в другой, продолжал слушать Утану.

- Саки удивились, притихли, будто им принесли худую весть. Долго молчали да переглядывались. Видно не ждали подобного оборота.

"Что скажешь в ответ, мудрая сестра?" - спросил Гау-Барува.

"Что я могу сказать? - сердито молвила Томруз. - Одна плохая хозяйка целых два дня старательно стирала белый войлок, а на третий день, когда войлок сделался почти совсем чистым, она по глупости густо измазала его черной сажей... - И Томруз покосилась на сапог Гау-Барувы. Он заметил свою оплошность, убрал ногу. Но - поздно. - Белый войлок хорошо наладившегося дела, - продолжала Томруз, - вы, персы, по неразумию испортили сажей ненужных речей. Мыслимо ли, чтобы я вышла замуж за Куруша?"

"Почему немисливо? - возразил Гау-Барува. - Соединитесь - и дружба, которую мы завязали столь удачно, будет крепкой, точно сакская бронза. Нет прочнее уз, чем узы родства".

"Не всегда, - заметила Томруз. - Не всегда узы родства - самые прочные. Но - пусть будет по-вашему. Ради дружбы я готова хоть сейчас породниться с царем царей. Только обязательно ли именно мне и Курушу класть головы на одну подушку? Он стар. Я тоже немолода. Кроме того, я не из тех проворных женщин, которые, едва освободившись от одного мужа, спешат со слюной на губах выскочить за другого. Женщина должна помнить она не только утеха для мужчины, но и мать его детей. Она человек, а не собака, слоняющаяся меж дюн. Я была и

остаюсь Белому отцу верной женой, а Спаргапе - заботливой матерью. И останусь до конца дней своих. А с Курушем - с ним мы можем породниться, - усмехнулась эта коварная женщина. - У меня - сын Спаргапа, у него дочь Хутауса. Им более к лицу сватовство и женитьба. Соединим их - вот и свяжут саков и персов узы родства".

- Дальше? - Куруш потрогал большим пальцем лезвие ножа.

Гау-Барува растерялся. Да буду я твоей жертвой, брат Гау-Барува! Не сердись, но поначалу ты растерялся. Зато быстро оправился и ответил ей:

"Прекрасный павлин" предназначен в жены своему брату Камбуджи, поэтому твой сын не может на ней жениться".

"Вот как! - невесело улыбнулась Томруз. - Вы, персы, мудрый народ. Но знайте - и другие вас не глупей. "Собакам" не хуже, чем "ребрам", известны обычаи Востока. На Востоке законным царем считается либо сын дочери, либо муж дочери предыдущего царя. Не так ли? Потому вы и не хотите отдать Хутаусу, "Прекрасного павлина", за моего сына - ведь так Спаргапа сделался бы после Куруша повелителем Парсы! О, разве Куруш согласится на это? Боже упаси. Лучше выдать Хутаусу за родного брата, лишь бы Камбуджи досталась царская власть. А вот жениться на "неумытой сакской бабе" (откуда она узнала?!) Куруш не прочь. Став мужем Томруз, он превратится, по тому же обычаю, в полного хозяина сакской земли, сакских стад. Не так ли, гости досточтимые? Я - женщина. Привыкла возиться с пряжей. Любой узел распутаю, как бы хитро не завязали".

- И Томруз засмеялась, и в медном смехе этой удивительной женщины было не меньше яда, чем в жале гюрзы, - вздохнул Утана.

- Дальше? - с трудом протиснул Куруш сквозь зубы и с пронзительно-скрежещущим, звенящим звуком провел ножом по точильному камню.

- Дальше? Они вернули наши дары, мы вернули их дары. Собрались. Распрощались. Уехали. Что оставалось делать?

- А ты забрал товар?

- Товар - не дар, я получил за него плату.

- Так. Дальше?

- Томруз напоследок сказала: "Если вы, сыны Айраны, и впрямь, без всяких помыслов тайных, хотите жить с нами в мире и добром соседстве, торговать и дружить, то наши сердца всегда открыты для вас. Но если ищете здесь легкую поживу, собираетесь прибрать к рукам страну, как прибрали много других стран - уходите и больше не приходите. Исчезните с глаз! Пусть головы ваши расширятся, пусть спины ваши сузятся. Чтоб не видеть нам встречных следов, чтоб видеть нам цепь следов удаляющихся. Не нужно туранцам ни персидских мужей, ни персидских невест. Мы, саки, сами управимся со своими делами. Так и передайте Курушу. Жених! Мало ему дочерей Иштувегу и сотен наложниц - на мне, бедной степнячке, жениться захотел. Прощайте". Она поехала нас провожать и повторила раз десять, не меньше: "Жалею, что так получилось. Давайте жить в мире".

- Испугалась? Отказала - и испугалась? - злорадно спросил царь.

- Н-нет, государь. Непохоже, чтоб испугалась. Кажется, действительно ей жалко, что связь между нами оборвалась, не успев наладиться.

Царь заметался по лужайке, сверля пятками суховатую землю и резко взвихривая полу широкой одежды на стремительных поворотах.

Тому, кто привык к плавному, как полет стрелы, бегу благородного иноходца, больно трястись на костлявой спине тощего рысака.

Сухая ячменная лепешка до крови раздирает рот, знакомый лишь с мягким пшеничным хлебом.

Человек, который всю жизнь бил других. Сам же не подвергался сечению, в тысячу раз тяжелее, чем битый, переносит внезапно нанесенный удар.

Томруз отказалась выйти замуж - за кого? За Самого Царя Царей.

Воображение ария птицей взметнулось в лазурное, еще не затянутое желтой пылью, небо Ниссайи.

Устремилось через черные пески и утесы к югу.

Порхнуло меж пальм, мерно колыхавшихся у Аравийского моря.

Пересекло голубой узор сплетенных вместе Тиглата и Пуратту [Тиглат и Пуратту - реки Тигр и Евфрат].

Перескочило через Малую Азию.

Покружило над белыми колоннами приморских греческих храмов, посетило скалистый Кипр, жаркое побережье Палестины и, вмиг облетев половину мира, перенеслось, вновь задев Ниссайю, на северо-восток, к Аранхе.

И здесь упало, с ходу врезавшись в плетеный сакский щит.

Тысячи тысяч спин, согнувшихся над пашней, над гончарными кругами, ткацкими станками, наковальнями, рыбачьими сетями на великом пространстве от дальних до ближних морей, и само это пространство - гористое, выпуклое, изрезанное долинами - представились царю одной огромной, натруженной, худой и жилистой спиной, исполосованной кнутом, покорно сгорбленной под каменными стопами Куруша.

Стоило кому-нибудь набраться храбрости и смелое слово молвить против "мужей арийских", как завоеватели тотчас хватались за оружие.

Поселения мятежников обращались в груды развалин - будто их разрушило землетрясение страшной силы. Улицы превращались в кладбища, жилища - в могилы. Мужчинам, способным держать копьё или меч, сносили головы с плеч, женщин, опозорив, уводили в рабство. Умерщвленных стариков повергали в прах, детей, зная наперед, что им не перенести дорожных невзгод, толпами сжигали на кострах.

Там, где лишь вчера возвышался шумный город, сегодня раскидывался тихий пустырь. Меж обломков стен отдыхали в знойный полдень стада. На капителях рухнувших колонн в холодную полночь щелкали иглами дикобразы. В проемах окон, подобных пустому оку черепа, тосклив и уныл, ныл ветер.

Путник, случайно забредший в руины еще недавно многолюдного города, испуганно слушал, как стонет сыч, как верещит зайчиха, которую схватил сарыч, глядел на колючки, на битый кирпич, разводил руками и свистел от изумления.

Такова была персидская власть, и весь мир считался с нею.

Но эта пропахшая кислым молоком и овечьей шерстью сакская женщина...

В юности Куруш отличался веселым и смешливым нравом. По мере того, как он вырос и старел, губы потомка Гахамана все реже раздвигались в улыбке и все чаще кривились от злобы.

Казалось, груды золота, серебра и драгоценных камней, поднимавшиеся в царских подвалах от похода к походу все выше, притягивали и поглощали живой блеск царских глаз, отдавая им взамен свой ледяной холод.

И все же, не в пример буйному Камбуджи - сыну и наследнику, царь старался всегда держать гнев на привязи, как держат на цепи охотничьего гепарда - крупную пятнистую кошку с длинными собачьими лапами, что настигает добычу, в отличие от леопарда, тигра и прочих собратьев кошачьей породы, не прыжком из засады, а стремительным гоном.

Поэтому и удивил всех присутствующих - удивил и напугал - сдавленный вопль из уст повелителя:

- Осли-и-ица!

Гепард оборвал цепь и с рыком вырвался на волю.

Дыша отрывисто и хрипло, запыхавшись, как после рукопашной, царь остановился посередине лужайки, заложил руки с ножом и точилом за спину, устало сгорбился. Выгибая шею, точно гриф, он медленно обвел приближенных неподвижными, как у ночной птицы при свете солнца, странно пустыми зрачками.

"Он безумен", - подумал Утана, чувствуя холод в мозгу.

- Глуха у доброму слову? - Куруш с яростью пнул дикую ослицу в живот. Самка онагра тяжело забила. - Так покорится силе! Не хочет быть моей женой? Так выйдет замуж за мое копые!

Он вновь пнул ослицу в тугую живот.

- Не пройдет и десяти дней, как я двину войска к Аранхе. Я разделаюсь с этими бродячими саками-собаками покруче, чем Навуходносор справился с иудеями.

Царь опять ударил ослицу по животу.

- Не слезы - кровь брызнет у них из глаз! Пусть попробуют на своих невымытых шеях остроту персидских мечей.

Рыжий царедворец, что сидел до сиз пор безмолвно у тенистой чинары, встряхнулся, оживился, как филин, услышавший с наступлением темноты клич собрата, зовущего на охоту. Война? Хорошо.

Но Куруш тут же обрушился на Гау-Баруву:

- Ты! Ты виноват в неудаче! Допустил промах с этим дурацким войлоком, со всей этой глупой затеей! Стоило терять время на глупое сватовство. Надо было сразу идти в поход - и Томруз давно уже чистила бы на заднем дворе моего дворца грязную посуду.

- А повод? - угрюмо возразил Гау-Барува. - Неловко так просто, без причины, лезть в драку. Зашумят разные мады и сфарды, всякие парфяне и армяне на весь мир: Кир насильник, захватчик Кир!.. Иди, утихомирь их потом. И так сколько сил уходит на возню со смутьянами.

- Ага. Хм. Это - истина, - пробормотал Куруш, успокаиваясь. - Ты прав, как всегда, брат Гау-Барува. Повод нужен.

"Разбойник грабит без длинных разговоров, - устало подумал Утана. Нападет на караван - отдай, и никаких. А этот, - купец исподлобья глянул на царя, - тот же разбойник, только крупный, но ему, видишь ты, повод какой-то нужен для грабежа. - И он пришел к неожиданному для себя выводу: - Значит, большой силой обладает вера людей в справедливость, если даже могущественному Курушу приходится, скрепя сердце, подлаживаться к ней. Но где она, справедливость? У нас ее нет. Если справедливость и впрямь существует где-то, то ее... надо искать у саков аранхских".

Пораженный собственной догадкой, Утана впал в глубокую задумчивость.

- Да, да! Для войны нужен повод, - повторил Куруш с нахрапистой уверенностью, точно не советник подсказал ему сейчас, а сам он родил эту важную мысль. - И повод нашелся! Пусть гонцы разнесут по всему государству весть, что царица саков, свирепая Томруз, не захотела, вопреки... вопреки... и надо ей глотку...

- Вопреки желанию своего народа, - шепнул Гау-Барува.

- Не захотела, вопреки желанию своего народа, - мрачно подхватил Куруш, - заключить с нами... заключить с нами... и надо ей глотку...

- Дружественный союз, - подсказал Гау-Барува.

- Заключить с нами дружественный союз, и надо ей голову...

- И смертельно оскорбила царя царей, дерзко посмеявшись над его добрыми намерениями, - подбросил новую мысль Гау-Барува.

- Да! Посмеявшись над... и надо ей глотку...

- По этой причине строптивую Томруз следует строго наказать! размеренно отчеканил Гау-Барува.

Царь, вскинув руки, назидательно взмахивал ножом при каждом слове советника.

- Вот именно! - жестко усмехнулся Куруш и одобрительно кивнул Гау-Баруве. Они хорошо понимали друг друга. - Наказать! Ты что скажешь, Виштаспа?

Царь присел на корень чинары и опять взялся точить нож, не спеша, деловито, с присвистом, поворачивая после каждого звенящего рывка клинок другой стороной.

Дзир-вжиг. Дзир-вжиг. Дзир-вжиг!

Солнечный зайчик, отражаясь от голубоватого железа, метался то вправо от царя, то влево. Будто кто-то попеременно открывал то один, то другой глаз.

Виштаспа - то есть, "Дикоконный" или "Боевыми конями обладающий" приходился Курушу двоюродным племянником.

"Я с готовностью поддерживаю дядю во всех воинственных начинаниях. И не только потому, что дорожу почтенной и чрезвычайно доходной должностью сатрапа. Истинный патриарх, неукоснительно соблюдающий в мыслях и поступках предписания Заратуштры, я считаю войну и грабеж соседей делом, угодным богу. Я денно и ночью мечтаю о полной победе персидского оружия во всех странах мира, доступных копытам наших коней".

Была у Виштаспы и тайная, тщательно запрятанная в самых глубоких пещерах его сознания, заветная мечта, ради которой он ловко и осмотрительно направлял Куруша, незаметно подталкивая, по опасной бранной дороге.

Начало царскому роду так называемых "ахеменидов" положил Гахаман, вождь персидского племени пасаргад.

От единственного сына его, Чишпиша, произошло трое сыновей - Первый Куруш, Первый Камбуджи и Ариярамна.

Первый Куруш - Кир I - не оставил потомства.

С Первого Камбуджи и Ариярамны род раздвоился на старшую и младшую ветви.

К старшей принадлежал сын Первого Камбуджи - Куруш Второй, победитель Иштувегу и Креза.

К младшей - Варшам, сын Ариярамны, и Виштаспа, сын Варшама.

Старшая ветвь потомков Гахамана быстро и безудержно вырождалась. "Дикоконный" усматривал в упадке "верхнего" семейства божью кару. Говорят, в борьбе за власть Первый Куруш подло убил Спантаману, преемника Заратуштры. За этот давний смертный грех, как полагал Виштаспа, и расплачивался теперь Куруш Второй, носящий имя святотатца.

Кроме того - а может быть, именно потому? - старшую ветвь иссушали внутрисемейные браки. И все - из-за богатства, чтоб не делить его, отдавая близких родственниц на сторону, из-за тиары царской, чтоб не попала она в чужие руки.

Так, Куруш Второй, сын Манданы, дочери Иштувегу, женат на другой дочери Иштувегу - на тетке своей Хамите. И - дал же бог ему детей! Должно быть, темноликий Анхромана помогал их зачинать - свет не видывал подобных ублюдков.

Старший сын, Камбуджи Второй - свирепый безумец, лютый зверь и мучитель.

Младший сын, Бардия - сатрап Армении, Сфарды и страны кадусийцев ничтожный слизняк, хилый недоумок, враждующий, тем не менее, с братом за еще не освободившийся престол Айраны.

Дочь Хутауса - хищная сластена, дикая распутница, кликуша, ведьма, страдающая тяжелыми припадками бешенства.

Какое чудовище появится на белый свет, если сумасшедшего Камбуджи женят на его такой же сумасшедшей сестре Хутаусе? От этого "Прекрасного павлина" может произойти лишь

дракон трехголовый.

Зато младшая ветвь рода цветет и плодится, как вараканская слива! У Виштаспы до сих пор, хвала Ахурамазде, жив и здоров отец, и сверх того добрый бог наградил "Дикоконного" за праведную жизнь красивым, сильным и умным сыном.

Война? Хорошо. Если Куруш всерьез рассорится с саками (дай-то бог!), выступит в поход (дай-то бог!!) и сгинет на войне (дай-то бог!!!), Камбуджи, человек, в которого вселился даив - злой дух, недолго продержится на троне. Злой дух унесет его в темную пещеру небытия, и тогда престол айраны займет молодой, деятельный царь - Дариявуш, сын Виштаспы [после смерти отца Камбиз уничтожил Бардию; восемь лет его правления отличались невероятной жестокостью; в Иране вспыхнуло восстание; по дороге из Египта домой Камбиз "умер от себя" - вероятно, покончил самоубийством; дочь Кира - Хутауса (Атосса) была последовательно женой Камбиза, предводителя восставших Гауматы и нового царя - Дариявуша (Дария I Гистаспа); мать знаменитого Ксеркса].

- Истинно! Томруз следует наказать, - важно кивнул сатрап. - В священных Яснах сказано: "Кто причинит зло неверному словом, мыслью или рукою, тот поступит по желанию Ахурамазды и по его благоволению".

- Ага! - Дзир-вжиг. Дзир-вжиг. - Хвала тебе, о Виштаспа! Ты мудр, как угод. А ты что скажешь, друг Раносбат?

Утана с неприязнью покосился на Раносбата и встретил такой же отчужденный взгляд. Два перса сразу, после первой же встречи, невзлюбили друг друга. Началось... с бровей. До сих пор и тот, и этот полагали, что гуще его бровей нет и не будет во всей Айране, и безмерно гордились своими необыкновенными мохнатыми бровями. И вдруг - на тебе! Отыскался соперник.

Конечно, причина их вражды крылась не только в бровях. Веселый и добродушный торговец не мог терпеть "вояку" за невежество и грубость, а суровый рубака не выносил изнеженного, лукавого "купчишку" за ум и утонченность.

Раносбат разомкнул толстые скрещенные ноги, встал на колени, уперся широкими ладонями в землю и так треснулся лбом о гальку, что раздробил ее в щебень.

- Я человек простой, отец-государь. Прикажешь: "Раносбат, режь саков!" - буду резать. "Раносбат, ешь саков!" - буду есть. Хоть жареных, хоть сырых. Прямо с костями и потрохами. И не подавлюсь.

Разве мог Раносбат рассуждать иначе?

"Айрана - самое великое государство мира. Великую Айрану создала война. Айрана держится силою персидского оружия.

Но по сравнению с другими народами, населяющими страну, нас, чистокровных персов, очень мало. Десять капель в котле, наполненном водой. Горсть бирюзы в куче щебня. Поэтому царь и дорожит нами, как бирюзой.

Нас не гонят на стройку дворцов, каналов, дорог и крепостей. Это удел покоренных. Мы не чахнем в дымных мастерских. Это удел покоренных. Мы не платим налогов. Это удел покоренных. Если мы и трудимся в полях, садах, на пастбищах, мы трудимся для своих родовых общин. И не столько мотыгой и плугом, сколько мечем и копьем мы добываем свой хлеб. Мы - воины. Нас берегут для войны.

Почти каждый перс служит - или при царе, или при его советниках, или при сатрапах, или при начальниках военных округов, или в гарнизонах, разбросанных по стране. Идет война - идет добыча, идет хлеб. Нет войны нет добычи, нет хлеба. Следовательно, личное благо каждого перса прямо зависит от войны. Война? Хорошо".

Дзир-вжиг.

Царь прекратил работу и крикнул восторженно:

- Ага! Я доволен тобой Раносбат. Ты мудр, как удад.

Он сердито повернулся к Утане:

- Слыхал? Вот как надо служить повелителю. А ты - ты-то что думаешь об этом деле, брат Утана?

Торговец прикусил правую половину нижней губы и принялся, по своей привычке, чесать бровь.

- Итак, война? - спросил он уныло.

- Война! - крикнул Куруш, заранее отменяя все сомнения и возражения Утаны.

Волнение и злоба выпарили из царского горла влагу, и голос ахеменίδα прозвучал по-чужому гортанно, с нечеловечески твердым и сухим хрипом, словно карканье вороны.

- Жаль, - вздохнул Утана. - Почему не поладить с Тураном без войны? Я убедился - с кочевниками выгодно торговать.

- Ты заботишься лишь о своей выгоде! - вспыхнул Гау-Барува. - Я уже говорил в доме Виштаспы: тебя не тревожит судьба государства.

- Может она тревожит Утану больше, чем некоторых болтунов, сосед Гау-Барува, - серьезно сказал Утана. - Ты говорил в благословенной Варкане: "Нужно обезопасить страну от саков, завязать с ними дружбу". Так? Если мы хлопчем только о дружбе, почему не заключить с саками союз на равных правах? Обязательно ли соваться со своей властью?

- А что даст такой союз, кроме пустых слов? - опять крикнул царь. - Я хочу получить сакское золото, бирюзу. Мне подавай верблюдов, коней и сакских стрелков для войны против Египта.

- Укрепим с Тураном дружбу - и саки дадут стрелков из лука. А золото, бирюзу, верблюдов и коней легко выменять, сколько хочешь, на товары, в которых у саков нужда.

- Менять, торговать! - разъярился Куруш. Надоело слушать твою неразумную речь, брат Утана. Когда и какой стране проклятая "дружба" и дурацкая "торговля" принесли богатство и славу? Зачем отдавать за коней добро, когда их можно даром забрать - и коней, и бирюзу, и золото? Потеряю в боях много людей? Ну и что же? Ведь мы погоним за Аранху всяких сагартов, дахов, варкан. Пустьдохнут! Лишь бы добыли для нас победу своей кровью. Да, брат Утана. - Дзир-вжиг. Дзир-вжиг. - Подлинное могущество от войны!

- Почему? - хмуро возразил Утана. - Вон, Финикия. Благодаря чему она сильна? Благодаря обширной, хорошо поставленной торговле. А дружба... Разве ты забыл, что привлек Иудею и города приморских сирийцев на свою сторону не мечом, а словами дружбы и мира?

Куруш смутился и беспомощно взглянул на Гау-Баруву.

- Там было другое! - воскликнул советник. - Государь выступал тогда как освободитель западных стран от власти Набунаида. Теперь, когда они в наших руках... пусть только пикнет какой-нибудь иудей.

- Вот! - Дзир-вжиг. - Нет, Утана. Не купеческая гиря - добрый меч принес нам победу над великими народами. И мечом, а не гирей, мы покорим еще немало новых земель!

- Легко было размахивать мечом у стен дряхлой Бабиры! - гневно повысил голос Утана. Он говорил сейчас без обычных шуток, усмешек и ужимок, и Куруш, как бы прозревая, увидел, как умен и проницателен взгляд недруга. - Много сил и храбрости потребовалось персам, чтобы одолеть всех этих разжиревших, изнеженных, обленившихся мадских, бабирских, сфардских царей и вельмож? Они в тысячу раз больше, чем тебя, боялись своих голодных поданных. Ты не победил - ты спас их от близкой гибели. Запад развалился, как плохо сложенная горка хлеба на лотке. Ты только шагал да подбирал лепешку за лепешкой. А саки? Это не вавилоняне. Они не делятся на богатых и бедных. У них нет грызни между собой. Среди них ты вряд ли найдешь

предателей, подобных мадской знати, выдавшей в разгар боя царя Иштувегу.

- А Фрада, который "не такой"? - напомнил Гау-Барува.

- "Из-за хромого осла караван не остановится". Фрада - один на сто тысяч. Он плохо кончит, я предчувствую. Смерть его будет ужасной изменников саки не щадят. Саки - народ молодой, дружный, сплоченный. У них человек человеку - друг и брат. И не на словах, а на деле, брат Гау-барува! Именно в этом их мощь. Из всех стрелков на свете саки самые искусные. Это воины, не пускающие стрел наудачу. С таким народом лучше жить в дружбе, чем во вражде. Подумайте, персы! Подумайте над моими словами. Осторожность - не грех. Благоразумие - не преступление. Сказано: "Бежать вперед - беги, но и назад поглядывай".

Торговец умолк. Персы растерянно переглядывались, напуганные грозной правдой его хлесткой речи.

Гау-Барува сорвался с места.

- Негодяй! Сам ты отступник и предатель! Не слушайте его, други. Разве не видите вы, что он собирается одурачить нас? Хочет дыму в глаза напустить, чтобы прикрыть грязь помыслов тайных! Я заметил - он быстро снюхался с Томруз. Ему, видите ли, выгодно с нею торговать! А нам-то что до твоей выгоды, сын праха? Мы печемся о благе великой Айраны. И не царю царей, богоданному Курушу, бояться двуногих собак. Бояться саков оборванный сброд, вооруженный тростниковыми стрелами? Ха! У них даже панцирей путных нет. Пятнадцать дней - и мы разнесем сакскую орду вдребезги. Пожалуй, и мечей не придется вынимать. Зачем? Для чего? К чему? При виде касок наших тяжелых, при виде медных кирас, больших щитов, конских нагрудников, длинных копий, огромных таранов и громоздких осадных башен саки разбегутся, кто куда. Попрячутся в норы, как суслики при виде ястреба. Если уж говорить начистоту, брат Утана, то вовсе не в саках и не в сакских верблюдах дело. Плевать на саков! К дайву саков! Зачем нам их дырявые шатры? Да, не в саках дело. А в том дело, что шайка этих конных бродяг оседлала, как нарочно, дорогу в богатейший Хорезм, дорогу в благодатную Сугду. Из Хорезма и Сугды идут пути на северо-запад, к великой реке Ранхе [Ранха, Ра - река Волга], на север, в Страну Мрака, где леса кишат соболями, и на восток, в Золотые горы, к сокровищам, узкоглазых царей. Усядемся на перекрестке этих путей - сколько зерна, рыбы, рабов, мехов дорогих, меда, меди, олова, золота, серебра и разного прочего добра будет оседать у нас в руках! На одних пошлинах можно удвоить казну. Восток неизмеримо богаче Запада. Возьмите хотя бы Бактру. С маленькой Бактры мы получаем 360 серебряных талантов [талант серебряный - 1050-1800 рублей] дани - то есть, на десять талантов больше, чем с Палестины, Сирии, Финикии, Ассирии и Кипра, вместе взятых. С Турана же удастся содрать три тысячи талантов - втрое больше, чем с Бабиры и Нижнего Двуречья! Вот где настоящая торговля, брат Утана - брат "на словах", а не "на деле". Удивлен? Поражен? Не думал о таких возможностях? Еще бы! Ты - мелкий купчишка, Утана, мысль твоя не может подняться выше горшка, мир твой - не шире бычьей шкуры. Разве государь против торговли? Нет. Он против нестоящей возни с горшками и шкурами. Государь - за крупную торговлю. Дай нам только добраться до Сугды и Хорезма - и ты увидишь, что за дела там развернутся! Но, пока мы не разгоним аранхских саков, Хорезм, Сугда и земли позади них закрыты для нас наглухо, как подвалы израильских купцов для грабителей. Потому-то мы и должны, не откладывая, погромить кочевья за Аранхой.

- Так! - воодушевился Куруш. - Пылкая речь соратника принесла ему облегчение, смела со лба тень сомнений, внушенных Утаной. - Хвала тебе, Гау-Барува! Ты мудр, как угод.

- Я слышу все это наяву, или сплю, или брежу, сижу среди взрослых или среди детей? "Разогнать, погромить..." Да в своем ли вы уме, люди? Неужели до вас никак не может прийти, с кем вы хотите связаться? Нельзя же находясь во главе такого великого государства, рассуждать подобно бесшабашному гуляке-забияке. Боже мой, есть тут хоть один человек, способный

мыслить серьезно? Образумьтесь!

- Хватит болтать, Утана! Или ты с нами или против нас. Если с нами пойдешь за Аранху. Если против...

Куруш медленно приблизился к Утане и навис над ним, будто собираясь клонуть крючковатым носом в темя.

Рука царя продолжала дзиркать ножом о точило. При каждом рывке уши дикой ослицы, чуявшей непоправимую беду, то сходились, то расходились, как ножницы. На каждый скрежещущий звук ножа сердце степной красавицы отвечало гулким ударом. Когда визг железа стихал, оно испуганно замирало. Уже? Пока точат нож, ослица жива. Что будет, когда его перестанут точить?

- Разве я пойду против отчизны? - проворчал Утана. Понял купец: сопротивляться сейчас царю бесполезно и опасно. Свои - далеко. Куруш зарвался и может сгоряча натворить такое... - Именно о благе отчизны я и заботился, когда отговаривал вас от войны с кочевниками. Видно я ошибаюсь. Прости, государь, мою глупость. Утана готов двинуться не то что за Аранху - за Яксарт и Ранху готов пойти! Снаряжу тысячу конных и тысячу пеших.

И мстительно добавил про себя:

"Петух сказал: "Я свое прокукарекаю, а с рассветом будь что будет..."

- Ага! - Дзир-вжиг. - Это - другой разговор. - Куруш злорадно улыбнулся. Унизил врага. Подчинил врага железной воле царской.

Надо завтра же засадить писцов за работу, заново переделать надпись для Стана богов. К чему прикидываться благодетелем человечества? Куруш мягкосердечный государь-отец? Чушь! Народ - глуп. Он уважает не доброту, а жестокость.

Персы возбужденно смеялись, азартно, до красноты, чуть ли не до дыр, потирали руки, резко сгибали и выпрямляли ноги, притопывая не хуже застоявшихся коней. Война! Глаза их пылали алчностью.

Будто перед ними уже заблестели переливчато хвосты соболей и чернобурых лис из черных лесов северных.

Будто не кузнечики прыгали у ног, а трепетала белая и вкусная рыба ранхская.

Будто кто-то принес радостную весть: "Спешите! Толпы узкоглазых людей, истомившихся от ожидания, скитаются в Золотых горах, источая ручьи горячих слез; на утесах слышатся удары кулаков о грудь, тяжкие вздохи, скалы содрогаются от жгучих восклицаний: "О, где же, где же эти горбоносые милые персы? Почему они медлят, почему не придут поскорей, чтобы забрать у нас сокровища?!"

- Во имя Ахурамазды мудрого, сильнейшего из божеств! Да будет удачен мой поход.

Куруш бросил камень, запрокинул дрогнувшей от ужаса дикой ослице голову, придавил коленом и одним взмахом отточенного ножа рассек ей горло.

Михр-Бидад скверно ругаясь и потрясая палкой, загнал усталых заложников в темный сарай, приставил к тщательно запертой двери стражу и отправился домой.

Оранжевый диск солнца только что скатился за тяжелую, кое-где разрушенную громаду городской стены, выступающей резко, темной зубчатой горой, на палевом поле заката.

Изнутри стена, хаос плоских крыш, щели узких переулков тонут в плотной лиловато-синей тени. Свет вечерней зари, прорываясь через вереницы высоких бойниц в город, рассекает синеву рядами прозрачно-розовых лучей.

"Похоже на полосатую хорезмийскую ткань. Вот уж мы скоро нагребим этих тканей. И тканей, и кож, и посуды, и всякого иного добра наберем по четыре вьюка. Посчастливится - косяк сакских кобылиц можно пригнать. У них много. Каждому достанется хорошая доля".

Людей на улице немного. Да и те почти все свои. Партов, местных жителей, частью

вытеснили в селения. Частью заклеямили, угнали на дорожные работы, распределили по царским садам, мастерским, скотоводческим хозяйствам. Частью раздали вельможам, начальникам и простым воинам.

В освобожденных домах поселились с женами, детьми и прочими родичами копейщики и меченосцы, щитоносцы и лучники персидского отряда, размещенного в Ниссайе. Одно из просторных жилищ занимает семья Михр-Бидада. К ней, к семье, и спешит сейчас доблестный арий, сын ария.

Михр-Бидад входит во двор, как можно выше задрал голову.

Как живот - от гороховой похлебки, молодого перца пучит от нестерпимого желания поскорей рассказать домочадцам, что приключилось с их ненаглядным Михр-Бидадом сегодня.

Обычно согнутый наподобие лука вперед, он нынче так заносит нос и выпирает тощую грудь и брюхо, что выгибается, опять же, точно лук, но теперь уже назад, и тетива его становой жилы звенит от ликования. Будто на Михр-Бидада упала тень сказочной птицы Хумаюн. Говорят, человек осененный ее крылами, непременно удостоится царской тиары.

Ах, братья, какая удача.

Ох, друзья, какой успех.

У наполненного мутной водой бассейна, на ковре под яблоней, сидят родители Михр-Бидада, младшие братья и сестры, жена с шестимесячным ребенком на смуглых руках. Они ждут Михр-Бидада к ужину.

Рядом, на циновке - рабы с женами и детьми. На Востоке хозяин и раб вместе работают. Правда, большая часть труда выпадает на долю раба. На Востоке хозяин и раб вместе едят. Правда, большая часть пищи выпадает на долю хозяина.

- Иду на войну, - важно объявляет Михр-Бидад, сбросив сапоги, вымыв руки и усевшись рядом с отцом, по правую руку. После отца - он старший мужчина в семье. По левую руку от хозяина - хозяйка.

- Вах! - восклицает старик. - Против кого война?

- Против саков аранхских.

- Доброе дело, доброе - оживляется старик, бывалый рубака, дравшийся с мадами, ходивший на Лидию. - У саков, я слышал, хорошие кони и овец много.

- Тебе бы только овец и коней! - вздыхает старуха. - У саков, я слышала, и луки неплохие, и стрел у них немало. Да и сколько их достанется, овец и коней? Гонят на войну - обещают десять сум золота. А как начнут делить добычу - одни объедки нам остаются. Лучшее уходит в казну царя, в лапы его приближенных.

- Молчать пустая ступа! Где ест тигр, там сыт и шакал. И тебе перепадет что-нибудь. Вам, бабам, только б вздыхать. Мужчина сотворен для битв.

- Сегодня беседовал с Курушем, - небрежно говорит Михр-Бидад и зеваает равнодушно и скучающе. А самому... самому так и хочется вскочить и пуститься в пляс.

- Вах! - подпрыгивает старик. - И что?

- Царь запомнил меня еще с тех дней, когда я был у него в Задракарте. "Раносбат хвалит тебя, - сказал Куруш. - Я люблю храбрых и преданных людей. Служи так же хорошо, и ты станешь одним из моих телохранителей".

- Вах! - Старик резко отодвигает глиняную миску с гороховой похлебкой. - Сегодня такой день... Эй, Аспабарак! Бросай все! Режь барана. Праздник у нас!

Он восхищенно глядит на Михр-Бидада, треплет растроганную старуху за плечо, всхлипнув, утирает слезу.

- Спасибо жена! Твой сын... мой сын... спасибо, спасибо!

Носятся по двору, хлопчут домочадцы.

Братья и сестры пристают к Михр-Бидаду:

- Пригони мне черного жеребенка.

- А мне - рыжих ягнят!

- Верблюжонка!

- Сакских девочек! Мы будем с ними играть.

- Ладно, хорошо. Пригону. - Михр-Бидад мягко отстраняет ребятишек и подходит к жене.

Она сидит, опустив голову, на краю глинобитного возвышения и одна во всем доме не радуется новости.

Михр-Бидад - удивленно:

- Ты чего?

Жена - глазастая, юная, похожая больше на девчонку, чем на мать полугодовалого ребенка - крепко прижимает к себе сына и всхлипывает:

- А если тебя... убьют?

У Михр-Бидада жалостно раскрывается рот. Но тут ему приходит на память, как обращается с матерью отец. Михр-Бидаду стыдно за свою слабость. Он смеется натянуто:

- Бе, дура! Кто меня убьет? Не родился еще человек, который...

Он досадливо машет рукой - стоит ли с тобой разговаривать! - и уходит, гордый и воинственный, прочь от возвышения.

Известно, конечно, молодому персу: на войне убивают. Но, как всякий человек, собирающийся в поход, щитоносец непоколебимо верил, что именно его-то обязательно минует вражеская стрела...

Зажарен на вертеле баран. Принесен мех с вином. Созвана в гости толпа ближайших соседей. Далеко за полночь шумят во дворе мужчины.

- Война против саков - дело, угодное богу Ахурамазде, - изрекает свысока приходский жрец огня, усевшийся, по нижайшей просьбе хозяина, на самое почетное место. - Ибо кочевники Турана - племя неверных, двуногие скоты, люди-насекомые. Они не рождаются - вываливаются из материнского чрева. Не умирают - околевают. Не ходят - несутся или волокут ноги. И не едят, а жрут, - убежденно говорит жрец.

Гости не спускают с Михр-Бидада заискивающих глаз.

Повезло человеку!

Стать телохранителем царя - великая честь, заветное желание каждого перса. Но не каждому персу это доступно - жизнь повелителя доверяют обычно лишь сыновьям родовых старейшин, богатых людей. Михр-Бидад - из простых, а сумел угодить Курушу. Повезло. Успех и удача.

Приятно оглушенный сладким вином, обильной закуской и завистью окружающих, блаженствует Михр-Бидад, парит в мечтах, как на широких и мягких крыльях волшебной птицы Семург.

Весь дом веселится. Только Фаризад, жена Михр-Бидада, всеми забытая, сидит на корточках в уголке двора, кормит ребенка и горько плачет. И откуда берется столько слез?

Они струйками заливают маленькую грудь женщины и смуглое лицо малыша. Ребенок то и дело отрывается от соска, беспомощно мигает мокрыми от материнских слез черными глазами и тонко хнычет. Горе. Печаль.

"Война? Хорошо! На войне позволительна любая гнусность.

Сними узду с низменных желаний.

Испытай самые дикие удовольствия.

Удовлетворяй самые пакостные поползновения твоей души.

Падай на самое дно. Валяйся в гуще мерзостей. Раскрутись до последнего витка. Можешь резать, вешать, топить, рубить, похабничать, насиловать, жечь.

Можешь все!

Тебя только похвалят. Ты - арий, ты - благородный, ты - господин. И ты - на войне..."

- Раносбатэ-э-эй! - восторженно завизжал Михр-Бидад, откидывая длинной ногой вышитый полог, прикрывающий вход в шатер военачальника.

Перс волок, накрутив косы на руки, двух пленных сакских девушек.

Они бились у его бедер, кричали, царапались, кусались, словно молодые тигрицы, пойманные охотниками в зарослях. Михр-Бидад встряхивал их за волосы, чтоб усмирить, и пьяно гоготал, покачиваясь из стороны в сторону.

- Раносбат-о-оу! Хоу, Раносбат!

- Хо-оу, Михр-Бидад! - провизжал в ответ Раносбат. - Ну, влезай! Где ты застрял?

- Двух куропаток подстрелил, ха-ха-ха!

- Куропаток? Д-давай их сюда!

- Помоги! Тяжелые. Упираются...

Раносбат, шатаясь, выбрался наружу. При виде юных пленниц глаза военачальника радостно округлились. Он завопил, как зритель на конских ристалищах:

- А-ай, чудо! Ты золотой человек, Михр-Бидад. Золотой человек!

Вдвоем, путаясь ногами, спотыкаясь и ругаясь сквозь смех, персы затащили девушек в шатер и швырнули на груды безобразно разбросанных шерстяных полостей, одежд, мягких седел, войлочных попон, расшитых чепраков, пустых кувшинов и блюд.

...Аранха. Пятнадцать дней, придерживаясь старой караванной тропы, ползло, извиваясь огромной гадюкой меж дюн, по дну оврагов сухих, через спины пологих бугров, персидское войско от Марга к великой реке.

Пока разведка шныряла в окрестностях лагеря, осматривая берег и выискивая место, удобное для переправы, конники и пехотинцы отдыхали.

На пути войску не попало и пустого шатра.

Перед тем, как выступить из Марга, персы распустили слух, будто Куруш ведет на Томруз двести тысяч отборных рубак. На самом деле воинов у него было не больше двадцати-двадцати пяти тысяч, и не только персов чистокровных, но и варкан, партов, мадов, дахов, маргушей и вавилонян.

Слух распустил для устрашения Турана. Так делалось всегда. Жалкая горсть кочевников, населявших равнину между Мургабом и Аранхой, рассыпалась в ужасе и ударилась в бегство. Одни потянулись на север, к Хорезму, другие - на восток, за Аранху.

Легкой коннице Гау-Барувы посчастливилось захватить на левом берегу несколько крупных семейств, не успевших переправиться на ту сторону. Царь повелел стариков и детей бросить в Аранху, зрелых мужчин и юношей заклеить и отправить в обоз, а женщин распределить между военачальниками.

Двух сакских девушек он подарил Раносбату; их-то и приволок Михр-Бидад.

- Эй, не спать! Играйте... - Раносбат разбудил пинками двух пьяных телохранителей, развалившихся у входа.

Те, уныло бормоча и хмельно икая, поднялись кое-как, уселись плечом к плечу, нашарили бубен и дудку и заиграли, не открывая глаз. Головы их бессильно свисали то вправо, то влево и стукались, как тыквы.

Дудка пронзительно верещала, испуская один и тот же высокий, душераздирающий звук.

Бубен ухал и бухал без всякого склада и ритма. Будто не музыкант бил в него, а сонный осел, желая сбросить оводов, вцепившихся в ляжку, встряхивал задней ногой и ударял нечаянно в туго натянутую на обруч кожу.

- Хорошо! - одобрительно крикнул Раносбат. - Живите сто лет, дайв бы побрал вас хоть

сейчас. - Он повернулся к плачущим девушкам. - Ну, козочки, танцуйте!

Пленницы сидели у входа, тесно прижавшись друг к другу; они тряслись и озирались, впрямь напоминая козочек, попавших в волчью стаю.

- Кому я говорю! - заорал Раносбат. - Танцуйте, ну?! А, не хотите? Михр-Бидад, где моя палка?

На пленниц обрушились удары. Девушки, причитая, кинулись наружу - и угодили в объятия Раносбатовых телохранителей, буйно плясавших на траве у шатра.

- Волоките их прочь! - ревел Раносбат. - Разве это козы? Это змеи! Покажите им таких-сяких... А я утром займусь.

Михр-Бидад, по приказанию Раносбата, раскупорил новый кувшин. Выпили. Еще выпили. Опять выпили. Выпили снова. Начальник достал тростниковую трубку, пропущенную через тыквочку с водой, и заправил сухим и твердым, похожим на темно-зеленую болотную землю, дурманящим зельем из плодовых коробок и верхних листьев дикой конопли.

- Пробовал когда-нибудь? - спросил он у Михр-Бидада.

Нет, Михр-Бидад никогда не пробовал хаомы. Слишком дорогое удовольствие для простого щитоносца. Раносбат прикурил от светильника и сказал важно:

- Гляди, как надо сосать.

Начальник, почти не касаясь губами кончика трубки, шумно потянул воздух и вдохнул вместе с ним угар. Сделав несколько шипящих затяжек, он отчаянно закашлялся и сунул, не глядя, трубку Михр-Бидаду. Шатер наполнился клубами голубого, приторно-сладкого дыма.

Вдосталь покурив хаомы, оба затихли. С лиц постепенно схлынула краска, под кожей расплылся поток болезненной желтизны. Глаза остекленели. Под ними набрякли пухлые мешки.

У Михр-Бидада закружилась голова.

Желая потереть лоб, он шевельнул рукой.

Странно маленькая, крохотная, как просяное зерно, она слабо мелькнула где-то далеко внизу, в черной пропасти, и медленно, через тысячелетия, двинулись кверху, вырастая все больше и больше.

И вот она с жутким беззвучным ревом остановилась перед ослепшими глазами Михр-Бидада. Страшная. Огромная, как скала, с пальцами, толстыми, как стволы древних чинар.

Щитоносец скорчился и воспарил к луне. Прижав колени к животу, он плавно переворачивался через голову, а мимо, полыхая голубым огнем, проносились звезды.

Холодно. Михр-Бидад застучал зубами. Испуганный этим стуком, черный, тощий котенок с взъерошенной, торчащей шерстью дико взглянул на молодого перса, метнулся по шву меж двух полотнищ шатра и пропал в углу, где не было никакого отверстия.

Рядом кто-то захихикал.

Михр-Бидад очнулся и увидел Раносбата. Начальник тыкал пальцем в грудь Михр-Бидада. Губы его расплзались в бессмысленной, дурацкой усмешке.

Щитоносца захлестнула волна бешеного веселья. Он безумно расхохотался в глаза Раносбата и услышал в ответ такой же ужасный хохот. Персы катались по кошме. Хватались за бока. Давились приступами безудержного, надрывистого, раздирающего нутро сумасшедшего смеха.

Отсмеявшись, они почувствовали звериный голод.

Они жадно накинулись на остатки вечернего пиршества. Принялись, утробно урча, подобно гиенам, пожирать объедки и глодать обглоданные кости. Их вырвало прямо на скатерть. Персы тут же улеглись и забылись.

Удивительно, как они не свалили светильник и не сожгли шатер.

В бреду Михр-Бидаду мерещилась Фаризад. Она плакала и протягивала к нему сына.

Ребенок, выкатив глаза, дьявольски хохотал голосом Раносбата.

- Эй, кто тут Михр-Бидад?

Щитоносец застонал, с трудом разлепил закисшие веки. Беднягу тошнило, мутило, крутило. Внутри все ныло, кости ломило, голова гудела, как бронзовый котел. Руки и ноги болели, будто не сакских девушек, а Михр-Бидада отлупил вчера палкой Раносбат.

Ох разбит Михр-Бидад. Совершенно разбит.

Он взглянул на загаженную скатерть, вспомнил гнусную одурь, которой обволокла его приторно-сладкая хаома, и передернулся от омерзения. Он почувствовал сжигающий стыд, будто совершил что-то очень позорное.

- Ты Михр-Бидад? - Перед щитоносцем стоял рослый воин в мадской одежде, с золоченой секирой в руках. Царский телохранитель.

Воин строго кивнул на выход. Михр-Бидад догадался - Куруш требует к себе. Ох, для чего?

Он вытер опухшее лицо мокрым платком, кое-как расправил помятую одежду и вышел, спотыкаясь на каждом шагу, из душного шатра. Вышел - и, слабо вскрикнув, отпрянул назад, словно наткнулся на копьё.

Перед шатром, у погасшего костра, сидела к нему спиной... Фаризад.

Голова жены была, как и тогда в день прощания, печально опущена. Вздрагивали угловатые плечи. Опять плачет.

...Спустя миг он знал уже, что ошибся. Откуда тут взяться жене? Она далеко, в Ниссайте. И все же сердце дико стучало, и Михр-Бидад рванулся к костру. Конечно, не Фаризад! Лицом вовсе на жену не похожа. Одна из вчерашних девушек - облепленная мокрой глиной (где ее таскали?), измазанная пылью и золой.

- Ты чего? - прорычал Михр-Бидад, стараясь подавить грубостью жалостную дрожь сердца.

Она отняла черные ладони от изможденного лица и глянула на долговязого перса с откровенной ненавистью. И вдруг вскочила, ринулась к нему, выставив острые ногти.

- Чего? Не видишь - чего? - крикнула она хрипло. - Мразь! Дай бог, чтоб с твоей женой случилось такое.

Михр-Бидад побледнел, словно опять глотнул дыма хаомы.

- Гадюка! - рявкнул щитоносец и вскинул палку (кто видел перса без палки?). - Вот задам тебе сейчас.

- Задай! И дай бог, чтоб с твоей женой случилось такое.

- У, дрянь. - Михр-Бидад безвольно опустил палку, сплюнул и поплелся, точно пришибленный, прочь от костра. Позади невозмутимо шагал царский телохранитель.

- Проклятая! Ты смотри, а? - злобно бормотал Михр-Бидад, стараясь отвязаться от крепко прицепившегося к нему видения. Но чертова сакская девчонка, непостижимо как, все тесней сливалась в потревоженной душе молодого перса с образом далекой Фаризад.

Кощунственно отождествлять Фаризад, его жену, его кровь, дочь ария, с бодливой степной козой. Но что тут поделаешь, если эта дикарка торчит и торчит перед глазами?

Вихрь непривычных мыслей.

Михр-Бидад не смотрел по сторонам, поэтому и не заметил, как миновали они с телохранителем стоянку дахского отряда. Необходимость держать заложников в Ниссайте отпала - всех их родичей вместе с ними погнали на войну. В залог остались дети, женщины да старики.

И не заметил Михр-Бидад пары огненных очей, сверкнувших за его спиной неутолимой, иссушающей жаждой мести.

Эти очи ясно пророчили неизбежную смерть.

Они принадлежали молодому даху по имени Гадат.

...Между царем и Утаной произошла с утра новая стычка. Куруш торопил с переправой. Хватит, отдохнули! Будто лихорадка трепала Круша - так не терпелось ему поскорей схватиться с упрямыми саками.

"Он безумен, совершенно безумен, - думал со злостью Утана. - Лезет, сломя голову, прямо в пасть волкодаву. Не к добру твоя поспешность, царь царей. Не к добру".

А вслух сказал:

- Почти половина войска состоит из варваров. Это так. Ты говорил: "Пустьдохнут, лишь бы добыли для нас победу своей кровью". Что ж? Пустьдохнут. Но губить-то их надо с умом! Как-никак, дахи, варканы, парты наша опора. Дельный хозяин бережет и благородного скакуна и рабочего мула. Варвары еще пригодятся тебе, государь. Для будущих сражений хотя бы. Помоему, следует еще раз перетолковать с Томруз. Может обойдемся все-таки без битва? Может, Томруз покорится по доброй воле? Она не глупа. Поймет, что таран хворостиной не переломить.

Чего добивался Утана? Он и сам точно не знал. Он не верил, чтобы Томруз покорилась по доброй воле. Ему просто хотелось как можно дольше затянуть срок столкновения двух войск. Любой ценой избежать сражения. А там будет видно. Может, все уладится миром.

Он жалел людей.

- Хватит толковать! - взбесился царь. - Вы с Гау-Барувой досыта с нею натолковались. Вперед, за Аранху!

- Я согласен с Утаной, - поддержал вдруг недруга рыжий Гау-Барува. Не лишне опять встретиться с Томруз. Правда, вряд ли удастся склонить саков к добровольной сдаче. Но, пока будут плестись разговоры да переговоры, мы без помех свяжем плоты и соорудим отличный мост. Иначе саки оцепят берег, убьют много людей.

- Ага! - кивнул царь одобрительно. - Если так - я тоже согласен. Кого послать к Томруз?

Выбрали Михр-Бидада.

Будь это вчера, Михр-Бидад засвистел бы от радости. Только подумать, какое доверие оказывает ему повелитель! Но сегодня, больной, изнуренный ночной попойкой, он не то что радоваться - языком не мог ворочать без тяжелого усилия.

Да тут еще Фаризад... То есть, та сакская девчонка, над которой надругались псы Раносбата, не выходит из головы.

"Михр-Бидад туда, Михр-Бидад сюда, - с обидой сказал себе щитносец, покидая шатер. - Сами теперь боятся сунуться к Томруз. Вот Гау-Баруву не послали. А меня убьют саки - Курушу наплевать".

Неожиданная мысль испугала Михр-Бидада. Он даже остановился, пораженный смутным ощущением лжи, незаметно опутавшей его с тех пор, как он ездил в Задракарту. А может, и раньше...

Эге! Уж не подсунули ли Михр-Бидаду кислого уксуса вместо сладкого вина?

Однако воля царя есть воля царя. Придется, хочешь не хочешь, тащиться за Аранху.

...Саки встретили Михр-Бидада, размахивавшего в знак дружбы зеленой ветвью, и сопровождавших его телохранителей угрюмыми волчьими взглядами.

- Пятнистая смерть! - кричали дети.

"Что еще за смерть такая - пятнистая? - поежился Михр-Бидад. - И зверский же вид у этих саков. Нет, все-таки они не люди. Варвары, дикари".

Но тут персу вспомнились слова сакской девушки, сказанные у костра: "Дай бог, чтоб с твоей женой случилось такое..."

Страшно ему стало.

Какими глазами глядели бы персы на саков, если бы саки ворвались вот так в их страну и

грозно подступили к стенам Пасаргад?

Михр-Бидад присматривался искоса к неприветливым, хмурым лицам туземных женщин и находил, к своему удивлению, в них немало знакомых черт - нежных черт, напоминающих о Фаризад.

Так что же?! Выходит, саки - тоже люди? О дайв! Непонятно все на свете.

- Успех и удача, - мрачно приветствовал он Томруз.

- У саков, здороваясь, говорят: "Мир и благополучие", - нахмурилась женщина. - Успех и удачу желают друг другу при встрече разбойники.

"Бе! Где мир, где благополучие?" - раздраженно подумал Михр-Бидад. Вслух он сказал строго:

- Ты оскорбила моего господина.

- Чем?

- Отказалась выйти за него замуж.

- "Если врагу не к чему придраться - скажет, что у твоей собаки хвост кривой".

- Мой государь благороден. Куруш, внук Чишпиша, взывает к разуму хозяйки степей. Пусть не прольется кровь. Так. Покорись царю царей по доброй воле - и саки обретут покой.

Томруз горько усмехнулась:

- Благороден? Однажды кобра заползла в шатер пастуха и громко зашипела. "Для чего ты шипишь?" - спросил пастух. "Я - благороднейшая из змей! - похвалилась кобра. - Не кидаюсь внезапно, как стреловидная гюрза. Я всегда шиплю предупреждающе, прежде чем смертельно ужалить..." Нет! Не благороден, а безумен твой государь. Он грозит сакам? Но с каких пор он знает нас? Давно ли водится с нами? Давно ли точит на саков железны меч? Чтоб мы, саки, покорились жадному проходимцу... Да понимает ли твой государь, на кого решился руку поднять? Разве ему все равно, что умереть, что уснуть? В драке не орехи раздают. Как бы не получилось с господином твоим по пословице: "Ринулся в бой быком - вернулся коровой". Вы "ребра". Мы - "собаки". Перекусывать ребра, дробить острыми клыками позвонки и прочие кости - дело, привычное для собак. Угрызем вас, так и знайте!

"Прекрати, царь Айраны, ненужную возню.

Не рыскай по берегу, мост возвести не пытайся. Ведь не известно тебе, польза или вред будет твоей голове от родившихся в ней замыслов черных. Успокойся, возвратись домой. Царствуй над своей страной и оставь нас править нашей по нашему усмотрению.

У вас, персов, говорят: "Не стучись в дверь войны, пока можно договориться о мире". Заклинаю, ради блага само же Парсы, внять дружескому увещанию.

Если ж тебе непременно хочется сразиться с вольными саками, не будем топтаться у Аранхи без дела. Дай нам отойти от реки на три дня пути, и тогда преследуй. Или ты отойди от реки на три дня пути и жди, когда мы двинемся на персидское войско".

Так ответила Томруз царю царей.

СКАЗАНИЕ СЕДЬМОЕ. ЗОЛОТО И КРОВЬ

Вернувшись в лагерь, Михр-Бидад увидел на берегу длинную вереницу плотов, связанных из надутых бараньих шкур.

Трудно ли двадцати тысячам воинов связать за три дня тысячу крепких плотов? Благо, шкур достаточно (обычно в них возят воду), а деревьев для креплений и тростника для настила - у Аранхи черный лес. Плоты хоть сейчас готовы к спуску.

Выслушав посла, Куруш задумался.

- Три дня пути, - пробормотал он раздраженно. - Три дня пути! Чего она хочет, а? Не

понимаю.

- Томруз хитрит, - вздохнул Гау-Барува. - Будем осторожны. Допустим оплошность - не пришлось бы жалеть. Зови людей. Послушаем, что скажут.

- Опять разговоры?!

- Без них не обойтись, мой государь. Зови людей, - мягко настаивал Гау-Барува.

Не первый раз осмотрительному Гау-Баруве сдерживать повелителя. Излишне порывист. Излишне! И Куруш покорился, ибо доверял тонкому уму главного советника больше, чем своему - грубому и твердому.

- Пустыня по эту сторону Аранхи нам уже знакома, по ту - все равно, что Страна Мрака, - сказал Раносбат на совете. - Где их там искать, проклятых собак? Отойдем на три дня пути. Пусть саки перейдут на левый берег. Они начнут преследовать нас в песках, так? А мы? Мы незаметно обойдем их сзади, так? Иотрежем от переправ, чтоб некуда было бежать. Окружим. И пусть Томруз умоется своей кровью, дочь ослицы-ы-ы...

Разумно! Как бы ни кичились персы храбростью на людях, в глубине души они боялись лезть в барханы Красных песков. Утана и все начальники отрядов, как персидских, так и вспомогательных, дружно поддержали Раносбата. Поддержали к великому неудовольствию Куруша, который терпеть не мог отступлений и промедлений.

Даже Виштаспа не пытался возразить Раносбату. Обидно опоздать к бурлящему в котле кусному вареву. На тот свет опоздать - не обидно.

Даже Гау-Барува, судя по его одобрительным кивкам, склонялся к тому, чтобы присоединиться к мнению ниссайского военачальника. Однако он не сказал пока ни слова.

И тогда заговорил Крез.

Да, всеми забытый, немощный лидиец Крез. Ему на покой давно пора бы, но Куруш до сих пор таскал старика за собой. Притащил и сюда, к Аранхе. Э, судьба! Где Аранха, а где Лидия?

Не потому не отпускал перс дряхлого Креза, что боялся, как бы тот не взбунтовал родную Сфарду. Нет! До бунта ли человеку, опустившему обе ноги в могилу. Просто лестно было Курушу держать в своей огромной свите, в числе других покорившихся владетелей, знаменитого на Востоке царя.

Но напрасно воображал повелитель Айраны, что Крез для него теперь не опасен... Промах. Ошибка. Поистине, если бог хочет наказать человека, он лишает его разума. И - бдительности.

Под морщинами, избороздившими бледный лоб Креза, деятельно работал мозг. В сердце Креза неугасимо, подобно священному костру огнепоклонников, пылала ненависть. Именно эта жгучая ненависть питала сердце лидийца, заменяя остывшую жидкую кровь, и сообщала его ударам юную силу.

Крез понимал - великую Лидию не возродить из праха. Звезда Сфарды закатилась навсегда. Пройдет немного времени, и лидийцы утратят родной язык, обычаи, смешаются с другими народами. Исчезнет, как дым, даже название страны.

Лидия погибла. Но жив Крез! И жив перс Куруш. И Крез отомстит Курушу. Он знал, что день его придет. Он ждал год, три года, семнадцать лет. О, терпелив был Крез - терпелив, молчалив и зорок.

Он хорошо изучил Куруша.

И неплохо изучил саков - пусть понаслышке.

Кто, как не Крез, исподволь внушал все эти годы Курушу через Гау-Барува: для того, чтобы окончательно сломить Запад, нужно сначала покорить Восток?

Внушал - и ждал. И наступил тот желанный день.

Семнадцать лет назад, готовясь к битве с персами, Крез спросил оракула, что принесет эта битва. Лидийцы стояли по одну сторону реки Галис, персы - по другую. Как сейчас Куруш и

Томруз на берегах Аранхи. Оракул ответил: "Царь, Галис перейдя, великое царство разрушит".

Какой царь? Конечно, я, Крез - решил Крез. Какое царство? Конечно, Персидское. Лидиец, очертя голову, ринулся через поток - и потерпел ужасающий разгром. После он горько упрекнул коварных жрецов за гнусную ложь. "Оракул не обманул тебя, - сказали жрецы-хитрецы. - Перейдя Галис, ты действительно разрушил великое царство - свое".

Пусть же Аранха станет Галисом для Куруша.

Крез хорошо обдумал, что скажет сейчас.

Когда-то он подражал сынам Эллады, говорил и писал на их языке. И даже молился греческим богам. Подарив мраморные колонны эллинскому храму в Эфесе, он велел, по греческому обычаю, высечь на их базах: "Царь Крез посвятил".

Теперь старик почти забыл не только эллинский, но и лидийский язык, зато отлично изъяснялся по-персидски.

Он начал с того, что передразнил Раносбата:

- "Перейдут, отойдем, обойдем..." Согласен ли я с тобою, мой сын Раносбат? Нет, не согласен!

Военачальники удивленно притихли. Они давно, а многие - никогда, не слышали его речей.

- Почему не согласен? - продолжал Крез. - Вот почему. Какой народ самый хитрый на земле? Саки. Разве не ясно, что они хотят нас подло обмануть? Ясно. Слушайте. Что случится, пока мы будем отступать на три дня пути? Саки уйдут на такое же расстояние. Сколько минует дней, пока мы сообразим, что нас провели? Еще три дня. Итак, сколько дней пути окажется между нами? Девять. А сколько дней понадобится, чтобы связать плоты вместе, навести мост и переправиться на правый берег? Не меньше пяти дней. Так? Следовательно, саки удалятся от Аранхи уже на сколько? На четырнадцать дней пути! Пока мы будем их догонять, они - что? - они уберутся еще дальше. Да! Надо уметь считать. За это время к ним успеют прийти на помощь - кто? - их друзья из Хорезма и Сугды. Придут? Обязательно придут. Между ними и саками, я слышал, нет почти никакой разницы. Один язык, вера одна. Осядет сак на земле - вот он и сугд. Двинулся сугд в степь - вот он и сак. И Бактра может восстать. Да. Не ослы же, в самом деле, эти сугды и хорезмийцы? Поймут их разведчики, что не против кочевых саков мы тащим два десятка осадных башен, таранов и лестниц. У саков нет городов и крупных крепостей. Одни загоны для скота. Хорезмийцы поднимутся вверх по реке и отрежут нас от моста. Сугды ударят с востока. Бактры - с юга. Хорошо? Плохо. Не забывайте - мы явились в Туран не ради того, чтоб погибнуть бесславно, а ради того, чтоб победить со славой. Нужно сейчас же, не медля, начать сооружение моста! Сейчас же. Не медля. Начать. Настигнем Томруз, пока она недалеко! Лучше так будет или хуже? Лучше! Да. Лучше.

Крез умолк. Военачальники таращили глаза от изумления. Даже Гау-Барува с его искусственным разумом поразила столь глубокая рассудительность. Да! Да! Правильно говорит Крез.

- Хвала тебе, мой брат! - горячо воскликнул персидский царь, окрыленный помощью, пришедшей с совершенно неожиданной стороны. - Хватит болтать! - с яростью крикнул он приближенным. - Пора, наконец, спрятать языки и обнажить мечи! Мне предстоит совершить еще не один, и не два, и не три похода. Я хочу, с благоволения Ахурамазды, обратить в истинную веру весь мир. Но мир велик, а я стар. Поэтому я не могу топтаться здесь три года. Мы должны просверкнуть в Туране, как молния! С Томруз покончим за пятнадцать дней. Спустимся к Хорезму. С Аранхи перейдем на Яксарт, поднимемся к Сугде. Осенью мы должны вернуться домой. Помните - нас ждет Египет. Эй, начинайте наводить мост.

Осенью, добравшись до Парсы, истерзанный Виштаспа рассказывал Камбуджи и Хутаусе:

"Воины спустили плоты на воду и привязали их друг к другу ремнями и волосяными

веревками. Вдоль левого берега Аранхи вытянулся огромный плавучий мост. Нижний конец моста прикрепили цепями к толстым столбам, врытым в землю. Верхний оттолкнули от суши. Быстрая вода повлекла зыбкое, но прочное сооружение за собой и плавно поставила его поперек реки.

Триста варканских лучников обстреливали с двигавшегося моста берег, занятый саками; едва восточный конец моста коснулся суши, отряд копейщиков, сидевших на плотках наготове, ринулся на толпу конных кочевников, вертевшихся у переправы. Завязался бой. Саков оказалось очень мало, не больше ста всадников; убив стрелами двадцать-тридцать наших, они быстро скрылись в пустыне.

Едва мы приступили к переправе, поднялся, как нарочно, сильный ветер. Видно, то колдуны саков наслали непогоду. Река и без того бешеная, казалось, встала на дыбы. Небо заволокло красноватой пылью. Она, как туман, клубилась над Аранхой и плотной завесой оседала на кипящую воду.

Мост, слава Ахурамазде, остался цел. Но движение все же пришлось на время прекратить. Кони боялись раскачивающихся плотов, а воины не видели, куда ступают. Утонуло сразу тридцать-сорок человек, да и то, хвала премудрому богу, защитнику Айраны, не персов, а дахов и варкан. Скоро ветер улегся, река немного успокоилась, воздух очистился. Переправа продолжалась.

На правом берегу разбили второй лагерь. Царь, по совету Креза, решил взять лучшую часть войска с собой, а худшую оставить для охраны моста. У реки оставили главный обоз, осадные приспособления, немногих пленных. И семитов-вавилонян, умеющих отлично управляться с таранами, возводить насыпи, строить сапы и делать подкопы. Сынов Божьих Врат надлежало беречь для боев у стен Хорезма и Сугды.

Куруш повелел не брать в барханы и быков, захваченных из Марга для пропитания воинов. Он не собирался долго возиться с кочевниками, поэтому выступил из лагеря налегке. Оружие, хлеб, сушеный сыр, соленое мясо, пять бурдюков с водой, запасной конь - чего еще нужно человеку на десять-пятнадцать дней?

Сфардец Крез, проклятый лукавец, притворился хворым, и царь царей, довольный его речью на совете, милостиво дозволил нечестивцу остаться в лагере.

О Ахурамазда!

Как хорошо начинался поход... и как нехорошо он закончился".

Прежде чем покинуть лагерь, персы принесли в жертву богам тысячу лошадей.

Молодое учение Заратуштры отлично уживалось у них с древними представлениями и суевериями. Почитая Ахурамазду, персы поклонялись в то же время духам степей, гор, воды. Молились небу, солнцу, ветру, звезде. Верили в таинственную силу хищных зверей, птиц и змей.

И пока маги, жрецы огня всех рангов - дастуры, эрпаты, дотвары, мобеды - в особых башлыках-патиданах, завязав рты, чтобы не осквернить дыханием священное пламя, совершали на походных алтарях возлияния хаомой из плоских сосудов, на лугах, по стародавнему обычаю, варились в трехногих бронзовых котлах мясо культовых животных.

После долгих заклинаний и сытной еды царь устроил отрядам смотр.

Надо проверить, у всех ли отточены мечи, секиры, наконечники копий, достаточно ли у лучников стрел, у пращников - каменных шаров, крепки ли щиты и чешуйчатые панцири, добротна ли одежда и обувь.

Он и сам принарядился по случаю смотра: натянул поверх серого персидского хитона пурпурный лидийский, перекинул через плечо, по мадскому обычаю, желтую, с черными цветами, шкуру леопарда.

Вспомнил, должно быть, наконец, что перс он далеко не чистокровный, что по матери он - мад, ибо Мандана была дочерью Иштувегу. И не только мад, а и сфардец, ибо матерью Манданы была Арианна, дочь лидийского царя Алиатта. Алиатту наследовал Крез; значит, Иштувегу, Креза и Куруша связывало кровное родство. Хороши родичи.

Царь царей взгромоздился вместе с приближенными на вершину крутого бархана, а внизу, по ложине, сверкая медью доспехов, проходили войска. Внуку Чишпиша поднесли золотую чашу с освященным вином. Он нахмурился и отстранил чашу.

- Я хочу крови!

- Хайра-а-а! - рывкнули конники и пехотинцы и с грохотом ударили копьями о щиты. Заревели трубы. Загудели барабаны. Губы царя подергивались. Растроганный он шептал со слезами на глазах:

- О мой народ... мой народ!

"Неужели он впрямь уверен, что любит свой народ? - удивился Утана. Ненавистен был торговцу взрыв воинственных кличей. - Что же, выходит, для блага персов ты гонишь их на убой? Твой народ... Скажи лучше: "Я!". "Я!" звучит в твоих высоких словах "мой народ". Не ради одураченных и охмуренных пахарей, которым до отвала хватило бы и своей земли, своего добра, затеял ты этот поход, а ради того, чтобы потешить собственное тщеславие.

Тут он поймал себя на несообразности родившихся у него чистых мыслей с его не очень-то чистой жизнью.

"А ты, Утана, - упрекнул Утану со вздохом Утана, - ради кого стараешься ты, рискуя с караванами по горам и пустыням? Ради сородичей? Или - ради себя одного? - И пришел к безотрадному выводу: - У тебя двойная душа, Утана. На жизнь, как на белый свет, ты глядишь разными глазами. Голубой смотрит в сторону людей, черный прикован к твоей выгоде. Чем же ты лучше Куруша?.."

Так он и двинулся в поход - растерянный и печальный.

Выставив у реки слабый заслон, саки отошли на три дня пути и схоронились в Красных песках.

- Где буря, там разрушение, - сказала Томруз на совете родовых вождей. - Война есть война. Будут раны. Будет смерть. Не останется иного выхода - погибнем все, но не сдадимся. Однако мы люди еще живые, и пока что нам нужно думать о жизни. Ничего, кроме презрения и вечного проклятия, не заслуживает тот предводитель, который, как безумный слепец, без толку и нужды бросает людей под копыта вражеских коней. Разве с противником дерутся для того, чтобы непременно умереть, а не для того, чтобы его сокрушить, а самому уцелеть? Зубастую пасть недруга надо набивать не мясом своих воинов, а стрелами из своего колчана. Не кровью, а горячей золой насыщать его брюхо. Берегите людей! За каждым человеком - большой путь. Судьба. Чем больше сохраните людей, тем лучше - у нас еще много дел на этой светлой земле. Отойдем в глубь степей. Куруш - неприятель опасный. Это Пятнистая смерть. Персы бьются хорошо и охотно, нерадивых гонят в бой бичами. Нужна осмотрительность. Война - битва умов. Прежде мысль, потом уже меч. Сейчас нет смысла сходить с персами вплотную. Время для большого сражения еще не наступило. Переждем, пока не придут на помощь отряды саков - тиграхауда и заречных, войска из Хорезма, Сугды и Бактры. Гонцы давно в пути. Переждем, не беда. Не сожрут персы песок в пустыне. Пусть бродят пока по дюнам, жарятся на солнце. Глядишь - и усохнут, порастеряют силы. А чтобы Куруш не подумал, что мы сквозь землю провалились, выделим пять-шесть малых отрядов. Пусть молодежь кусает потихоньку незваных гостей за бока...

- Дай мне отряд! - пристал наутро к матери Спаргапа.

- Отряд? Не рано ли? - с сомнением покачала головой Томруз.

- Почему - рано! - рассердился юнец. - Самое время. Храбрость воина познается в битве, не так ли? Как же я смогу доказать, что я уже не ребенок, если меня до старости будут держать в зыбке? Назвала кречетом дай крылья. Дай отряд - и ты увидишь, на что способен твой сын. Клянусь после первой же схватки весь Туран заговорит о Спаргапе!

Его трясло от нетерпения. Взлетел бы - да крыльев нет. Томруз глянула на сына с затаенной любовью и гордостью. Самолюбив, горяч, отважен. Из таких и вырастают полководцы. Добрый выйдет воин из Спаргапы! Конечно, если он, зарвавшись, не сломает шею в первой же схватке.

- Хорошо, родной. Завтра получишь отряд. Пятьсот человек, сверстников и друзей. Но... я прикреплю к тебе и наставника.

- Это еще зачем?

- Помогать будет.

- Кого прикрепишь?

- Хугаву, хотя бы. Воин опытный. Помнишь, как Хугава отличился при тохарском набеге?

- И что же - я должен ему подчиняться?

- Нет. Но советы его ты слушать обязан. Согласен? Иначе останешься без отряда.

- Согласен, - буркнул Спаргапа. - Только пусть не вздумает мной помыкать! Я - начальник, он - помощник, и никаких. Будет по-другому - к бесу отряд! Один пойду на Куруша.

- Ну, не кипятись! - ласково успокоила сына Томруз. - Командиром отряда я назначаю тебя.

- Твердо скажи об этом Хугаве, чтоб знал свое место.

- Скажу, скажу. Теперь выслушай мое напутствие, сын. И не забывай заклинаю памятью отца, сын мой! - не забывай мое напутственное слово ни на одно мгновение. Ты понимаешь меня Спаргапа? Ни на одно мгновение!

- Хорошо, говори.

- Война, мой сын, не забава. Запомни. Не игра в козлодранье. Война страшное бедствие. Я, женщина и мать, смертельно ненавижу войну. Саки исстари миролюбивый народ. Сак берется за оружие лишь тогда, когда иного выхода нет. Вот как сейчас. Сак не полезет в чужую страну, но и чужих в свою страну не допустит. Перс проливает кровь ради добычи, сак проливает кровь за свободу. Запомни - за свободу, а не ради добычи. Так заведено у нас издревле. Это - наш закон. Чего я добиваюсь? Чтоб ты, прежде чем вступить в свой первый бой, осознал до конца, с кем и для чего хочешь сразиться!

- Хорошо, - кивнул серьезный, подтянувшийся Спаргапа. - Я не забуду твоего напутствия, мать. - Он вздохнул и задумался. Потом, бледный и грустный, поднял на Томруз увлажнившиеся глаза. - Ты мудрая женщина, мать. Я благодарю бога за то, что родился от тебя, а не от какой-нибудь другой женщины. Ты для меня...

Он упал перед матерью на колени и поцеловал ее босую ногу.

...А позже, уже ночью, хмурый и молчаливый, он сидел в песках рядом с Райадой и с недобрим чувством слушал прерывистый девичий голос.

- Замуж, замуж! - шептала дочь Фрады со злостью. - Ты, конечно, нравишься мне. Но что из того? Выйти замуж - и трясти лохмотьями, мерзнуть в дырявом шатре, грызть обгорелое мясо? Я не хочу быть нищей.

Спаргапа с трудом разлепил спекшиеся губы.

- Не будешь нищей. Все для тебя добуду, Райада.

Она покосилась на него недоверчиво.

- Где, как добудешь?

- Где, как! - взорвался Спаргапа, точно огнедышащая гора. - Завтра выступаю в поход, ясно?

Он махнул рукой на совесть. Чего уж тут... Разве Спаргапа не хозяин своей голове? Белого отца - нет и никогда не будет, а мать... мать просто ворчливая, говорливая старуха. Кого

бояться? Он почувствовал ветер полной свободы, как охотничий сокол, вырвавшийся из ременных пут. Плевать на всякие наставления! Человеку дозволено все. Спаргапа яростно выругался.

- Пусть отсохнут мои руки, если я не пригоню к твоему шатру четырех верблюдов, нагруженных золотом, тканью и прочей дрянью.

Райада обрадованно вскрикнула.

Он вцепился в девушку горячими руками, унес за бархан, бешено вдавил в песок. Она не сопротивлялась. Кожа Райады пахла красным перцем и мятой.

В лагерь вернулись на рассвете.

Крадучись, подобно волчьей стае, отряд Спаргапы подбирался к Аранхе. Недалеко от реки молодых воинов нагнал во главе двухсот сородичей Фрада. Он был необычайно весел и разговорчив.

- Ох и я с тобой! - ласково улыбнулся Фрада юному Спаргапе. - Хочу размяться, проветриться хочу. Давно копыта не метал, кинжалом не махал, стрел не пускал. Возьми моих людей под высокую руку. Ладно? Вместе потрепем Курушевых слуг. А, Хугава! И ты здесь? Решил задать работу своему волшебному луку? Ну, держитесь теперь, персидские фазаны!

Сладкая лесть Фрады перекосила лицо Хугавы, точно кислый щавель. Табунщик отвернулся и тихо выругался. "Когда решили уничтожить глупых, дурак тоже взялся точить нож". Проветриться захотелось вояке. Вояка-то он и вправду неплохой, исправный вояка. Но к чему излишняя ретивость? Не молод. Поберег бы силу для настоящего дела. И зубоскалит не к месту. Разве на свадьбу едет?

- Вместе, так вместе, - сдержанно кивнул Спаргапа.

Конечно, две сотни взрослых - мощное подспорье. И приятно, что Фрада, пожилой человек, родовой вождь, сам просится под руку зеленого "начальника". Но плохо то, что он будет торчать перед глазами, вновь и вновь напоминая о проклятой Райаде.

Горечь, темную досаду, черную обиду, острую, как нож, ревность унес прошлой ночью Спаргапа из обжигающих, точно разогретое железо, объятий лукавой Райады. Эх! Предостерегала же мать... Но без Райады жизнь хуже смерти. Запутался, друг Спаргапа! Чем это кончится?

А Фрада? Он до сиз пор носил кольцо Гау-Барувы за пазухой. На палец не надевал, но и не выбрасывал. Он долго размышлял, как ему держаться теперь, когда началась война. Как держаться? Как угодно, лишь бы не прогадать. Победят саки - поживиться за счет персов. Победят персы поживиться за счет саков. Пусть грызутся между собой, Фраде-то что?

...Солнце, перемещаясь по Звериному кругу зодиака, покинуло знак Близнецов и подступило к созвездию Рака. Взошел Большой Пес - предвестник невыносимо знойных дней. "Пес - покровитель саков, - угрюмо шептались персы. - Как бы нам не было худо". Молились. Резали жертвенных животных.

В лагерь у моста то и дело наведывались гонцы Куруша, приходили за водой караваны. Недавний ветер замел в пустыне следы, разъезды персов день и ночь мотались по дюнам, безуспешно пытаясь обнаружить саков.

- "Собаки" будто в песок превратились, ни слуху от них, ни духу, рассказывали гонцы. - Государь сердится.

Охрана моста не знала, как убить время. Скука. Не все же спать, да спать? Кто был смел да плавать умел, тот купался. Плескался у берега и возле плотов, чтоб не унес бурливый поток. Из воды вылезал желтый, облепленный жидкой глиной. Начался второй, основной паводок Аранхи летний, связанный с таянием высокогорных снегов. Он более обилен, чем первый, весенний паводок, питаемый слабым снежным покровом низкогорий. Летом река несет тучу наносов,

превращается чуть ли не в грязевой поток.

- Ох, и жирен же аранхский ил, хоть и глинист излишне! - восхищались персы. - Говорят, он куда лучше нильского ила. Возьмем Хорезм - там и останемся. Сколько плодородной земли можно захватить!

Те, что не умели плавать, тоже ходили целый день обнаженными. Донимала жара. Опасности никакой не предвиделось, и воины, кроме дозорных, беспечно забросили доспехи и оружие в шатры. Кого бояться?

Люди бродили из лагеря в лагерь через мост - погостить у товарищей; охотились, играли в кости, рыбу ловили. Но все быстро надоело. Воин это воин, ему не терпится показать молодечество и удаль. Начальник охраны моста Арштибара задумался - как развлечь людей, приунывших от безделья?

Сегодня после полудня глашатай объявил: в правобережном лагере будет борьба. Участники состязания получают хороший обед, победители - хорошую награду. Бараны уже на вертелах, кувшины с вином охлаждены в ледяной воде Аранхи.

Правобережный лагерь разместился на огромной поляне у реки. Персы вырубili здесь деревья, кусты и тростник, выжгли траву вместе с пауками и змеями, чтоб было где разбить палатки, чтоб расчистить для войск путь от переправы к пустыне. Около трех тысяч воинов - безоружных, в одних набедренных повязках, столпились на поляне, предвкушая веселую схватку.

И целиться в них не надо - все на виду, стоят плотной колышущейся стеной.

Из кустарника метнулся к небу черный дым.

И семь сотен длинных оперенных стрел громадной стаей хищных птиц вырвалось из окружающих поляну зарослей. Семь сотен персов, мадов, харайва, сынов Бабиры, варкан растянулось на земле, легко раненных, тяжело раненных или убитых наповал.

Оставшиеся в целости оцепенели на несколько мгновений, уже осознав неотвратимую опасность, но не поняв еще, откуда она и почему.

Из чангалы с зловещим шорохом вылетела вторая волна тростниковых стрел. Она черно-желтым кругом сомкнулась над поляной, и груда поверженных тел удвоилась. Из семиста ядовитых бронзовых жал лишь одно промелькнуло над поляной, никого не задев. Но и оно не пропало даром. Шальная стрела скользнула вдоль моста и опрокинула в кипучую воду какого-то злосчастного рыболова, одиноко сидевшего с удочкой на плоту.

Персы закричали и бросились врассыпную. Некоторые кинулись к шатрам за доспехами. Но большая часть воинов ринулась к мосту. Мост угрожающе закачался. Теснота. Давка. Ужас. Третья волна сакских стрел, никогда не минующих цели, смела в поток, словно кучу сухой листвы, толпу обезумевших от страха людей.

Начальник охраны моста Арштибара поспешно разрубил мечом канаты, скреплявшие несколько прибрежных плотов между собой. Восточный конец моста распался. Связки жердей, тростника и надутых шкур понеслись, кружась в водоворотах, вниз по реке. За них с воплями цеплялись те, кто не успел утонуть.

Так, разрушая мост за собой, и добрался Арштибара до западного берега с горсткой воинов, оставшихся в живых.

На западном берегу Аранхи стоял Крез. Старик молча следил за побоищем на реке. Он даже не улыбнулся. Радоваться рано, это только начало.

Саки вышли из чангалы и принялись добивать раненых. Немало персов и воинов прочих племен барахтались у самого берега, боясь утонуть и не осмеливаясь вылезть на сушу. Саки выволакивали недругов из воды за волосы и всаживали им в глотки короткие мечи.

- Бей их, бей, режь! - вопил Спаргапа, не уставая втыкать нож в животы пленных.

Рухнули под обрыв осадные башни, запылали тараны и лестницы. Кровь убитых смешалась с влажной землей, поляна покрылась бурой грязью, в которой пьяно скользили и разъезжались ноги победителей. Кровь ручьями стекала в Аранху и сливалась с рыжей водой. В реке, вдоль восточного берега, вытянулся громадный, длиною в лошадиный бег [лошадиный бег - 3 километра], алый крутящийся хвост.

- Попробовали сакских мечей и стрел, - угрюмо сказал Хугава, ожесточенно моя руки.

Хотелось поскорей избавиться от омерзительного ощущения липкой человеческой крови на руках. Бой молодые саки провели точно по его замыслу - Хугава придумал окружение, Хугава разместил сородичей в зарослях, Хугава выбрал удобный миг для нападения. Теперь, когда горячка боя минула, он почувствовал тошноту, отвращение к устроенной им резне. Стрелка раздирала жгучая злость на этих проклятых арийских вояк, которым вечно не сидится дома.

Ведь из-за их неисправимой глупости ему, Хугаве, мирному и доброму человеку, пришлось сегодня их же убивать. Страшная необходимость.

- И какой даив тащил вас за Аранху?! - воскликнул он с яростью. - Или я со слезами на глазах умолял вас пойти на меня войной?

- Э, друг Хугава! Быстро ты скис. Точно коровье молоко в жару. Спаргапа отрывисто засмеялся и вытер нож о кожаные штаны. - А мне забава понравилась. Война, я вижу, дело веселое.

"Волчонок! Нанюхался крови - и одурел", - подумал Хугава с неприязнью.

Одурела, подобно Спаргапе, и толпа его желторотых воителей. Победа далась с невероятной легкостью - ни один из юношей не был даже ранен. Хотя кое-кто пытался выдать за раны пустяковые царапины, приобретенные в колючих зарослях. Иные нарочно полосовали себе щеки - будет чем похвалиться перед отцом и матерью. Каждый хвастался перед другим числом убитых им неприятелей.

С видом бывалых рубак, не спеша и деловито, сносили юноши на край поляны отрубленные вражьи головы. Заискивающе, с надеждой на похвалу, заглядывали в очи молодого начальника. И он, как опытный полководец ронял свысока:

- Хорошо им намяли бока! Слава тебе, Аспатана. Ты воин лихой, Пармуз. Молодчина, Навруз. О, сильная рука у Рузбеха... Вы всю пададь осмотрели? Глядите у меня! Чтоб ни одного колечка не пропало.

И родичи несли Спаргапе золотые и серебряные кольца, браслеты, серьги, цепи, снятые с рук, вырванные из носов, выдранные из ушей. Спаргапа торопливо прятал добычу в козловую сумку с белым кречетом, вытканым по красному полю. Фрада тем временем шарил, как шакал, в шатрах и повозках обоза. И вскоре воины его отряда сложили у ног Спаргапы кучу одежд, ковров, пряжек, чеканных поясов, блюд, рукоятей от мечей, ваз, чаш - все дорогое, все золотое.

- Поделишься со мной? - шепнул Фрада юнцу, хотя лучшую часть награбленного он уже успел схоронить где нужно.

- После, - недовольно проворчал Спаргапа. - Эй, больше нет ничего? Ищите.

- Зачем тебе персидский хлам? - удивился Хугава. - Поганое добро, чужое, вражеское. Грязь. Надо сжечь.

- Что?! - Спаргапа прикрыл руками сумку, туго набитую серебром и золотом. - Я тебя самого сожгу! Не хочешь - не бери. Хватайте одежду, ребята! Довольно трясти лохмотьями. Это награда за победу.

Юноши с веселым гоготом растащили груды пестрого тряпья, сбросили ветхие хитоны и вырядились в узорчатые накидки и шаровары. Хай! Хей! Хой! Все для них было сегодня забавой. Хугава сердито плевался.

- Дети! - Фрада, облизываясь, вынырнул из-за повозок обоза. - Там, за шатрами, мясо на

вертелех, зажаренное уже, и кувшинов гора. Я отхлебнул три глотка - холодное вино, сладкое и крепкое. Персы, видно, к пиру готовились. Что ж, вместо них мы пображничаем. Скорей, дети! Вам и во сне не приходилось пробовать этакой благодати.

- Стойте! - крикнул Хугава толпе, ринувшейся было за шатры. - Где ты вынюхал благодать, Фрада? Это яд, а не благодать! Неужто, братья, вы хотите опоганить губы дурацким пойлом? От него люди сходят с ума. Назад! Не до пира сейчас. Хоть один перс, да ускользнул в чангалу. Доберется до своих. Куруш близко - глядите, вот-вот нагрянет. Да и те, с левого берега, могут напасть. Уходить пора!

Юноши смущенно топтались перед Хугавой.

Одни удивились упреку, для них непонятному. Другие поспешили спрятаться за спинами товарищей. Третьи сердито отвернулись. Четвертые потупили глаза.

Никто не хотел ничего плохого. Юные саки родились и выросли в пустыне и были чисты, непорочны и доверчивы, как ягнята. Но именно в их почти первобытной простоте и таилась опасность. Тем более серьезная, что эта простота соединялась с природной силой и жестокостью, привитой суровой жизнью.

Юных саков мог увлечь любой пример - как добрый, так и дурной. Ибо, по молодости лет, воины Спара и сам Спар плохо еще отличали дурное от доброго, смутно понимали разницу между "нельзя" и "можно". Особенно сегодня, в такой необычный день, когда от непривычных событий пылко стучит сердце, кружится голова, кровь кажется водой, река - ручьем, а сам ты чувствуешь себя исполином, способным уложить быка.

Тишина. Раздумье. Колебания. Юношам нужен был пример - зримый и яркий. Они дружно бросились бы сейчас всей толпой прямо а Аранху - стоило только кому-нибудь начать.

- Ты что? Куда уходить? - Фрада вынул из-за пазухи серебряную флягу (успел разжиться), молодецки крякнул и запрокинул голову. Вино, булькая, лилось ему частью в рот, частью на грудь. Выглушив половину запаса, Фрада лихо сплюнул, расправил усы и небрежно смахнул с волосатой груди капли красного напитка. - Мы захватили вражеский лагерь. Так? Отрезали Куруша от переправы. Так? Одержали славную победу. Так? И вдруг - уходить! Ты просто трусил, Хугава. Куруш не близко, а далеко, ему не до нас. А с левого берега персы не сунутся - нагнали мы на них страху, десять дней будут дрожать, заикаться и менять шаровары. Подумайте, дети. Томруз нас в становище не пустит, если мы отсюда уйдем! Отхватить такой кусок успеха и кинуть его шакалам? Глупость. Надо стеречь переправу.

Хугава пытался прервать Фраду резким взмахом руки, но захмелевший старейшина не сдавался.

- Кто здесь главный начальник? - спросил он напористо у сына Томруз. - Ты, храбрый Спар, или этот пугливый умник? Мы, твои воины, хотим подкрепиться едой. Что тут зазорного? А вино... не нравится - не пей. Или я заставляю? В глотку его насильно вливаю кому-нибудь? Тыфу! Ты скажи прямо, начальник: заслужили мы сегодня кусок мяса или не заслужили?

Спаргапа - важно:

- Заслужили! И впрямь, куда спешить? - раздраженно обратился он к Хугаве. - Отдохнем - и уйдем. Не горит. Раз в год и верблюд веселится.

- Не горит - загорится! - твердо сказал Хугава. - Надо уйти сейчас же. Без всякого промедления. Мясо захватите с собою. Поедим в песках. Ну, и вина можно взять немного. Слышите? - немного. Иначе будет плохо. Выводите коней, братья!

- Э, убирайся ты к бесу! - вспылил Спар. Властный голос Хугавы бил его прямо по буйному, нетерпеливому сердцу. Да тут еще ноющая тоска по Райаде. Да глухое сознание вины перед матерью - быстро забыл он наставления Томруз. И никак не отвязаться от гнетущего чувства вины. Утопить бы его, залить, погасить чем-нибудь... - Провались ты к черным духам, дорогой

наставник! И без тебя обойдемся. Правда, Фрада?

- Ох! Конечно. Пусть катится отсюда, как перекасти-поле.

- Вв... хотите меня прогнать?! - прошептал потрясенный Хугава.

- Ох! Конечно! Чем скорей ты исчезнешь, тем лучше. И для нас, и для тебя. Ты еще не пробовал вот этой груши? - И Фрада поднес к носу Хугавы небольшой, но твердый, как бронза кулак. Табунщик знал - резкий, точный и мощный удар крепыша Фрады сбивал любого человека с ног не хуже конского копыта.

Редко сердился Хугава. Но если уж рассердится, то до заикания, до бешенства, до потери памяти. Так заведено у людей - крикливый и шумливый часто отходчив и не опасен, молчаливый и сдержанный - в гневе страшен, как нападающий барс. Не перенес Хугава обиды. Мужчиной же он был, в конце концов. Есть предел всякому терпению.

- Скоты! - рывкнул Хугава, хватаясь за секиру. - Скоты, а не саки! Прочь, или сейчас сто голов снесу. Уйти Хугаве? Хорошо! Я уйду. Оставайтесь. Пусть жрет вас Пятнистая смерть!

Хугава уехал. С ним ушли в барханы, хотя и не очень-то хотелось, его братья, племянники, а также юноши из близко родственных ему крупных семейств - всего человек пятьдесят. Толпа улюлюкала вслед:

- Э-хо-о-ой, брат Хугава!

- Сала бараньего захвати!

- Пятки смажь - будет легче бежать!

Геродот пишет:

"Увидя приготовленную пищу, массагеты возлегли для трапезы и предались еде и питью. Персы вернулись, многих убили, других взяли в плен..."

- Как ты посмел оставить его у реки? - прошептала Томруз. - Как ты посмел? Как ты посмел? Для чего я приставила тебя к Спаргапе? А? Для чего я приставила тебя к нему?

- "Корову украл кузнец в Бактре, а голову отрубили меднику в Хорезме", - пробормотал обескураженный Хугава. Он испугался кричащих очей Томруз. - Я-то при чем? Вيني виноватых. Уйдешь, если будут гнать. Фрада ударить меня хотел.

- Зарезал бы Фраду на месте! Связал бы Спара по рукам и ногам, привез ко мне. Ох, боже мой. Боже мой. Боже мой! Что делать теперь? Что делать? У тебя есть сын? - с горечью спросила она Хугаву, продолжая раздирать ему плечо.

- Дочь у меня.

- А! Дочь? Единственная дочь? Красивая дочь? Пригожая дочь, похожая на тебя, да? Как ты поступил бы, несчастный... если бы сейчас, вернувшись домой... узнал, что твою дочь сожрала Пятнистая смерть?

Стрелок вскрикнул и пошатнулся.

Томруз с ненавистью оттолкнула Хугаву к порогу шатра.

- Велика твоя вина передо мной! Уйди. И никогда не показывайся на глаза.

Три дня и три ночи не выходила Томруз из шерстяного жилища. Ничего не ела. Только жадно и много, как после мучительного перехода по пустыне, пила воду.

Саки растерялись. Война, персы рыщут в песках. Фрада и Спар погибли. Куруш убил семьсот молодых саков. Надо шевелиться. Надо мстить! Но Томруз ничего не хочет знать. Что будет дальше? Разве так можно?

- Сюда мерзавца! Сюда наглеца! Сюда подать нечестивца скорей! Я сам сдеру с него кожу. Выколю глаза. Жилы вытяну по одной. Брюхо распорю, внутренности выпущу, вокруг шеи кишки намотаю! Голову отсеку, матери проклятой отошлю - пусть изойдет слезами и кровью, черная собака!

- Успокойся, государь! Успокойся. В спешке наступают на змею. Не убивай сына Томруз.

- Как, брат Гау-Барува?! Щенок, у которого едва прорезались зубы, загрыз две с половиной тысячи моих воинов, а я должен его щадить? Привязать дикаря к хвостам сорока лошадей, пусть раздерут на части! В котле с кипящим маслом изжарить! На кол посадить!

- Успокойся, государь! Образумься. Расправа со Спаргапой не воскресит погибших. Крепись. Не убивай сына Томруз. Он нужен.

- Для чего?!

- Видишь ли, государь... Мы вдвоем сейчас. Так? Никто не слышит нас. Так? Я буду откровенен. Утана... хитрец Утана был прав тогда, у чинары помнишь? - а мы ошибались. Да, ошибались! Саки оказались не такими беспомощными и трусливыми тварями, как мы предполагали. Вот эта куча голов говорит лучше всяких слов. И если б юнцы не перепились, нам, свидетель Ахурамазда, не удалось бы взять их голыми руками. Хвала виноградной лозе! Но те, что в пустыне прячутся сейчас, - они-то ведь не пьяны. Они трезвы, жестоки и опасны.

- Стой! Посмотри-ка мне в глаза. Так. Ты странный человек, Гау-Барува. Или ты - прожженный лукавец, или... не такой уж мудрец, каким тебе хочется выглядеть. Разве не ты сбивал меня с толку? "У них даже панцирей нет, мечей не придется вынимать, разгоним, прогоним..." А теперь куда гнешь? "Опасны, ужасны..." Что это значит?

- Государь! Неужели ты усомнился в моей преданности? Я верен тебе. Но я допустил ошибку. И обезьяна с дерева падает. И охотник может попасть в западню. Не спотыкается только лежащий в постели. Разве их поймешь, этих проклятых саков? Вкус волчьих ягод узнают, лишь отведав. Благоразумие, государь! Главное - дело. А для дела нужно, чтоб Спаргапа не умер. У меня хорошая мысль. Тот сак, Фрада, не похожий на других саков, говорит Томруз без ума от сына. Любит больше, чем жизнь свою. Так вот... что, если мы снова отправим к Томруз глупца Михр-Бидада?

- Опять?! Опять разговоры?

- Но как же иначе, государь? Сам Ахурамазда послал Спаргапу к тебе. Да, сам Ахурамазда! Спаргапа - чудесная находка для нас. Не простит добрый бог, если мы упустим случай, представившийся нам по его премудрой воле.

- Хм. Коли уж сам Ахурамазда... Ладно. Но если Томруз вновь не согласится на сдачу?

- Не согласится?! Что ты, государь. Чтоб мать... Невероятно. Я знаю их, матерей. Томруз и себя, и свой народ отдаст на растерзание, лишь бы сыну голову сохранить. А не согласится - что ж? Пусть ей будет хуже. Наша мощь, слава Ахурамазде, не иссякла с потерей каких-то двух с половиной тысяч варварских детей. Фрада покажет место, где скрылась Томруз. Найдем, пережем всех - и делу конец!

Надрывисто, плачуще и стонуще, заскулила где-то собака.

Спаргапа очнулся. Собака? Нет. Это он сам скулил во сне.

"Боже! - подумал Спаргапа, холодея. - Неужели правда - то, что происходит со мной? Горе! Горе моей голове".

Каждое утро задавал он себе страшный вопрос. Едва проснувшись. В те смутные мгновения, когда человек уже не спит, но еще не открыл глаз. Когда мозг пленника переходит от тяжелого забытья к печальному бодрствованию.

Спаргапе все еще не верилось, что он в плену. Примерещилось!

Но нет - не могла примерещиться так ощутимо и явственно темнота глубокого колодца, куда его бросили персы. Сырая глина под замерзшим боком. Звяканье толстых бронзовых цепей, которыми враги приковали узника к тяжелой, как гранитная глыба, деревянной колоде. Не примерещилась тупая боль, ломота в костях, тошнота.

В первый день, когда Спаргапу схватили, было легче. Одуревший от вина, он ничего не чувствовал, не помнил, не понимал и не старался понять. Потом бесчувственность прошла -

верней, перешла в невыносимую похмельную болезнь, тем более мучительную, что вместе с телом страдала и терзалась душа. Боже! Мать... Что скажет мать? Что скажут саки?

Он крикнул позавчера стражу, заунывно напевавшему, у края колодца, чтоб тот принес кувшин вина. Лучше опять напиться. Одуреть вконец. Отравиться вновь этой жидкой дрянью, лишь бы не думать. Лишь бы не думать. Не чувствовать. Не вспоминать... Страж заругался.

- А мочи кобылей не принести? И глотка тухлой воды не получишь, собака!

Так и не дал - ни вина, ни воды. Пришлось пленнику сосать мокрый песок, сгребая его горстями со дна колодца.

"Для чего я взял тебя с собой? - вспомнил Спаргапа слова Белого отца. - Старайся понять. Не поймешь - пропадешь. Скажу напоследок: слушайся Томруз, Хугаву слушайся...".

Ничего не хотел понимать Спаргапа.

Никого Спаргапа не хотел слушаться.

А ведь как терпеливо, как мягко, с какой заботливостью наставляли они его, отговаривали от дурных поступков - и отец, и мать, и добрый друг Хугава!

Как Пятнистая смерть - дурных собак, изорвал Куруш глупых воинов Спаргапы... Он закричал зубами, в бешенстве ударился головой о колоду и потерял сознание.

Сколько дней он пролежал без памяти?

Может, день. Может, десять дней. Пришел в себя от потока воды, хлынувшей сверху. Утопить хотят? Нет. Поток иссяк, едва пленник застонал и зашевелился. У края колодца, загораживая плечами светлый круг, сидел какой-то человек. Юный сак не видел его лица, склонившегося к черному провалу - оно было покрыто тенью.

- Спаргапа! - глухо отдалось в колодце, послышался незнакомый, но добрый голос. - Ты слышишь меня, о сын Томруз?

- Слышу, - простуженно прохрипел Спар и забился в кашле. В самую жаркую пору ночью в пустыне холодно до озноба. А сидеть вдобавок на дне колодца - все равно, что мерзнуть во льдах. Даже хуже, ибо сырость опасней мороза.

Человек наверху подождал, когда пленник перестанет кашлять. Спаргапа с трудом прочистил грудь, забитую мокротой, и умолк. Человек вновь подал голос:

- С тобой говорит Гау-Барува, советник царя царей. Ты помнишь меня? Мы приезжали с Утаной к твоей матери.

- Помню! - встрепенулся Спаргапа. Так приятно услышать после многодневной тишины человеческую речь. Не назовешь же человеческой речью гнусную ругань стражей.

- Я хочу тебе добра, юный друг. Сейчас наши люди отправятся к Томруз на переговоры. Не передашь ли ты ей что-нибудь?

Спаргапа рванулся, цепи зазвенели. Мать! Эти счастливицы увидят его мать. Они будут стоять рядом с нею, беседовать с нею...

Не понимал он раньше, какая светлая радость - быть вместе с матерью. Слышать ее голос, пусть недовольный. Ощущать на себе ее взгляд, пусть строгий.

Всего лишь несколько дней назад Спару казалось, что он так и будет вечно хорохориться, ходить перед матерью задиристым петухом, а она все будет без усталости, терпеливо и любовно возиться с ним, уговаривать его, успокаивать его, ублажать его, угождать ему, ненаглядному сыну.

Но - прошло всего лишь несколько дней, и мать так страшно отдалилась от него, что даже в робких мечтах он уже не надеялся ее когда-нибудь увидеть. Будто она умерла.

- Ну? - поторопил Гау-Барува.

- Пусть ей скажут... пусть скажут... - Спаргапа с трудом поднес отягощенную цепями руку к груди, сорвал амулет - круглую золотую пластинку с чеканным изображением парящего

кречета. - Пусть передадут ей мой амулет. Спустите веревку, я привяжу. И пусть скажут так: "Юный кречет - в мышинной норе. Спаси, мать". Слышишь, Гау-Барува? "Юный кречет - в мышинной норе. Спаси, мать". Юный кречет... спаси! Спаси, мать!

- Хорошо, молодой друг. Потерпи еще немного. Я велю, чтоб тебе дали воды и мяса.

Гау-Барува удалился. Новые терзания. Спаргапа проклинал себя - так мало он передал матери! Надо было сказать, как ему плохо. Сказать, чтобы она вызволила сына любой ценой. Сказать, что... Эх, что теперь говорить? Поздно.

- Вернулись? - спросил он у стража спустя полчаса.

- Кто?

- Люди, посланные к Томруз.

- Ты что - рехнулся? Они еще не выехали.

Он не мог есть. Он не мог пить. Ярко-голубой круг высоко над головой сменился синечерным, с золотистыми точками звезд, затем опять ярко-голубым, и так много-много-много раз... Тысячу раз, быть может. Или это лишь казалось пленнику?

Невыносимо ожидание на свободе. А в неволе? Ожидание в неволе пытка, сравнимая лишь с вытягиванием жил, с мучениями на остром колу. Время для узника - кратко, точно мгновение, но мгновения - длительны, как годы. Такова несообразность ощущений в темнице.

- Вернулись?

- Скоро вернутся.

Спаргапа чутко прислушивался к тому, что происходило наверху. Застучат ли копыта, заржут ли кони, крикнет ли воин, поднимется ли неведомо почему в лагере шум и гам - встрепенется Спаргапа, забьется в оковах, словно привязанный к насесту, только что пойманный, еще необученный кречет.

- Вернулись?

- Отстань, скотина!

У юнца начинался слуховой бред; порой ему явственно слышался отдаленный плачущий голос матери:

- Спа-а-ар...

Он задира голову, отчаянно глядел на круг света, как волк из волчьей ямы, и спрашивал, спрашивал, спрашивал без конца, донимая стража, допекая стража, прожигая стража своей нетерпеливой настойчивостью до самых почек:

- Вернулись?

- Замолчи, болван, или я тебя прикончу!

Не прикончишь, ослиная кость. Мать выручит Спаргапу. О мать! Разве она оставит сына в беде?

В детстве Спара ударила копытом лошадь. По самому носу ударила, и нос превратился в кусок окровавленного мяса. Хорошо помнит юнец, как рыдала, как рвала на себе волосы Томруз. Видно, боялась, что сын на всю жизнь останется уродом. Мальчик не мог дышать через разбитые ноздри, рот же во сне закрывался сам собой. Чтоб не задохнулся сын, мать вставляла ему на ночь в зубы палочку. Пользовала рану целебными мазями, настойками из лечебных трав. И добилась своего - выправился нос, только шрамы остались у левого крыла и на кончике. Маленькие шрамы, незаметные.

Нет, мать не даст Спаргапе пропасть!

- Твой сын в руках царя царей.

- Он жив?! - женщина бросилась к послу и прижала его к себе крепко и ласково, как младшего брата.

Старейшины саков переглянулись.

С ума сходит Томруз. Три дня и три ночи нетерпеливо ждали кочевые вожди, когда она покинет шатер. Каждый миг промедления грозил бедой, но люди не решались беспокоить предводительницу. На четвертый день Томруз вышла, порылась в повозке и опять исчезла.

Вожди встревожились. Жаль, конечно, что юный Спар погиб. Но разве у семиста остальных нет матерей, сестер, подруг? Есть. Однако они не прячутся по шатрам - плачут, голосят, зато вместе. Отсидкой в шатре убитых не воскресить, убивающих не отразить.

Старейшины смело вошли в шерстяное жилище Томруз - и остолбенели.

Она сидела на корточках и молча раскачивалась из стороны в сторону, спрятав лицо в детскую рубаху Спаргапы. Она не плакала. Закрыв глаза, она вдыхала запах ветхой, расплзшейся, пожелтевшей от времени ткани.

Ясно, не цветами песчаной акации могла пахнуть детская рубаха.

А для матери, видишь, мил и дорог был ее аромат.

Вожди понурились, не зная, что сказать. И вдруг явился перс Михр-Бидад.

- Пока... живой, - смущенно пробормотал Михр-Бидад, поспешно высвобождаясь из объятий хозяйки степей.

Объятия пожилой сакской женщины не вызвали в персе брезгливого чувства, нет - наоборот, давно оторванный от родных, он был, к своему удивлению, даже рад исходившей от рук Томруз сестринской теплоте. Но телохранители за спиной. Донесут Курушу и Гау-Баруве.

- Почему - пока? - Томруз подалась назад и рванула с груди медную гривну.

- Мой светлый государь, - хмуро объявил Михр-Бидад, избегая виноватыми глазами пристального взгляда Томрузовых глаз, - велел передать тебе: "В последний раз я обращаюсь к мудрой Томруз со словами дружбы и привета. Я уничтожил твоих воинов, коварно напавших на мой лагерь у реки. Но Спаргапе я временно сохранил жизнь. Сдайся, покорись, или ты больше никогда не увидишь сына. Он умрет в таких мучениях, что лучше б на свет ему не родиться". Вот возьми. - Михр-Бидад протянул женщине амулет. - Твой сын просил сказать: "Юный кричит - в мышинной норе. Спаси, мать". Он сидит в оковах на дне колодца. Ему не дают ни еды, ни воды.

По кругу сакских вождей прокатился грозный рокот.

Все дружно проклинали Спаргапу за легкомыслие и своеволие, укоряли Томруз за материнскую слабость, за то, что доверила глупому юнцу пятьсот жизней. Они имели на это право. Судить саков - дело сакское. Но перс, чужак - как смеет он измываться над сыном их предводительницы?

- О Анахита... - Томруз схватила амулет, опустила на белый войлок. Голова ее упала на грудь. Чтобы не повалиться лицом вниз, женщина уперлась правой рукою в пол; левую руку, с амулетом, она прижала ко лбу.

Молча топтался перед нею Михр-Бидад.

Не издавали ни звука сакские вожди.

Безмолвно сидели у входа на корточках персы, телохранители посла.

Где-то далеко-далеко-далеко, за сыпучими барханами, уныло прозвенел переливчатый, грустный и болезненный крик заблудившегося жеребенка. И тотчас же у шатра во весь голос, пронзительно и страшно, с отчаянной тревогой, тоскливо и зовуще заржала кобылица.

Вздрыгнул Михр-Бидад. Испуганно переглянулись телохранители. Стиснули зубы сакские вожди. Томруз медленно подняла голову:

- Отдыхайте. Я подумаю. Ответ получите завтра.

...Наступила ночь. В пустыне было черным-черно, как всегда в эту пору, когда на барханы только что опустилась темнота, луна еще не взошла и звезды не разгорелись в полную силу.

Свита Михр-Бидада уснула. Он сидел у порога шатра и думал. Про жизнь. Про разное. Про

себя и Томруз. Несчастливая женщина. Он представил свою мать. Каково было бы ей, если бы саки заточили в темницу Михр-Бидада?.. Все люди - и саки, и персы. Всем одинаково больно и трудно лишаться родных. Почему же люди вечно грызутся между собой?

По песку разлился желтоватый свет.

"Луна всходит", - догадался Михр-Бидад.

И тут по сердцу молодого посла больно ударил странный звук.

Он начался с чуть слышного визга. Вылился в глухой стон, похожий на мучительный вздох. Потом, набирая силу, медленно и плавно, с упругой дрожью, заскользил кверху, перешел в долгий рыдающий вопль, постепенно снизился, сгустился, затих и замер в пустоте.

Михр-Бидад вскочил и побежал от шатра.

Перед ним, в широкой низине у подножья холма, виднелась черной грудой валунов толпа спешенных саков. Кочевники, плотно примкнув друг к другу, сидели на песке, выставив кверху короткие копья. Они не разговаривали и не шевелились.

- Что это было? - шепотом спросил Михр-Бидад.

Один из саков протянул руку в сторону холма - довольно крутого, с песком по склонам и с зубчатой оголенной вершиной.

Прямо над вершиной, в мареве ядовито-зеленого сияния, зловеще всходила луна - огромная, круглая, в красноватых пятнах, как медный щит, забрызганный кровью.

На медном щите луны, сливаясь в один черный силуэт, как бы нанесенный чернью, отчеканились четко очертания скалистого выступа и двух неподвижных существ, занимавших выступ. Сверху, сгорбив спину, упираясь локтями в колени и опустив лицо на ладони, сидела женщина с распущенными волосами, Чуть ниже по склону, у ног женщины, спиной к ней, вытянув шею и запрокинув голову к небу, приютилась большая собака.

До слуха Михр-Бидада вновь донеслись визг и приглушенные всхлипывания, и тут же к небу, холодеющему в лучах все ярче разгоравшихся звезд, опять взлетел громкий, на всю пустыню, надрывистый вой.

- Что это?! - Михр-Бидад схватился за голову. - Что?

- Тихо, не кричи, - остановил его сак. И пояснил угрюмо: - Собака плачет.

- Собака? - Михр-Бидад облегченно перевел дыхание. - Но почему она... так жутко?

- Щенка украли.

- Кто?

- Пятнистая смерть.

Опять он слышит об этой диковинной "смерти".

- Какая такая Пятнистая смерть?

Сак помолчал, потом сказал нехотя:

- "Черная родинка". Пустынная рысь.

Михр-Бидад подумал: видимо, все, что связано с враждой, убийством, кровью, саки называют Пятнистой смертью.

Вновь над пустыней раскатился дрожащий вопль.

То был голос самой природы, потерявшей созданное ею живое существо.

То был голос тысяч и тысяч матерей, долетающий из глубин туманных веков от лесных логовищ, от сумрачных пещер, от заснеженных круч, от первобытных костров - голос безутешных матерей, оплакивающих детей.

Страшное оно, должно быть, материнское горе, если в рыданиях разумного существа - плачущей в голос женщины звучит животный стон ее четвероногих, диких сестер, а надрывистый вой убитых тоской собак, волчиц, шакалов пронизан невыносимой человеческой болью.

Всю ночь плакала собака.

Всю ночь неподвижно сидела женщина с распущенными волосами на вершине холма.

Всю ночь не смыкал воспаленных глаз Михр-Бидад. Он не мог найти себе места. Уходил в шатер, возвращался к подножью холма, бегал по барханам, потрясая кулаками. Стонал, ругался, плакал отчаянно, как собака на холме.

Горестный вой обезумевшего животного - то бессильно стихающий, то раздающийся с невероятной мощью - острой болью отдавался в затылке. От него тяжело и трудно сжималось сердце, мелко дрожали колени, по ладоням струился холодный пот.

Саки не разговаривали и не шевелились. Они терпеливо ждали. И понял Михр-Бидад, какой железной выдержкой, силой и выносливостью обладают эти мужественные люди.

Нет, напрасно хлопочет Гау-Барува! Если Томруз, по женской слабости, и согласится, ради сына, покориться Курушу, то не захотят склониться перед царем царей и никогда не дадутся врагу живыми вот эти простые люди, соплеменники Томруз.

Утром собака умолкла - она умерла.

Но женщина - женщина осталась жить. Утром женщина с распущенными волосами спустилась с холма и пришла к Михр-Бидаду.

Это была темнокожая и худая, сгорбленная и совершенно седая старуха с глубоко запавшими спокойными очами и крепко сжатыми губами.

Пораженный Михр-Бидад с трудом признал в ней хозяйку степей Томруз.

С томительным нетерпением ждет промерзшая зимою земля, с лежащими в ней зернами, клубнями, луковицами, корнями, прихода весны, но весны - нет и нет.

С томительным нетерпением ждет голодное стадо в загоне веселого пастуха, но пастуха - нет и нет.

С томительным нетерпением ждет узник, закованный в темнице, солнечного восхода, но солнца - нет и нет.

Человек, которого ты ждешь с тем же изнуряющим нетерпением, с каким земля ждет весну, стадо - пастуха, узник - солнце, приходит чаще всего не тогда, когда ты пристально, до ноющей боли в глазах, смотришь на дорогу, а тогда, когда ты вконец устал и ждать давно перестал.

И весна, и пастух, и солнце, и человек приходят вовремя, но таково уж свойство ожидания - собственное нетерпение кажется чьим-то промедлением.

Долго пришлось будить Спаргапу, безнадежно махнувшего рукой на белый свет. Он впал в тупое безразличие, сходное с оцепенением черепахи, зарывшейся в песок перед летней или зимней спячкой. Очнулся Спаргапа лишь наверху, после того, как стражи, отомкнув от колоды цепь, сковывавшую пленника, вытащили его на веревках из колодца.

Слабый от истощения, слепой от солнечных лучей, плелся узник, гремя цепями и покачиваясь, меж вражеских палаток туда, куда его вели. Персы, поругиваясь, поддерживали юнца под локти, иначе он упал бы, не сделав и пяти шагов.

- Ага. Хм. Вот ты какой, - услышал он сердитый голос и разлепил веки.

Он находился в огромном белом шатре.

Перед ним сидели на багровых коврах чистые, важные, бородатые персидские мужи. Спар узнал Гау-Баруву и Утану. В стороне как-будто мелькнуло еще чье-то знакомое лицо, но чье - пленник не мог припомнить.

- Дайте ему вина, - сказал Гау-Барува. - На ногах не стоит.

Спар медленно покачал головой.

- Не хочешь? - усмехнулся Гау-Барува. - Не понравилось? Хе-хе-хе. Дайте ему сакского напитка.

Спар жадно выпил большую чашку кобыльего молока. Глаза кочевника прояснились. Он

облегченно вздохнул, распрямился. Наверное, посланцы Куруша вернулись от Томруз. Сейчас решится судьба Спаргапы.

Молодой воин расправил плечи и смело взглянул на Гау-Барува. Мать не оставит сына в беде!

- Слушай храбрый сак, - медленно, с расстановкой, произнес Гау-Барува. - Томруз... отказалась от тебя. Она велела передать: "Юный кречет сам стремился в мышиную нору - так пусть же останется в ней навсегда". На, возьми.

И советник кинул Спаргапе половинку амулета. Золотой кружок, разрубленный надвое, сказал Спаргапе, что между ним и Томруз нет больше родственных уз.

Спаргапа растерялся.

Недоуменно раскрыв рот, он огляделся вокруг, бессознательно надеясь уловить хоть один сочувственный взгляд. Но персы были угрюмы, холодны и неприступны.

Юноша наклонился, звякнув цепями, подобрал пластинку, изучающе провел пальцем по свежему излому. Зажал амулет, утративший силу, в потном кулаке, понурился, повесил голову, как хворающая овца в знойный полдень.

- Ты овца или человек? - гневно крикнул Гау-Барува. - Почему не вопишь, не скрипишь зубами? Родная мать отвергла тебя ради кучки вшивых сородичей, которым ты нужен, как чума и холера. Лишь бы самим уцелеть, а ты пропадай, как хочешь. Что для них какой-то Спаргапа? Пусть персы его на куски разрубят, да на вертела насадят, да на жаровне изжарят, да с луком съедят - сакам все равно. Дырявые шатры им в тысячу раз дороже, чем гордец Спаргапа. Не так ли?

...Михр-Бидад тяжело глядел на Гау-Барува из-под бровей, косо нависших над круглыми глазами.

Гау-Барува обманул Спаргапу.

Правда, Томруз даже ради спасения сына не согласилась отдать землю саков, и воду саков, и скот саков, и самих саков царю царей. Но и от Спара не думала отречься. Вот что сказала она Курушу через Михр-Бидада:

- Не похваляйся, жестокий, легкой победой! Ты сломил моего сына не в открытой битве - ты одолел его коварным напитком, ядовитым соком винограда, который и вас самих доводит до безумия, заставляет произносить дурные речи. Я тоже в последний раз обращаюсь к тебе, о Куруш, со словами добра и приветия. В последний раз я заклинаю тебя, царь царей: отступи от нас! Послушайся разумного совета! Отдай мне сына. Отдай мне сына и вернись в свою страну, гордясь тем, что уничтожил лучших сакских юношей. Я узнала - ты жаждешь человеческой крови. И намерен вкусить ее в Красных песках. Клянусь Солнцем, покровителем саков - если ты не уйдешь с миром домой, я тебя, ненасытного, вдоволь напою кровью...

Разрубив амулет с кречетом надвое, Томруз просила передать Спаргапе:

- У матери и сына - одно сердце. Половина - у меня половина - у него. И я не успокоюсь, пока они не соединятся вновь.

Но хитроумный Гау-Барува нарочно истолковал по-своему условный знак Томруз. Не удалось обмануть мать - решил одурачить сына. Извлечь пользу из беды, приключившейся с юным Спаргапой.

Совість Михр-Бидада ныла, как больная печень.

Он с трудом удержался от крика: "Спаргапа, не верь Гау-Баруве! Он лжет, как неверная жена". И хорошо (для него), что удержался. Иначе пришлось бы ему сегодня же кричать по-другому и в другом месте.

- Я на твоём месте крепко проучил бы столь неблагодарных сородичей! гремел Гау-Барува. - Нагрязнул бы в становище и устроил для неверных друзей веселый праздник кровопролития.

Повел бы мать-отступницу на костер, накрутив на палец нос и губы. Светлый лик ей изгрядил бы, темный лик посрамил бы, сел верхом, как на старую клячу. Распорол бы толстую кожу, высосал черную кровь, раздробил кости зубами. Играя и забавляясь, погасил бы огонь в очагах, смеясь и хохоча, развеял бы пепел, раскрошил бы добро, разломал, растоптал! Э, щенок, глупый сосунок! Двухногий пес. Животное. Разве способен понять тупой дикарь, что значит честь и что значит месть?

Гау-Барува умышленно насыщал свою речь грубостью, уснащал ругательствами, с тайной целью обрушивал на Спаргапу нестерпимые оскорбления. Он стремился провести по самолюбию пленника глубокую царапину. Взбесить гордого юнца. Вырвать из мягкой тины безволия.

Голова Спаргапы оставалась склоненной на грудь. Но шея уже напряглась, спина хищно выгнулась, как у рассерженного барханного кота. Руки судорожно дергались в цепях.

- Ты юноша умный и храбрый, - смягчился Гау-Барува. - Будь ты воином царя царей, он держал бы тебя по правую руку от себя. Не так ли, о светлый государь?

- Ага. Хм. Держал бы.

- Обидно за твою честь, молодой друг. Весь Туран хохочет над Спаргапой!

Из уст пленника вырвалось змеиное шипение. Все еще не поднимая глаз, он заскрежетал зубами и замотал кудрявой головой от невыносимого отчаяния. "Дай отряд - и ты увидишь, на что способен твой сын. Клянусь - после первой же схватки весь Туран заговорит о Спаргапе". Да, заговорил Туран... Ох, позор!

- Государь даст тебе людей, - вкрадчиво продолжал Гау-Барува. - Иди, уничтожь врагов, займи свое место на белом войлоке. Оно принадлежит тебе по праву - ты ведь сын великого вождя. Сделаешься хозяином всего Турана! Подумай. Ну, чего ты молчишь? Боишься, хитрят с тобою? Не веришь мне, чужеземцу - послушай тогда, что скажет кровный родич, близкий человек!

Советник коротко мигнул вправо. Стук каблуков, приглушенный коврами. В ушах юнца раздался знакомый голос:

- Ох, Спар, сын мой!

Пленник резко вскинул голову. Перед ним стоял человек в богатой мадской одежде. Он с жалостью глядел на сына Томруз.

То был Фрада.

- Живой?! - изумился Спар.

- Ох, живой, хвала солнцу, земле и воде! Светлый государь, да славится его имя вечно, пощадил меня и моих людей.

Спаргапа остолбенело уставился в беспокойные глаза отца Райада. Он сам видел, как персы заносили над Фрадой мечи! Старейшина, должно быть спяна, размахивал перед их носами каким-то кольцом.

...Не очень-то радостно было на душе у Фрады, хотя он и напялил пышную чужеземную хламиду.

Он думал поиграть с персами в прятки, перехитрить их, но они оказались хитрей. Гау-Барува сразу ухватил его за рога: "Я не из тех, кому можно морочить голову! Или ты сейчас же, без всяких околичностей, перейдешь душой и телом на нашу сторону, или с тебя сейчас же сдерут шкуру".

И пришлось Фраде покориться. Несмотря на то, что он не меньше персидского гнева страшился гнева саков, соплеменников своих. Хотел порезвиться между молотом и наковальней - не удалось. Зацепили. Допрыгался. "Пес-двурушник рано или поздно прибивается к волчьей стае".

- Ох, Спар, дорогой, - торопливо забормотал Фрада, ловя краем глаза грозный взгляд Гау-Барувы. - Верь этому человеку. Он друг. На кой бес нужны Томруз и Хугава? Помнишь ядовитый смех Хугавы на совете? Отомсти! Получишь у государя сильное войско. У меня осталось сорок человек. Прискачем с ними домой с шумом и треском, будто от персов бежали. А войско спрячем в барханах. Нам обрадуются, пир для нас закатят. Родовых вождей на пир позовут. Тут мы кинемся вдруг, перебьем вождей, а тем временем персы из засады подоспеют... Не все саки выступят против нас, не бойся! Немало семейств, колен и родов перейдут на сторону нового предводителя. Ты - сын Белого отца. Сын великого человека. Царем Турана ты станешь, Спар! Богатства Турана загребешь ты, Спар! Лучших коней Турана себе заберешь ты, Спар! Тысячу юных наложниц тотчас заведешь ты, Спар! Десятки тысяч мужчин и женщин у ног валяться заставишь. Золота горы добудешь, славу обретешь. Пурпурную одежду дадут. Пусть кто-нибудь пикнет - царь царей живо с ним расправится. Ну же, ну! Соглашайся! Чего ты молчишь? Ох! Мне бы такое.

Распаленный собственной речью, Фрада забыл о сакской мести.

Он шумно вздохнул - с обидой, глубокой, как его бездонная жадность, и жгучей, как его отцовская любовь. Глаза старейшины полыхали огнем. И дурацкая же вещь - удача! Кто ищет - находит пыль, кто не ищет, и даже искать не хочет - находит алмаз. Что за чертовщина!

Упустить счастье, которое само просится в руки... Болван Спаргапа. Дубина. Слюнтяй. Если б с Фрадой так возились! Старейшина с ненавистью и презрением отвернулся от сына Томруз. Подумать только! Ему насильно пихают в рот меду, а он плюется, стервец, вместо того, чтобы глотать.

Ух! Развернуться б сплеча да разнести вдребезги твой глупый череп обухом секиры. Он бешено стиснул мощный кулак и нанес жестокий удар. Но не кулаком - удар словесный:

- Не согласишься - издохнешь на костре и Райаду никогда больше не увидишь.

Кратко, со скрежетом, звякнули цепи, будто их связка, разом оборвавшись, грудой упала на камень - так сильно вздрогнул Спаргапа. Будто холодная искра прошла у него от затылка до пят. Будто разом раскрылись все поры тела.

- Так, - прошептал узник.

Вот до чего докатился Спаргапа.

Значит, и впрямь ты двуногий пес, животное, гнусная тварь, раз эти люди уверены, что тебя можно склонить к измене.

Честному человеку не предлагают мерзостей. Хугаве, например, они бы не посмели и словечка сказать из того, что бессовестно наговорили тебе. Да он и слушать не стал бы! А ты уши развесил, как осел у болота с громко квакающими лягушками.

Жизнь не удалась. "Что ж? Человек не только жизнью своей, но и смертью родному семейству, кровному роду и племени служить обязан". О Райада. Райада. Райада.

- Я... согласен, - хмуро сказал Спар.

По шатру, точно сильный порыв степного ветра, пронесся вздох облегчения.

- Хвала тебе, сын мой Спаргапа! - радостно крикнул Куруш.

И все персы, ликуя, повторили за царем царей:

- Хвала!

Ах ты, Пятнистая смерть.

- Снимите оковы, - улыбнулся Спаргапа. "Человек не только жизнью своей, но и смертью... О Райада. Райада.

- Эй, снять оковы! - рявкнул Гау-Барува.

Цепи, загремев, распались, упали к ногам Спаргапы.

- Сын мой! - рыдал счастливый Фрада, припав к плечу молодого сака.

"Человек не только жизнью..."

О Райада.

Если тур падает, то с высоты.

Спаргапа выхватил у Фрады короткий меч и глубоко, по самую рукоять, всадил в брюхо изменника. Отступил на шаг, сделал мечом круговое движение и ловко вывернул внутренности Фрады наружу.

Не успели стражи подскочить к нему, как Спаргапа, крепко стиснув рукоять меча обеими руками, изо всех сил воткнул отточенный клинок себе в сердце.

Он попал в цель точно, метко и безошибочно, с первого удара.

Разве он мог промахнуться?

Спар хорошо знал, где у него сердце.

Так часто оно болело с тех пор, как он увидел впервые ненавистно-любимую Райаду...

Молодой сак умер мгновенно.

Зато Фрада мучился долго. Персы выволокли "собаку" из шатра и бросили на краю поляны. Он корчился в луже крови и нечистот и хрипло стонал до позднего вечера.

Ночью его сожрали шакалы.

ПОСЛЕДНЕЕ СКАЗАНИЕ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Пылало солнце, дул ветер Вайу. Сияла луна Гавчитра. В пустыне рыскала пустынная рысь, за барханами хоронился барханный кот. В пересохших извилистых речках-саях украдкой стучали копыта сайг. У солончаков, зияющих, как раны, кружились джейраны.

Барсы Парсы шли на Томруз.

Равнина. Песок. Песок. Песок. Тому, кто не видел страны за Аранхой, кажется, что песок - самое страшное в пустыне. Нет! Барханы - пышный сад песков, их цветник, заповедное место, где кипит жизнь.

Песок хорошо пропускает воду. Глина - плохо. Влага талых снегов и дождей, просочившись вниз сквозь барханы, скапливаются над слоем жирной глины. Она, эта влага, и питает летом растения.

Оранжев, ал или желт пушистый плод безлистного джужгуна, темно-лиловые цветы тонких акаций. Задует ветер - упруго замашет тамариск гребенчатыми лапами, заскрипит саксаул, лягут метелки селина.

Заклекочет орел - черепаха спрячется в панцирь.

Заклекочет орел - мгновенно исчезнет в песке, провалится, не сходя с места, удивительная змейка эфа; так часты, но незаметны колебания тела ее, что чудится - оно свободно уходит в песок, как медный прут в тихий поток.

Заклекочет орел - вскинется варан, распластавшийся в холодке. Поднимется, крупный, в четыре локтя длиною, раздуется, как бурдюк, выпрямит спину доской, раскроет пасть, зашипит, забьет хвостом из стороны в сторону.

Вараны охотно сосут коз.

"Не трогай варана, - говорят в пустыне. - Тот, кто прикоснется к "сосущему коз", навсегда утратит мужскую силу".

В допотопном облике этой огромной ящерицы с ее полосатой кожей и нелепо растопыренными лапами, с уродливым брюхом, плоской головой и темными умными глазами, странного взгляда которых - никому не понять, воплотился образ самой пустыни - древней, загадочной, молчаливой и опасной.

Варан - холодный символ красных и черных песков, бесстрастный хранитель и страж их

жутких тайн, забытых имен, мертвых преданий и живых суеверий.

Тут, в барханах, находят приют и еду, радость и беду орды всевозможных тварей, копошащихся и наверху, среди ветвей колючего кустарника, и внизу, на песке, и еще ниже, в норах.

Некуда ступить из-за обилия жуков и крупноголовых ящериц, соек и воробьев - особых, песчаных; буланных козодоев египетских и ушастых ежей, сусликов тонкопалых и тушканчиков мохноногих, гекконов большеглазых и гекконов гребнепалых.

Здесь рассадник змей - тонких, толстых, коротких, длинных, но одинаково свирепых; вялых, когда они сыты, и стремительных, как молния, когда хотят есть.

Это светлый сад, сад без густых и прохладных теней, где растения далеко отстоят друг от друга - редкий и редкостный сад диких равнин, насквозь, от края до края, пронизанный обжигающими лучами солнца.

Хуже в подвижных, сыпучих песках. Дюны бесплодны и голы, точно покров далеких мертвых планет. Трудно ходить человеку по дюнам - сделает двести шагов, погружаясь в горячий песок до колен, и упадет на него, обливаясь потоками пота.

Чуть шевельнется ветер - и закрутятся, обовьются дюны струями желтой пыли. Стада громоздких крутолобых дюн бесшумно бродят по мгlistой пустыне. Вал за валом подступают они к притихшим от страха оазисам, жадно тянутся к трепещущим росткам пшеницы и хлопка.

Сыпучий бархан - зверь без клыков, когтей, скелета и мозга. Это чудовище тупое, всеядное и беспощадное. Оно опасней голодного льва, ибо не чувствует боли, не боится копья и стрелы.

Но и в сыпучих песках человек, обладающий хоть каплей воды и мужества, может подавить в себе чувство полного одиночества, потерянности и обреченности.

Что угнетает и убивает душу?

Однообразие.

А в сыпучих песках есть на чем остановиться глазу.

Подкова подветренной стороны бархана. Срезанный полумесяцем гребень. Длинный шевелящийся хвост.

Песчаный бугор, двигаясь, не выносит свой лоб вперед, а пятится назад, точно архаическое животное. Холмы, лоцины. Высоты, низины. Лунной ночью барханы ослепительно белы, словно сугробы. Песок, подхваченный ветром, струится с шелковым шелестом, крутится, стелется у ног, как снежная пыль, уносимая поземкой.

Дюны похожи и непохожи друг на друга. Вид каждой дюны неповторим, как облик морской волны. И в этом - суровая, ущербная, леденящая кровь, усыпляющая красота сыпучих песков. Человек глядит на гряды перемещающихся дюн с тем же усталым, но неугасающим любопытством, с каким следит за рядами бесконечно перекатывающихся соленых океанских волн.

Хуже человеку на гладких, как скатерть, бескрайних глинистых площадях, поросших чахлой голубовато-серой полынью, чей ядовитый запах пропитал густо даже пыль, клубящуюся под ногами и над головой.

Еще хуже, гораздо хуже, в черной, как старое пожарище, нагой щебнистой гаммаде, где не крупная галька, заледеневшая студеной ночью, с треском лопается в знойный полдень, раскаленная чуть не докрасна жгучими лучами туранского солнца.

Но самое страшное место в пустыне - пухлый солончак, влажная, но рассыпчатая грязь, до отказа насыщенная солью, рвотное зелье, с отвратительным хрупаньем проваливающееся под стопу.

Пухлы солончак - мокрый лишай, гниющая рана, незаживающая язва пустыни.

Над тобою - немое небо, под тобою - безжизненный прах: кажется, будто один ты на всей

земле. И не спасут и десять бурдюков свежей холодной воды, если в сердце закрылось отчаяние.

Велика и разнообразна - то ровна, то холмиста, то красна, то пятниста, то желта, то полосата, то безмолвна, то многоголоса пустыня, но во всех обличьях своих она одинаково ужасна.

И все же нашлись на свете люди, которых не испугала тишина солончаковых кладбищ, не утратило змеиное шипение блуждающих дюн. Смело проникли они в изменчивую пустыню, освоили холмы и лощины. Пустыня стала их просторным, родным и любимым домом.

Они храбро наступили ей на усаженный шипами хребет и совершили тем самым подвиг, не уступающий, быть может, заслугам строителей городов. Ибо не труднее возвести дворцы у рек, извивающихся среди зеленых полей, чем разбить в безводных песках шерстяную палатку. Не только разбить, но и довольствоваться ею от рождения до смерти.

По алую кровь этих терпеливых людей, стремясь разорить, растоптать и сжечь их просторный, родной и любимый дом, и шли сейчас, сжимая в руках тяжелые копья и мечи, барсы Парсы.

Отряды двигались днем и ночью, делая на отдых короткие перерывы. След сакского войска отыскивали три проводника, три сака из сородичей Фрады - те, что больше других сожалели о неожиданной гибели старейшины. Их отобрал Куруш. Остальных по его приказанию забили в колодки и отправили на левый берег. Так будет верней. От этих добра не жди.

- Берегись, люди выбьются из сил при такой гонке, не устоят против неприятелей, - пытался образумить Гау-Барува царя царей.

Но не слушался теперь Гау-Барува разгневанный неудачами ахеменид.

Он слушался только Креза. Один Крез понимал государя, от души одобрял его действия.

- Чего ради внимал ты до сих пор глупым советам всяких рябых и рыжих? Сколько времени потеряно напрасно. По уму мой государь выше ста Гау-Барув и Утан, вместе взятых. Потому-то именно Куруш стал на этой земле царем царей, а не какой-нибудь завистливый купец или родовой вождь. Ты осенен крылами птицы Хумаюн; ступай и смело совершай предначертанное богами. Я очень стар и болен. Мне давно пора умереть. Но я не умру, пока мой государь не вернется с победой.

И Крез опять засел на левом берегу.

"О время! - думал растроганный Куруш. - Ты превращаешь самых заклятых врагов в преданных друзей. Хорошо, что я сохранил Крезу жизнь. Бедняга, он так одинок, так беспомощен. Не диво, что привязался с годами ко мне, своему победителю, словно к брату".

Виштаспа тоже хотел остаться у реки. Саки опять могут напасть на мост, нужна здесь твердая рука. Нет, дорогой Виштаспа. Не забывай - у тебя молодой, умный, сильный сын. Будешь рядом со мной - я сумею лучше других сохранить для сына отца. Ты будешь рядом со мной, Виштаспа, родной.

По совету Креза царь царей отправил в Марг крупный отряд легкой конницы - за новыми осадными машинами. Другой крупный отряд выделил для охраны моста. Начальником охраны, казнив неудачливого Арштибару, назначил - кого? - конечно, Креза. А сам вновь двинулся в глубь Красных песков.

Война - не состязание по острословию. Она - не речей, а мечей столкновение, исход ее решает сила. Довольно болтовни! Ни дня промедления! Вперед! Вперед! Куруш рыскал в колеснице с краю движущихся войск, пронесся то к голове колонны, то к хвосту, торопил отстающих и мешкающих, избивал до крови дубиной ленивых и нерадивых.

- Я не встречал еще человека, который так упрямо гонялся бы за собственной гибелью, - сказал Утана царскому телохранителю Михр-Бидаду. "Когда к зверю приходит смертный час,

он бежит прямо на охотника".

С недавних пор они держались вместе.

Грустный Михр-Бидад хорошо приметил всегда чем-то недовольного Утану, печальный Утана хорошо приметил тоже чем-то недовольного Михр-Бидада. Они с первых дней переправы искоса приглядывались друг к другу приглядывались зорко, осторожно, чуть ли не принохивались, как волки из разных стай.

После того, как Спаргапа зарезался, молодой перс не выдержал - убежал к реке, сел у воды, глубоко и тяжело задумался.

Ему казалось - он убил сегодня своей рукой родного брата. Что плохого сделал ему, Михр-Бидаду, несчастный сын Томруз? Ничего. Не будь войны, Михр-Бидад и знать не знал бы, что где-то на свете живет какой-то Спаргапа. А если б и узнал и встретился с ним, то они могли бы стать друзьями.

Бедный Спар. Он погиб ни за горсть песку. Уничтожил охрану моста? Но разве он просил эту охрану строить мост и стеречь его? Правда, если подумать, воины тоже не виноваты - их заставили. Куруш заставил. Куруш, эх, Куруш!..

- У приморских сирийцев - финикиян, живущих в Тсуре и Сайде [Тсур и Сайда - города Тир и Сидон], есть медный бык - бог Баал, - сказал Утана, присаживаясь рядом. Торговца тоже потрясла смерть Спаргапы. - Финикияне в надежде получить взамен сто сундуков благ, кидают в раскаленное чрево Баала своих детей. Но что может дать человеку медный, полыхающий огнем бесчувственный бык? Такова война. Она кровожадна, подобно Баалу. Пожирает цветущих детей и дарит взамен лишь кучу остывшей золы...

- Пятнистая смерть, - сказал Михр-Бидад. - Так называют войну саки.

С тех пор подружились богатый Утана и бедный Михр-Бидад.

Не раз Раносбат звал молодого приятеля к себе в шатер - выпить вина, покурить хаомы. Но Михр-Бидад, ссылаясь то на занятость, то на усталость, неизменно отказывался от приглашений.

Стоило ему вспомнить ту гадкую ночь, как к горлу подступал позыв на неудержимую рвоту. Если прежде Михр-Бидад боготворил Раносбата и дорожил снисходительной дружбой высокого начальника, то теперь видеть не мог без содрогания его грузной и гнусной фигуры.

Раносбат обиделся на Михр-Бидада.

- Бездушная тварь! Кто человеком сделал этого голодранца? Раносбат. Благодаря кому сын ослицы ходит в телохранителях? Благодаря Раносбату. Почему же он нос от меня воротит? Зазнался. Эх, люди!

На седьмой день похода вновь озорно засвистал южный ветер. Следы сакского войска опять унесло, заровняло, сгладило, сдуло - будто их и не было вовсе.

- Пусть свистит, - сказал Куруш. - Ветер с юга, добрый ветер. Не в глаза дует, а в спину. Помогает нам идти. Это божий знак. А след - к чему он теперь? Проводники хорошо знают горы, где прячется Томруз. Да вот они и сами, те горы.

Он кивнул на синеющий к северу невысокий хребет.

К вечеру войско добралось до леса.

Разглядев, что это за лес, персы разом остановились, застыли, кто где, словно их всех одним ударом вогнали, точно колья от палаток, в желтый песок.

Лес был мертв.

Он был очень густ, но необычайно светел, тих и пуст - ни одна тварь не могла вынести и часу среди низкорослых, безлистных и бесплодных, давно засохших деревьев, не дающих тени.

Казалось, когда они росли, давил на них не легкий воздух, а тяжелый гранит - так скорчены, скрючены, скручены были их стволы и ветви. Будто серым ветвям, твердым, точно камень, но

хрупким, как плохо обожженная глина, не хватало дыхания, и они, чудовищно напрягаясь, медленно ползли меж глыб, мучительно втискиваясь в хаос изломов и трещин, с невероятным трудом выворачивали пласты, да так и застывали, выдравшись к свету, нелепо растопыренные судорогой небывалой силы.

Темные кучи опрокинутых ветром саксаулов походили на груды лежащих вповалку, обгоревших, высушенных солнцем человеческих трупов.

Иные деревья, неживые, но стоячие, напоминали скелеты повешенных, четвертованных, посаженных на колья.

Войско попятилось на целый хатр.

Сегодня на стоянке разговаривали мало, а смеха, обычного по вечерам, и вовсе не слышалось. Призадумался даже нетерпеливый Куруш. Уж очень смахивал мертвый лес на бранное поле через месяц после битвы.

Что случилось со Спаргапой? Томруз не знала. Разведчики, не спускавшие глаз с персидских войск, не могли ничего проведать о судьбе Спаргапы.

Томруз крепилась.

С виду - невозмутимо спокойная, бесстрастно молчаливая, точно каменная скифская баба, объезжала она во главе родовых вождей стоянку сакского войска.

Но внутри - внутри у женщины все почернело от горя. Она глядела на соплеменников - молодых, здоровых, сильных - и со скорбью думала о том, что завтра многих из них не будет.

Сгинут они, как сгинул Спар.

Каждый сак казался ей сыном, и она жалела их, как сыновей. И саки тянулись к ней, словно к матери родной, ибо чувствовали сердцем ее великую любовь и великую жалость.

- Старух, детей и кормящих матерей мы отправили под охраной небольшого, но хорошо оснащенного отряда на север, к Яксарту, - говорила Томруз гонцу хорезмийского царя. - Туда же угнали стада. Тысячи оставшихся юношей и зрелых мужчин вооружились копьями и секирами. У каждого воина по два лука, по четыре колчана, по два запасных коня. Из крепких проворных девушек и молодых женщин я составила сто летучих отрядов лучниц. Помогут мужьям и братьям.

- Когда я выехал из города, наше войско двигалось вверх по Аранхе, по правому берегу, - сказал хувар из Хорезма. - Через три дня оно должно быть здесь.

- А наши люди спустились вниз по реке на плотках, - сообщил гонец из Бактры. - Послезавтра они придут сюда.

- Воины Сугды в одном переходе от ваших гор, - заявил согдийский гонец. - Ты увидишь их завтра, мудрая Томруз.

- Отряды саков заречных и саков-тиграхауда уже тут, - с гордостью сообщили Томруз гонцы саков заречных и саков-тиграхауда.

- Хорошо, - кивнула Томруз.

Через дорогу торопливо, но медленно переползала, прихрамывая, серая мышь-песчанка. Ранена, больна? Томруз брезгливо сплюнула. Она не терпела мелких, вороватых и трусливых тварей.

У стана дривиков Томруз встретила Райада.

В кожаных мужских шароварах и толстой войлочной куртке, с колчаном за спиной, Райада брела, опустив голову, меж двух покатых дюн и волокла по песку большой лук.

Нелепый и смешной был вид у нее в наряде воинском!

Лук не хворостина, которой погоняют ягнят.

- Хо-хо-хо! - густо захохотал носатый хорезмиец. - С подобными воительницами только и побеждать Куруша. Знает она, тупым или острым концом прикладывают стрелу к тетиве?

- Для чего этакой красавице стрелы? - усмехнулся гонец из Сугды. Взглянет раз дивными очами - и все персидское войско ляжет без дыхания.

Райада, увидев Томруз, прошептала смущенно:

- Мир и благополучие.

Томруз молча отвернулась. Нет, не могла она побороть неприязни к Райаде! Пусть Фрада пал смертью храбрых, сражаясь за сакскую волю - все равно он был чужим для саков. И дочь его для саков - чужая.

Может дело не столько во Фраде, сколько в самой Райаде? Томруз, верная жена и строгая, но добрая мать, не выносила в женщинах лени, глупости и легкомыслия.

Что такое мужчина?

Грозный зверь, угнетатель, жестокий притеснитель? Чушь. Будь он с виду хоть свирепым львом, в душе своей это большой, наивный, доверчивый ребенок. Стоит ему услышать запах женской кожи - и куда деваются его ум, сила, гордость! Да и для кого она, вся их гордость, удаль, молодечество? Ради кого они стараются отличиться? Для женщины, ради женщины.

Всякая женщина хорошо понимает силу свою - если не умом, то сердцем, чутьем природным. Перед собой-то ни к чему притворяться существом, обиженным жизнью. Между собой-то, когда мы, женщины, одни и мужчины не слышат нас, мы можем говорить откровенно и прямо? Бесплезно лгать самим себе. Ты отлично знаешь, какая власть над мужчиной дана тебе природой.

Пропади же ты пропадом, если по скудоумию своему ты употребила эту страшную власть во зло мужчине!

Помни - долг женщины перед мужчиной втрое выше, чем долг мужчины перед женщиной. Ибо в любовных привязанностях главная сторона - женщина. Женщина - неиссякаемый родник, мужчина - жаждущий путник. Если он умер от жажды, виноват родник.

Конечно, попадаются путники, что, напившись, могут изгадить родник, замутить в нем воду. Есть и среди мужчин немало ослов. Об этом они сами должны подумать, поговорить между собой. Речь идет сейчас о другом. Речь о том, что женщина - ответчица за судьбу мужчины.

Ты, дочь Фрады, толкнула моего сына на дурной и неверный путь. Будь же ты проклята!

...Человек знает - неизбежна смерть. Но не хочется ему исчезнуть бесследно. И придумывает он в утешение себе мудровато-хитроватую ложь. Старый массагет с низовьев Аранхи, вытянув перед собой морщинистый палец с черной каймой под серым кривым ногтем, проповедовал у костра в кругу других стариков:

- Обычай!

Что говорит наш обычай?

Тот, кто умер собственной смертью, - нечист, достоин презрения. Кто на охоте погиб, или пал в бою, тот славен, почета достоин.

Почему?

У каждого человека есть душа. Не так ли? Душа - это жизненная мощь человека. У молодого она - молодая, у старого - старая. Верно? У здорового - здоровая, у хворого - хворая. Верно? У сильного - сильная, у слабого - слабая. Верно?

Человек невечен - душа вечна. Погаснет костер - дым улетит к небу. Умрет человек - душа откочует в загробный мир.

Если человек умрет старым, хворым и слабым, бледной тенью он явится в страну забвения, не дадут ему доброго места, не окажут ему уважения. Отведут стоянку самую худую, самое скудное пастбище для скота, и всякий будет плевать в глаза бедняге, ибо нет у слабой души сил постоять за себя.

Если же человека пронзила стрела, или нашел он конец от звериных когтей, человек лихо,

без криков и слез, перескочит через смертную пропасть, предстанет пред ликами богов разгоряченный, бодрый, веселый. И в жизни небесной будет пить он из меха блаженства, как пил счастье здесь.

Значит - что?

Чтобы душа и в потустороннем мире пребывала крепкой и радостной, нужно уберечь ее от полного истощения на земле, вовремя уловить, сохранить для иного существования.

Так, даже старый-престарый баран годится в пищу, если его успели зарезать. Падаль же только шакалы жрут. Ясно?

Я не говорю - чем раньше конец, тем лучше. Нет! Человек рождается не по ту, а по эту сторону черной черты. И вправе он досыта вкусить сладость земных плодов.

Но и задерживаться тут через меру - непростительный грех.

Бродячие обитатели болот, люди-звери, питающиеся змеями, убивают стариков потому, что их трудно кормить.

У нас, пастухов, вдоволь еды - если, не дай бог, не случится мора или гололедицы. И все же мы тоже не любим дряхлых.

Почему?

Нехорошо, если молоко кобылицы недостаточно перебродило. Но еще хуже, если оно прокисло и кишит червями. Плохо, когда человек покидает землю прежде времени. Но еще хуже, когда он отбывает в царство мрака позже, чем следует.

Что говорит обычай?

Тропа кончается у реки. Река кончается у моря. Предел человеческой жизни - семьдесят лет.

Спору нет - и сто лет может существовать человек. Может! Но... для чего?

Кому нужен верблюд, хромающий на все четыре ноги? Какая польза от ветхого старика - хворого, ворчливого, утратившего разум? Он беспомощен, как новорожденный. Но если на малютку-новорожденного люди смотрят с любовью, то что, кроме отвращения, способен внушить тот, от кого за полет стрелы несет плесенью?

Человек слишком много таскающийся по земле - досадная обуза для чужих и близких. Он гадок и противен родному семейству. Лишний он здесь, лишний и там, - массагет понизил голос и махнул рукой за плечо, - даже там, куда уходят, но откуда не приходят.

Вот почему лучше погибнуть в битве, чем издохнуть в шатре от старческой слабости. Сразимся, братья, с персами!

- Сразимся!

- Э! - досадливо сплюнул Хугава, пришедший к старцам послушать мудрых речей. - Умный старик, а дурак! "Душа, загробный мир...". Это хорошо, что седобородые решили биться с врагом. Но при чем тут душа? Разве на смерть идут ради лепешек, испеченных в загробном мире? Вон - Белый отец сразился с Пятнистой смертью не потому, что боялся опоздать к большому котлу, бурлящему в царстве теней. Он жил и умер ради людей. "Человек не только жизнью своей, но и смертью родному семейству, кровному роду и племени служить обязан". Служить. Родному семейству. Кровному роду и племени. А не какой-то дурацкой душе.

Хугава не боялся кошунственных мыслей, не страшился гнева и мести владык загробного царства.

Не дадут ему хороших потусторонних пастбищ? Наплевать! С луком Хугава не расстанется ни в этом мире, ни в том, а покуда у него в руках лук, он не пропадет с голоду.

Найдутся же там, у них, тени каких-нибудь птиц и зверей?

Поскольку он и сам будет лишь тенью, с него будет довольно и пары призрачных фазанов в день.

Сейчас Хугаву гнетет не забота об ахинейских загробных делах - тяжелая земная кручина не

дает Хугаве покоя.

Томруз не разговаривала с Хугавой.

Хугава думал сперва - из-за одного Спаргапы так взъелась на него предводительница саков. Поэтому и не печалился слишком. "Разве я нянька твоему сыну? Он уже не ребенок. А что глуп - так я ли в том виноват?"

Но когда стало известно, что Спаргапа схвачен, отряд его истреблен и Томруз отказалась покориться Курушу даже ради спасения сына, у Хугавы все перевернулось внутри.

Убито шестьсот пятьдесят сородичей!

И нельзя проклинать за их гибель только Спаргапу. Грех и на душе Хугавы. Поддался подлому Фраде, обиделся, ушел, оставил юношей одних... Лучше б он зарезал себя тогда! Может, Спар, потрясенный смертью друга, призадумался бы, спохватился, перестал подчиняться Фраде. Увел бы друзей от реки. Умер бы Хугава, зато шестьсот пятьдесят человек остались в живых.

Шестьсот пятьдесят человек. Шестьсот пятьдесят.

Их матери длинной вереницей проходили мимо Хугавы.

Если вначале укоряли Томруз, то теперь примирились с нею, ибо, отдав сына на растерзание, она сравнялась с ними. Если вначале они поносили Спаргапу, то теперь, скрепя сердце, примирились с ним, ибо он разделил участь их детей.

Но с Хугавой они не могли примириться.

Их скорбные глаза преследовали стрелка наяву и во сне, и всюду он слышал их угрюмые голоса:

- Где мой сын?

- Где мой сын?

- Где мой сын?

Права Томруз, презирая Хугаву.

И, что бы ни думала, ни говорила Томруз о Хугаве, он сейчас пойдет к ней, войдет в шатер, сядет у порога и будет сто лет сидеть и молчать, как побитый пес. Да он и есть побитый, бездомный, паршивый пес! Не может же называться человеком двуногая тварь, утратившая уважение такой женщины, как Томруз, добрая мать саков аранхских.

...Томруз слушала донесение разведчика.

Пятнистая смерть близко. Персы провели ночь у мертвого леса. Сегодня подступили к подножью гор. Топчутся на месте, не знают, куда повернуть ветер замел следы сакского войска.

Может напасть на них сейчас?

- Погоди, - прервала разведчика женщина. - Что там за шум?

В шатер ворвался окровавленный сак.

- О наша мать! - Он повалился в ноги Томруз. - Я из отряда Фрады. Вот, Хугава знает меня. Я попал в плен и сегодня бежал от Куруша. Горе, мать! Нечестивец Фрада изменил родному племени. Мои сородичи в колодках...

- Фрада?! - глаза Томруз сверкнули. Она пинком отшвырнула беглеца от себя. - Эх! Разве могло быть иначе? Видели же мы, что за птица Фрада. Давно б ему надо крылья отрубить. Так нет - возились с ним, укоряли, уговаривали. Волу есть волк. Сколько ни ублажай - убежит в чангалу. Это нам впредь наука. А вы - вы где были, его сородичи? Почему не схватили мерзавца за руки?

- Как схватишь? Он - старейшина.

- И почему я не запретила ему строго-настрого покидать лагерь? Прозевала. Недоглядела. Забыла о нем в суматохе. Так всегда - маленькая забывчивость приводит к большому несчастью.

Томруз закрыла рукою глаза и тяжело задумалась. Несколько раз порывалась она задать какой-то вопрос, начинала со вздохом: "А..." - и бессильно умолкала. Наконец решилась. Опустила руку и произнесла отрешенно, с видом человека, который давно привык к плохим вестям и не ждет ничего хорошего:

- А... Спар?

Беглец схватил горсть песка и посыпал голову.

- Плач, мать! После того, как Михр-Бидад, посланец Куруша, вернулся к реке, персы пытались склонить Спаргапу на свою сторону. И Фрада старался. Мать, мол, отказалась от тебя.

- Ну?!

- Плачь, о мать! Храбры Спар сперва зарезал Фраду, потом, не дрогнув, вонзил меч в сердце. Тело его предано костру. Плачь, Томруз. Твой сын умер.

- О-о-ох!!! - Это закричал Хугава. Нет, не Томруз, а Хугава. Томруз была... спокойна. Только сгорбилась еще больше, почти совсем приникла к земле.

- Зачем плакать? Достойная смерть - почетна. Один умерший с честью лучше ста живущих в позоре. Мой сын пал, как настоящий мужчина. Я должна смеяться от радости.

Томруз с трудом распрямила спину и сурово улыбнулась. Отболела душа, успокоилась. Но - надолго ли?

У палатки во весь голос, пронзительно и страшно, с отчаянной тревогой, тоскливо и зовуще, заржала кобылица.

И тот час же совсем рядом послышался уверенный голос жеребенка.

Хугава смело приблизился к Томруз.

- Мать! Выслушай меня...

Спустя некоторое время он отыскал в отряде лучниц свою жену Майру женщину молодую, красивую, высокую, станом статную, как и сам Хугава.

- Отойдем в сторону. - Хугава сорвал колос пустынного злака и с усилием растер его шершавыми ладонями, как жерновами. - Я... ухожу.

Он строго посмотрел ей в глаза.

Она взяла мужнин лук, примерила к своему.

- Одинаковы. Куда уходишь?

- Далеко.

- Когда вернешься?

- Не знаю.

Майра взяла в руку густую прядь своих длинных чуть не до пят, распущенных русых волос, заботливо вытерла ею пыль с мужнина лука, смазанного жиром от влаги и сухости, и сунула его обратно в колчан.

- Хорошо. Ступай.

- Если я не... если вернусь не скоро, скажешь дочке, что... Ну, сама придумай, что сказать.

- Ладно. Придумаю. Жалко, не довелось тебе еще раз увидеться с нею. Далеко она теперь. У Яксарта.

- Что поделаешь? Скажешь ей - так и так. - Он сдул с ладони шелуху, вырыл носком сапога ямку, высыпал зерно и бережно засыпал ямку землей. Прощай.

Она молча кивнула.

Хугава удалился. Женщина долго сидела на склоне холма и глядела на ямку, вырытую мужем. Трогала ее ладонью. Прорастут зерна, или не прорастут, усохнут?

Должны прорасти. Всю душу она выплеснула, заплакала над ними, слезами их досыта напоила. Неужели не прорастут?

Один проводник сбежал. Второй был убит при попытке к бегству. Третий сокрушенно

разводил руками:

- Разве я колдун? Томруз должна быть где-то здесь, в горах, но где именно - откуда мне знать, о царь царей? Саки - что перекаати-поле: сегодня они тут, завтра их тут нет. Может, Томруз давно бежала за Яксарт.

Куруш бесновался.

Куда подевались кочевники? Подать их сюда! Разведчики проверили все холмы и лоцины, однако никого не нашли. Так что же - три года топтаться здесь царю царей?

И вот свершилось чудо.

Из лоцины, уходящей в глубь невысоких красных гор, выскочил на глазах у всего персидского войска верхом на черном коне какой-то шальной сак.

Напоролся прямо на телохранителей Куруша!

На мгновение он замер, одурев от страха и неожиданности, но тут же круто завернул коня и помчался назад.

- Хватайте его-о-о! - завопил Куруш, как на охоте. - Улю-лю-лю-лю!..

- Улю-лю-лю-люуу! - завыли персы и рванулись вдогонку.

Сак обернулся на полном ходу и вытянул к преследователям левую руку с луком. Рывок - и один из персов слетел с коня, насквозь пробитый стрелой.

Персы придержали лошадей и тоже схватились за луки.

- Не убивать! - загремел Куруш. - Взять живым! Разве может дохлый сак показать дорогу? Коня лучше подбейте.

Но этот вороной дайв так бешено крутился перед глазами, что попасть в него не удалось бы и самому Анхромане.

А сак сыпал и сыпал стрелами. И с левой руки, и с правой, и от плеча, и от груди, и набегая прямо, и обернувшись назад, и с полоборота, и даже не глядя. Не говоря уже о том, что он вовсе не целился. Небрежно так, даже с ленцой, вставит стрелу, натянет тетиву и отпустит.

И тут же валится на землю еще один перс.

Сак управлялся со своим луком, прямо-таки играл им, с той же непостижимой ловкостью, с какой бродячий скоморох их Бабиры крутит палку вокруг пальцев, вокруг руки, шеи, бедер, ног, никогда ее не роняя.

- Что это значит?! - взревел Куруш. - Двадцать тысяч моих людей не могут изловить одного степного пса? Вперед!

И скопище воителей с визгом ринулось на лихого всадника.

Он не стал их дожидаться - опять повернул коня и с ходу скрылся в лоцине. И черным потоком хлынуло в извилистую лоцину персидское войско.

Сак, ускакав на полхатра вперед, затаивался, бил вырвавшихся из-за поворота преследователей в лоб и пропадал вновь. В тесной лоцине персы не могли ни развернуться, чтобы обойти неуловимого лучника сбоку, ни повернуть назад.

Да никто и не помышлял вернуться: гонка разгорячила людей, сердца взыграли, глаза налились кровью - нет, не уйти тебе, сак!

Целый день длилась охота.

Персы пересаживались на заводных коней, загоняли их до смерти, меняли вновь, а неутомимый вороной знай себе скакал легко и плавно, точно резвящийся на лугу жеребенок.

- Разве это конь? - зароптали персы. - Не конь - оборотень. И не человек на нем сидит, а неуязвимый дух пустыни. Видите, их даже заколдованные стрелы не берут! Они заведет нас прямо в ад. Остановимся, пока не поздно!

Откуда было знать персам, что перед ними - лучший стрелок на лучшем в Туране скакуне? "Черной молнией" назывался этот удивительный конь у сак.

Остановиться?

Куруш и слышать не хотел об остановках. Вперед! В ад, так в ад!

Хугаву настигли к вечеру, когда "Черная молния" вконец истратила силы, а "Волшебный лук" расстрелял боевой запас до последней стрелы.

Настигли, навалились, вцепились.

Потом спохватились - ведь царь приказал взять "собаку" живым!

Спыхватились, но поздно - Хугава, пронзенный двадцатью мечами, умер.

С безоблачного неба пел ему прощальную песню жаворонок, теплый ветер расстилал над его головой белые хвосты ковылей.

Ковыли. Ковыли. Ковыли...

Нет воды в пустыне, а вы растете.

Не кровью ли павших вы живы, ковыли древние, ковыли седые, ковыли, трепещущие на ветру?

Куруш сгоряча зарубил топором пятерых телохранителей - самых быстрых, самых удачливых, первыми догнавших сака. Они старались ради награды - они получили награду. Во имя Ахурамазды, мудрейшего из божеств. Аминь.

- Где же это мы очутились? - проворчал Куруш, отбушевав и успокоившись.

Персидское войско находилось в огромной круглой котловине, окаймленной со всех сторон голыми каменистыми холмами, похожими на прилегших отдохнуть двугорбых и одногорбых верблюдов. Из котловины был один выход - та узкая лощина, что пролегла от пустыни в сердце гор, точно след исполинской змеи.

- А где обоз, где повозки с едой, водой и стрелами? - спросил царь. - Отстали?..

И догадались черные птицы из стран заката, что зарвались и в горячке влетели прямо в сеть, в хитро расставленную ловушку.

- Назад, в лощину! - крикнул Куруш.

Персы ринулись назад.

Но из устья лощины в них ударил такой густой вал тростниковых стрел, что выход из котловины был тут же завален горою конских и человеческих трупов.

Затрубили рога.

Зазвучала, перекидываясь от отряда к отряду, краткая, резкая, лающая команда.

Пехотинцы бросились к краям котловины, упали на правые колена, прикрылись большими щитами и выставили вперед длинные копья. Их тройной непробиваемый круг охватил всю котловину.

Внутри этого плотного круга тут же образовался новый - из босых и полуголых пращников и пеших стрелков.

Так, примыкая изнутри кольцо к кольцу, в несколько мгновений изготовились к бою щитоносцы, легкая конница лучников, тяжелая конница копейщиков, закованные в медь секироносцы - телохранители царя царей.

И в самой середине, как паук в паутине, затаился, усевшись на барабан, Куруш.

Стемнело. Холмы слились в один черный и сплошной круговой силуэт, подпирающий зубцами и выступами темно-синий котел неба.

Саки не нападали.

Персы не разжигали огней, чтобы не осветить себя для сакских стрелков, и котловина казалась холодной ямой, темной пропастью без дна, уходящей в глубь земли и ведущей прямо в потусторонний мир.

Только в просторном шатре, разбитом для царя и его советников, пылал большой факел. Телохранители старательно завесили вход, чтобы свет не вырывался наружу.

Молчание.

Такое, какое бывает в недружественном оазисе в те первые мгновения, когда чужое племя, только что завершив трудный переход, останавливается в тени финиковых пальм, и кочевники, отряхнув с ног красную пыль, садятся у родника передохнуть.

Они еще не кинулись к воде. Вода не уйдет. Не спешат разгружать верблюдов. Успеется. Просто сидят и молчат. В усталых глазах удовлетворение, слабые улыбки - долгий путь окончен. И в тех же глазах уже сквозит тревога - как встретят их жители оазиса? Не напрасно ли дети пустыни тащились в этакую даль? Не лучше ли было бы остаться там, откуда они явились?

Но тревога эта еще смутна, неясна - люди отмахиваются от нее, как от мухи. Будь что будет. Поздно о чем-либо сожалеть. "Если вода дошла до носа, уже безразлично, поднимется ли она выше..."

Куруш бесшабашно махнул рукой, вытянул ноги и блаженно закрыл глаза.

Страшный грохот, раздавшийся прямо над ухом, сорвал повелителя с места и опрокинул на спину. Он запутался в одеждах, забарахтался в них, точно грудной ребенок в пеленках. Унизительная поза. Положение, не приличествующее царю царей. Позор!

- Какая тут с-скотина с-стучит в барррабан? - прорычал Куруш, поднимаясь и заикаясь от испуга и злобы.

Бледные советники с глубоким недоумением глядели на царя и друг на друга. Барабан? Ни у кого из них не было в руках барабана.

И вновь - громоподобный грохот!

Двойной удар по туго натянутой ослиной коже.

Сперва - краткий, приглушенный, нанесенный одновременно ребром ладони и полусогнутыми пальцами:

- Длунг!

И тут же - с маху, крепко сжатым кулаком, раскатистый, мощный, упруго звучащий:

- Таннн!

И долго отдавалось и замирало в холмах:

- Гу-у-у...

Видно, кто-то забавлялся снаружи у шатра. Нашел место и время, стервец!

Царь - брызгая слюной и сатанея:

- С-сюда мерззавца... кожу содрать! Нет, я сам... горло перегрызу.

Он выскочил из шатра, за ним вывалились в темноту советники.

- Какой шакал тут шумит? - бешено прошипел Куруш.

- Не знаем, - послышался в ответ испуганный шепот. - Сами диву даемся. Где-то грохочет, а где - не понять.

- Длунг-таннн! - оглушительно прокатилось над котловиной. И застонало в холмах: - Гу-у-у...

- Что за наваждение? - закричал Куруш. - Обойти котловину! За волосы на висках приволочь по земле собачьего сына, который там вздумал развлечься. Пусть, негодяй, воеет от боли.

Телохранители обежали все отряды, но никакого "собачьего сына" обнаружить не удалось.

Воины сами были поражены не меньше, чем начальники, ужасающим грохотом, не смолкавшим над головой.

Персы бросались направо - удар барабана раздавался слева.

Персы кидались налево - грохот слышался справа.

Персы устремлялись вперед - гул доносился сзади.

Они возвращались назад - барабан стучал впереди.

Они поднимали головы кверху - у них гудело под ногами.

Приникали к земле - сверху беспощадно обрушивалось:

- Длунг-таннн! - И плакало в холмах: - Гу-у-у...

Удары - мерные, спокойные, одинаковой силы - следовали один за другим через равные промежутки времени: "Длунг-таннн! Гу-у-у. - Раз, два, три, четыре, пять. - Длунг-таннн! Гу-у-у. - Раз, два, три, четыре, пять. Длунг-таннн! Гу-у-у..." И так - всю ночь.

- То стоглазый дух, хозяин пустыни! - зашумели персы. - Он пророчит гибель.

- Разжечь костры! - распорядился Куруш.

Котловина озарилась скопищем огней и стала похожей на адскую кузницу, где духи преисподней куют цепи и крючья для грешных теней.

Барабан не умолкал.

Между кострами засновали жрецы. И вскоре к звездам полетела приглушенная страхом тысячеустая молитва, слившаяся в одно тоскливо рокочущее, ритмичное бормотание:

- О-ри-ри-ри, о-ри-ри-ри...

Барабан продолжал звучать.

Видно, где-то далеко на холмах, в него колотили, готовясь к бою кочевники. Откуда же брался потрясающий грохот? Что увеличивало в тысячу раз звуки обыкновенного барабана?

Может, необычайно сгустившийся, неподвижный воздух глубокой котловины.

Может, резкая отдача от камней и песка, теряющих жар, накопленный за долгий день.

Может, разница между теплым воздухом холмов и студеным воздухом на дне котловины.

Может, особые очертания котловины со множеством выемок и впадин по краям, между подступающими со всех сторон то крутыми, то пологими буграми.

Может, многократное эхо.

Кто знает?

Загадка природы.

Никто не сомкнул очей в эту ночь. Персы устали выкрикивать заклинания, устали подкладывать в костры ломкую колочку, устали говорить, думать и даже бояться. Они встретили солнечный восход тупые, пришибленные, вконец оглушенные бесконечным грохотом дьявольского барабана.

На западной стороне котловины, на самом высоком выступе, вспыхнуло розовое, четко очерченное пятно. Оно постепенно увеличилось в косой треугольник, вновь изменило форму. Зубчатая, изломанная розово-золотистая полоса, резко отличающаяся от прозрачной синевы еще затененных склонов, поползла от вершин к подножью, сдвигая синеву вниз. По дну котловины расстелилась легкая мгла цвета фазанова крыла.

Барабан стучал все тише. Вот он умолк. И тогда персы услышали новый, отдаленный, еле различимый звук, напоминающий непрерывный, дрожащий звон комариных стай.

Звук усиливался, перерастая в свист, визг, рев, грохот урагана; черный лес пик вырос на холмах в мгновение ока, черная туча стрел пала в котловину.

...И закипел в пустынных горах за рекой небывалый доселе бой.

Завязалось жаркое, как пожар, сражение, загремело, как гром, ратоборство ожесточенное. Грянуло побоище страшное, безжалостное кровопролитие. Развернулась упорная битва, грозная схватка. Лихая сеча, беспощадная рубка. Драка смертная, свалка бешеная. Невиданная свара, жуткая брань.

Поначалу саки и персы, сблизившись на триста шагов, метали друг в друга стрелы - охапки стрел, волны стрел, лавины стрел.

Их так много взлетало над котловиной одновременно, этих красноперых, голубых, желтых и черных стрел, что сотни их сталкивались в воздухе наконечниками и падали на землю сплошным косым дождем. Втыкаясь в голую почву одна подле другой, они покрыли ее густой

зарослью диковинных смертоносных цветов.

Саки бьют сверху, им удобно пускать стрелы вниз.

А персы? Они стреляют снизу, вытянув шеи и вскинув оружие кверху. Их руки устают натягивать луки.

У саков много стрел. Отстрелявшись, они швыряют пустые колчаны за спину, и женщины тотчас же подносят колчаны, туго набитые.

А персы? Они быстро истощают боевой запас, ибо их обоз попал вчера к Томруз.

Саки могут укрыться за гребнями и выступами холмов.

А персы? Им некуда сунуть голову, чтобы передохнуть.

Саки, которых учили владеть луком с трех лет, бьют наверняка и без промаха.

Персы, никогда не отличавшиеся особой меткостью, надеются больше на копья и секиры.

Круг за кругом выбивают саки из персидского войска, рассекают железную паутину нить за нитью, стремясь добраться до мечущегося в середине паука. Все ниже по склонам котловины, не переставая кричать, спускаются саки. Сотни их, убитых и раненых, упало с коней, но тысячи новых всадников встают на место вышедших из строя.

Они бесчисленны. Они подобны песку, стекающему в яму, выстилая дно, сглаживая края и засыпая ее до верха.

Кончились стрелы. Саки спрятали луки, вынули из ножен мечи и попрыгали с коней. С коня рубиться трудно - мечи коротки и предназначены скорей для колющего, чем рубящего удара. И не придумали люди еще стремян, чтобы, опершись ногою о стремя, свеситься с коня и достать мечом пешего неприятеля.

Завязалась рукопашная. Бой распался на тысячи поединков. Застучали копья о копья и щиты о щиты, заскрежетали мечи о мечи, зазвенели секиры о секиры. Крик с обеих сторон усилился и превратился в сплошной визг и вой.

Булавами бились. Боевыми топорами с плеча рубились. Прыгали, как барсы, отлетали кувырком, рывком втыкали копья в животы. Разили и резали. Крушили и крошили. Отступали, нападали, падали под палицами, пальцы отсекали, мозжили кости, кости кистенями дробили, дротиками раздирали рты.

- Во имя Ахурамазды! - То ринулись вперед копейщики Виштаспы.

У Виштаспы торчком встали ресницы, взъерошились волосы на висках: он с такой силой ударил ближайшего сака тяжелой пикой, что пробил, как тонкую циновку, плетеный, обтянутый кожей щит, плотный кожаный нагрудник, толстый войлок одежды, пронзил насквозь печень и вогнал железный наконечник на три пяди в землю. Из раны меж ребер сака вытянутым хвостом гнедого коня брызнула кровь.

Пока копейщики орудовали копьями, щитоносцы прикрывали их щитами, защищали мечами. Всадив копьё с крюком во вражеский щит, перс наступал ногой на древко - щит выпадал из рук сака, и перс втыкал в грудь саку меч.

Персидская сила уже ломала сакскую силу. Отряд копейщиков ворвался в ряды сакских воинов, как дикобраз в стаю мышей. Ощетиненный железными иглами со всех сторон, он клином врезался в пологий склон, занятый саками. Мутной волной вскипели за ним другие отряды персидского войска.

- Остановить! - крикнула Томруз.

- О-о, Митра, о-о! - ритмично запели старики, обнаженные до пояса.

С гимном на устах и с кинжалами в руках шли они в бой, чтобы на персидских копьях перенестись прямо к потусторонним кострам. Смерть веселила их. С песней и смехом они раздвигали копья, вырывали щиты, хватали врагов за волосы, повергали их на землю, закалывали в шейные ямки или так давили противника, что у него изо рта и носа ручьем лилась

черная кровь.

Их изрубили всех до одного, но они сделали свое дело. Пока персы возились со стариками, отряд лучниц Майры подкрался к неприятельским копейщикам сбоку и ударил в них тучей стрел. Багровой мутью схлынул персидский отряд обратно в котловину.

- Во имя Ахурамазды! - Тяжело опустив голову, с хрипом и ревом грузно двинулся на саков Раносбат.

Отряд Раносбата врубился в толщу сакских войск, как толпа горных лесорубов в гущу мастиковых зарослей.

Пятнистые воины в барсовых шкурах медленно выступали на согнутых ногах, низко пригнувшись вперед и вскинув секиры над плечом; глаза их настороженно сверкали в просветах между краями котлообразных шлемов и коваными краями щитов. Резкий взмах - и топор обрушивался на голову сака, прикрытую лишь войлочным колпаком. С треском распадались щиты. Лопались наплечники. Пальцы отрубленных рук судорожно хватались за колючую траву.

Огромную просеку проложили секироносцы Раносбата в плотных рядах сакского войска. Это была тяжелая работа. Из-под корней волос у персов струился пот, с шумом вырывалось из-под забрал горячее дыхание.

Вновь крушила сила персидская силу сакскую.

- Остановить! - крикнула Томруз.

- О-о, Митра, о-о! - запели воины из рода Фрады. Смертью своей решили они искупить вину старейшины перед саками. Они напали на Раносбата сбоку. И когда секироносцы повернулись к ним лицом, сзади в них ударили тучей стрел лучницы Майры. И эта персидская волна схлынула обратно в котловину.

Не было спасения от длинных стрел - грозного сакского оружия.

От сакской стрелы не убежать пешему - догонит. Не умчаться верхом настигнет, пригвоздит к хребту коня. Спрячешься в панцирь - пробьет вместе с панцирем. Прикроешь щитом грудь - ударит в голову, прикроешь голову ударит в грудь.

Под ногами сражающихся тяжело вздрагивали холмы, трескались камни, сухая трава превратилась в пыль и золу; даже солнце потемнело от страха и прикрылось облаком взметнувшегося к небу желтого праха. На дне котловины заплескалась кровь. Она хлюпала, как жидкая грязь. Кровь доходила Курушу до колен.

Утана бегал, разбрызгивая кровь, позади царского шатра, рвал на себе волосы и все твердил хрипло, не отрывая глаз от умирающих.

- За что? За что?

Пали мады, варканы, харайва. Дахи и парты повернули оружие против "благородных", принялись избивать их нещадно, а затем перебежали на сакскую сторону. Распростились с жизнью тысячи персов. Битва подходила к концу.

Куруш отобрал оставшихся воинов самых крепких и вознес к небу краткую, похожую на проклятье молитву.

- Во имя Ахурамазды! - Он вынул из ножен широкий меч - такой блестящий, что в нем отразились, ясно, как в зеркале, глаза и зубы окружавших царя телохранителей, с улыбкой поцеловал клинок, крепче стиснул его в жилистой руке и проворно, крупными скачками, кинулся вверх по склону.

Пробиться сквозь толпу саков - и бежать прочь от этой заколдованной котловины!

Царь царей действовал мечом сноровисто, как земледelec серпом - он один скосил целый ряд спешенных кочевников, уложил на землю, точно снопы, "сравнил их с их тенью".

Тот, кто встретился в битве с желтыми глазами Куруша и остался жив, навсегда запомнил их выражение, до конца дней своих не мог вспомнить о них без содрогания.

Он видел немигающие глаза Пятнистой смерти.

Курушу нанесли несколько глубоких ран, однако повелитель Айраны не останавливался.

Рядом сражались Раносбат и Виштаспа.

Отряд "бессмертных" - личных телохранителей Куруша, ободренный примером государя, вырвался, убивая саков, хуваров, бактров и сугдов, далеко вперед, чуть ли не к шатру Томруз.

Персы одолевали!

Продолжая успешно и неумолимо пробиваться к гребню холма, царь царей с ходу наткнулся на прислоненный к выступу скалы тяжелый сакский щит.

Он резко споткнулся и выронил меч.

Опрокинулся навзничь и покатился вниз по склону.

С маху ударился о торчащий камень.

Голова его странно выкрутилась и подвернулась под левое плечо. Широко раскинутые руки и ноги задергались, на губах выступила кровавая пена, глаза вылезли из орбит.

Саки из последних сил навалились на "бессмертных" и столкнули их, сами падая и задыхаясь, обратно в котловину. И так всю битву - персы упорно лезли из котловины, как свора свирепых джинов из случайно раскупоренной бутылки, а саки еще более упорно старались отбросить, спихнуть, вколотить их назад, в бутылку.

Кучка уцелевших персов пустилась бежать к устью лощины - может, хоть там найдется лазейка?

Раносбат и Гау-Барува задержались на миг возле все еще живого царя царей.

- Что с ним такое? - услышал Куруш сквозь охватывающий его смертный сон голос верного Раносбата.

- Споткнулся о сакский щит и сломал шею. Обошел полмира - и не споткнулся. А здесь...

А, это друг Гау-Барува. Друг Гау-Барува. Он поможет. Он не оставит повелителя умирать под ногами у саков.

- Унесем? - нерешительно сказал Раносбат. - Что ни говори, долг есть долг.

- Э! - рассердился Гау-Барува. - Пропади он пропадом! Теперь нам с тобой... Самим бы ноги унести как-нибудь.

Они убежали.

- О Куруш! - Перед царем, жалобно причитая, опустился на колени Виштаспа. - О родич мой бедный, мой несчастный государь...

Виштаспа воровато оглянулся.

Никто не смотрит, все бегут.

Он отвел руку далеко назад и, коротко крикнув, всадил меч по рукоять в спину царя царей.

Старый осел, многократно битый хозяином, терпеливо и долго копил обиду и силу. И однажды, когда человек очутился на краю обрыва, осел примерившись, так крепко лягнул хозяина, что тот с визгом свалился в пропасть.

Выслушав перса - одного-единственного из тысяч! - сумевшего убежать от саков и добраться до переправы, Крез скорчился от смеха. Его крутило, трясло, бросало, швыряло из стороны в сторону. Лягнул-таки он царя царей!

"Нерадивый осел готов хребет сломать, лишь бы хозяину досадить".

До того дохохотался счастливый Крез, что у него затрещали ребра, лопатки застучали, суставы выскочили из гнезд, вертлюги, атланты и астрагалы чуть не рассыпались горстью игральных костей.

Так тешился хищник гибелью соперника - хищника сильного.

Под конец лидийца хватил удар. Очнувшись, он проскрипел:

- Теперь, друзья-персы, можете меня сжечь. Хе-хе-хе!

У переправы показался отряд косматых конников в рогатых шапках. То были хорезмийцы. Персы разрушили новый мост, сожгли стенобитные орудия и двинулись домой.

Лидийцы везли умирающего Креза в царской колеснице.

Обгоняя Креза, обгоняя мужей арийских, понуро ковылявших по сыпучим барханам, летела на запад молва о гибели Кира. Она дошла до Варканы, до молодого Дариявуша, сына Виштаспы, и впал в глубокую задумчивость Дариявуш. Она дошла до Хагматаны, до свирепого Камбуджи, и грозно и радостно сверкнул глазами Камбуджи.

И вздохнули облегченно тысячи тысяч людей "от зубчатых скал Памира до Кипра, окруженного со всех сторон водою..."

Михр-Бидада ранили в ногу.

Рана была, видно, не опасной (иначе он давно истек бы кровью), но зато столь болезненной, что как ни пытался молодой перс, он так и не сумел выбраться до утра из-под трупа, лежавшего на нем поперек.

Всю ночь перед глазами Михр-Бидада сновали во мгле взад и вперед сутулые ушастые фигуры гиен, набежавших с дальнего юга. Михр-Бидада тошнило от их утробного урчания и пронзительного хохота.

Там и тут раздавалось грозное рычание, визг, лай, вой, чавканье и хруст костей. Звери пировали.

По краям котловины мелькали огоньки факелов, слышалось тихое пение должно быть, сакские женщины разыскивали трупы мужей.

"А меня... меня гиена съест, - вздохнул Михр-Бидад. - Фаризад далеко. Кому я нужен, кто возьмется искать дурака Михр-Бидада?"

Он глядел на ущербный месяц и плакал от боли и от печали. Может, и Фаризад, баюкая сына, смотрит сейчас на луну и плачет. И клянет мужа, покинувшего семью ради легкой добычи.

Не меня ты кляни, Фаризад! Прокляни ты навек тех людей, что втравили обманом мужа твоего в дело грязное. Прокляни Куруша - Пятнистую смерть таким проклятием страшным, чтобы жгло оно его в аду три тысячи лет.

Нет, жена, прокляни и меня. За то, что дал себя обмануть чурбан Михр-Бидад. За то, что был он слеп и глуп.

Бе! Перс тут же мысленно махнул рукой. А если б и зрячим, и умным был - что из того? Стал бы слушать Куруш твое "не хочу"? Не пойдешь на войну своей охотой - погонят бичами. Вот и все.

Почему на этой земле человек себе не хозяин?

Сколько неясного, нерешенного останется за черной чертой...

Жаль, что истинная мудрость приходит к человеку только перед смертью. Мало ли времени подумать было у Михр-Бидада раньше? Не думал. Не старался думать. И вот - расплачивается за глупость жизнью.

На заре в котловину слетелась вся крылатая крючконосая, когтистая нечисть, обитающая в Туране. Коршуны. Грифы. Орлы степные. И самые гнусные из их породы - черные стервятники.

Стервятник - птица, притворяющаяся безобидной курицей. И ходит почти так же, как курица, и даже редкий хохолок у него на затылке похож на куриный. Но завидит стервятник падаль - сразу превращается в хищника: ссутулится, выгнет шею, сверкнет глазами и примется, придерживая цепкой лапой, рвать гнилое мясо клювом кривым.

- Так и мы с Курушем, - горько усмехнулся Михр-Бидад. - Притворялись людьми. И одежду человеческую носили, и говорили на человеческом языке. А были - кем были? Стервятниками. Омерзительными пожирателями гнилого мяса.

...Напрасно думал Михр-Бидад, что никому здесь, в пустыне, не нужен и никто не станет его искать.

Одному человеку - чужому - нужен он был не меньше, если не больше, чем верной жене. И чужой человек разыскивал Михр-Бидада с таким старанием, с таким нетерпением, с каким и Фаризад, пожалуй, не искала бы мужа.

"Обидишь кого по ту сторону гор - взыщет по эту".

- А! Наконец-то добрался я до тебя, - услышал Михр-Бидад чей-то знакомый, но забытый голос. - Я заметил еще вчера, где ты упал, - следил за тобой. Но на этой свалке легко заблудиться. К тому же, я ранен в ногу, так что мне всю ночь пришлось где ползти, где ковылять, чтоб к тебе добрести. Ну, верблюд паршивый, узнаешь меня?

Перед Михр-Бидадом, опираясь на дротик и пошатываясь от слабости, стоял, туча тучей, как недобрый дух, дах Гадат.

- Ну, перс, сын перса, арий! - Гадат так заскрежетал зубами, что сломал клык и резец. Он выплюнул зубы вместе с кровью в лицо Михр-Бидада. Хищно пригнулся. Отбросил меч телохранителя в сторону. - Узнаешь? Или забыл "поганого даха", над которым измывался в Ниссайте? Помнишь?! Помнишь, ты ударил меня палкой? До сих пор болит рука. Самая глубокая рана зажила бы за это время, а ссадина - ссадина не проходит! Вот каким вредным оказался твой укус.

Гадат оголил руку и показал персу большую красную ссадину у плеча, слабо сочившуюся сукровицей.

С этой ссадиной были неразрывно связаны все тайные помыслы Гадата, сокровенные желания, поэтому она и не могла зарубцеваться. Кровь, совершая бег по телу и проходя через мозг, отравленный злыми думами о лютой мести, становилась ядовитой и, подступив к ране, вызывала неутихающую боль.

- Болит, - сморщился Гадат. - Как вспомню про тебя - засаднит, заскребет, терпения нету! Да я и не забывал про тебя никогда. Ты думал отколотил даха Гадата, пнул в нос, и - все?! Нет! Дахи не из тех, кого можно толкать и валять безнаказанно. Я глаз не сомкнул с тех пор без того, чтоб хоть в мечтах не содрать с тебя шкуру. А ты, веселый и гордый, знать не знал, что за сутулой твоей спиной неотступно, черной тенью, ходит мечь! У, мерзкая тварь...

Гадат задохнулся от злобы, умолк, вытер дрожащей ладонью бледный, вспотевший лоб.

- Сами хуже бешеных псов... и других доводите. Становись на колени, сказал он угрюмо.

И вынул из ножен меч.

- Не могу. Ранен... и вот, труп на мне.

- На колени!!! - разодрал глотку звериным визгом Гадат.

Он вскинул дротик над головой и нанес древком резкий удар по плечу Михр-Бидада.

Одна страшная боль перебила другую. Потрясенный Михр-Бидад напрягся, сбросил труп, опустился на колени.

Гадат смеялся. Захлебываясь и плача, как женщина при встрече с мужем после долгой разлуки. Но взгляд... взгляд у него был не женский - волчий был у даха взгляд.

- Что, арий? Ха-ха-ха! Каешься теперь, пожалуй? "Знал бы - за три хатра обегал бы". Не так ли? "Где там ударить - пятки целовал бы". Не так ли? Так! Все вы так, насильники подлые. Чего только в голову не взбредет, пока сила на вашей стороне! Мяса не давай - дай поглумиться над беззащитным человеком. Ох, какое удовольствие для вас терзать несчастного, у которого руки связаны за спиной! Захватчики проклятые. Не можете сообразить, скоты, что сила не навеки вам дана, что власть приходит и уходит. Вот уж когда возьмут вас за глотку, тогда только и спохватитесь, затылки себе начинаете грызть. Да поздно. Наперед надо было знать: не точи на других нож - сам порежешься. Не обижай - не будешь обижен. Ты о чем думал, сын праха,

когда ударил меня? А? Думал - вечно тебе сидеть под защитой зверских законов арийских? А? Но где они теперь? Пришло время - и мы оказались один на один. Зови теперь на выручку Раносбата и других! Не дозовешься. Пропали. Придется платить, брат Михр-Бидад. Верь - я с тебя за все сполна взыщу. Не отвертись. Или ты воображал, что я бить не умею? Ого! Еще как умею, брат. Да нельзя было тогда. Вот сейчас я тебе покажу, болван, на что способен дах Гадат. Молись, дурак, своему ослиному богу Ахурамазде!

Гадат пнул Михр-Бидада в нос, перс повалился на спину.

- На колени! Руки назад! Говори, скотина - жалеешь теперь, что измывался когда-то надо мной?

- Жалею...

- А! Жалеешь! Жалеешь, когда меч повис над головой. А отпусти я тебя сейчас, да вернись ты домой - еще хуже залютовал бы, наверное!

- Нет. - Михр-Бидад открыто глянул в дикие глаза Гадата. Дах изумленно вскинул брови. - Не из страха смерти я жалею, что обидел тебя когда-то. Смерти не боюсь. Насмотрелся. - Перс кивнул на трупы. - А потому жалею о дурных поступках, что глуп я был - глуп, как свинья.

- А теперь... поумнел? - Гадат удивленно смотрел в глаза Михр-Бидада. А них не было хитрости, обмана, лукавства. Честный взгляд, человеческий.

- Поумнел, да поздно, видать, - вздохнул Михр-Бидад.

- Хм... - Гадат медленно опустил меч. - Какой-то ты новый. Другой. Не тот перс, которого я знаю по Ниссайе.

Михр-Бидад пожал плечами.

- Так уж вышло.

- Вот что, слушай... - Гадат задумчиво почесал голову острием бронзового меча, сморщился, быстро нагнулся, осторожно погладил окровавленную ногу. - Ох! Будто даив укусил. У тебя тоже нога ранена? Которая?

- Левая.

- У меня, видишь, правая. - Дах усмехнулся. - На двоих, выходит, две ноги. Слушай, арий. Вот, скажем... скажем, ты не умрешь. Будешь жить. Научишься ты когда-нибудь почитать людей? Человека почитать?

Михр-Бидад с грустной улыбкой качнул головой вперед.

- Не будешь впредь вести себя, как бешеный пес?

Михр-Бидад с той же улыбкой мотнул головой из стороны в сторону.

- Не будешь?

- Нет.

- Не будешь?

- Нет.

- Не будешь?

- Нет.

- То-то же! - Дах сочно рассмеялся и сунул меч в ножны. - Расхотелось мне тебя убивать. Почему - и сам не пойму. Покричал - и отвел, что ли душу. Пошли-ка, брат, отсюда, пока зверье нас не слопало.

Заботливо поддерживая друг друга, обходя трупы и отгоняя криками хищных птиц и зверей, они медленно потащились через багровую котловину. Часто отдыхали. Михр-Бидад перевязал рану Гадату. Гадат перевязал рану Михр-Бидада. До холмов добрались после полудня.

- Я дах Гадат, пастух и пахарь, - гордо сказал Гадат, представ перед Томруз. - Наш отряд перешел на вашу сторону. Спроси моих сородичей скажут, кто такой Гадат. Я не враг - друг сакам. Мы с вами одной крови. Но я, против своей воли, находился на службе у проклятого

Куруша. Правда, я не убил ни одного сака - пускал стрелы на ветер. Но все-таки пускал их в сакскую сторону. Значит, я все-таки виновен перед вами. Вот выкуп за мою голову.

Гадат вытолкнул вперед Михр-Бидада. Перс испуганно глядел на Томруз так усохла, почернела, посуровела эта женщина со дня их последней встречи. Казнит, не задумываясь.

Помолчав, дах сказал смущенно:

- Если ты примешь мой выкуп, то... не убивай этого человека. Он... неплохой.

- Знаю. - Томруз кивнула. - Хорошо, Гадат. Я принимаю твой выкуп. Иди к своим друзьям. - Она показала рукой на толпу дахов, радостно улыбающихся сородичу. - И ты, Михр-Бидад, ступай к своим друзьям.

- Мои друзья? - Михр-Бидад изумленно уставился на кучку пленных персов, понуро сидевших на песке.

Виштаспа. Раносбат. А лежит кто?

Приметив Утану, молодой перс медленно поволок ноги по горячему праху и уселся рядом с торговцем.

- Жив? - облегченно вздохнул Утана. - Думал - убили. Мы вырвались через лощину к мертвому лесу, но дахи нагнали, схватили нас. Не саки дахи. Веришь? Наши, из Ниссайи. А Куруш-то на них надеялся... Вон, Гау-Баруве хребет перебили. - Он шевельнул бровями в сторону лежащего.

- Слушайте, персы! - сказала Томруз. Пленники встrepенулись. - Я дарую вам жизнь. Хватит, довольно и вы, и мы погубили вчера людей. Война кончена. Отдохните сегодня. Завтра, - она усмехнулась, - повеселитесь с нами на пиру в честь нашей победы и вашего поражения. А потом уйдете домой. Я велю дать коней, воды и еды. Воины проводят до реки, помогут переправиться на левый берег. А там уже доберетесь как-нибудь - до Марга недалеко. Ясно? Я приказала разбить для вас шатер. Идите отдыхайте.

- О милостивая царица! - загудел Раносбат, поднимаясь.

- Я не царица, - строго отрезала Томруз. - Я просто сакская женщина, которую саки выбрали себе слугой.

- Ты - богиня! - крикнул перс.

Раносбат - воин. Идешь в бой - бей. Попал в плен - не задирай хвост, держись скромно, как подобает пленнику. Долг есть долг. Сказано: "Склоненную голову меч не сечет". И еще сказано: "Целуй руку, которую не можешь отрубить".

Военачальник растянулся на песке и принялся в знак смирения грызть траву у ног победительницы.

И все персы пали ниц у ног Томруз и жадно вцепились зубами в стебли жесткой, колючей, грубой пустынной травы. Они жевали ее остервенело, как изголодавшиеся бараны. Судорожно глотали. Чавкали и причмокивали.

Сладкая трава!

- Мы еще вернемся сюда! - хрипел ночью Гау-Барува.

Персы, сдвинув медные лбы, держали совет. Говорили вполголоса, чтоб их слов не услышала сакская стража.

- Дай только бог благополучно добраться до Марга... - шептал, брызгая слюной, Виштаспа.

- Такое войско сколотим, что от саков одна пыль останется, - сипел Раносбат.

- На сей раз мы допустили ошибку, слушаясь дурацких приказаний безумца Куруша. Он погубил наши замыслы! Теперь же...

Горячась и хлопая друг друга по плечу, захлебываясь и давясь от нетерпения, судили да рядили персы, сколько людей они возьмут в новый поход, да каким путем двинутся к Аранхе, да где возведут мост. Да как обойдут саков, да с какой стороны обойдут. Да как ударят, да как

расправятся с ними...

- Что это за люди?! - воскликнул пораженный Михр-Бидад. Они с утаной сидели в стороне и не вмешивались в разговор. - Да люди ли они в самом деле? Ведь только вчера... только вчера...

Он бешено замотал головой.

О Томруз! Добрая, благородная женщина. Разве можно дарить жизнь гадюке? Что может понять змея своей плоской головой? Она без колебаний ужалит даже руку, извлекающую ее из огня. Гадюка есть гадюка.

Михр-Бидад задумался.

Рассказать Томруз о подлых замыслах этих недобитых шакалов? Вот уж не траву тогда, а языки свои придется им грызть.

Нет. Михр-Бидад вздохнул. Не выход. Михр-Бидаду навсегда закроется путь домой, к жене и сыну. Да и что из того, что Томруз уничтожит еще двух-трех персидских вельмож, пусть самых опасных? Таких, как Гау-Барува, Раносбат, Виштаспа, в Айране столько - хоть землю на них паши.

Теперь на престол взойдет сумасшедший Камбуджи, и то-то начнутся дела!

Михр-Бидад - перс, и судьба его прочно связана с Парсой. Домой. Надо вернуться домой. Притвориться, что ты все такой же глупый Михр-Бидад, и вернуться домой. Приглядеться новыми глазами к своему народу. Подумать. Понять, что творится на родине.

- Знаешь, о чем я сейчас думаю? - уныло сказал Утана. - Человек грязная тварь. Он такой же зверь, как тигр, волк, гиена, только ходит на двух ногах. И у него нет хвоста. И вся разница. Жажда убийства - в сердце у человека. И никогда не переделать, не образумить двуногого хищника, хоть семь шкур с него сдери, хоть все зубы ему выломай, все когти вырви! Вот пример. - Он брезгливо кивнул в сторону заговорщиков. - С этого дня я отрекаюсь от людей. Я ненавижу их. Вернувшись домой, я сожгу и утоплю сокровища, в горы уйду навсегда, поселюсь один в пещере. Будь проклят человеческий род!

Он ожесточенно сплюнул и быстрым шагом вышел из шатра.

Долго ломал голову Михр-Бидад над горькими словами Утаны. Может, прав Утана? Нет. Человек - человек. Нельзя его путать с выродками, подобными Гау-Баруве. Не может быть, чтоб вечно и без конца продолжалась грызня людей между собой.

Неужели не найдется средство образумить двуногих зверей, толкающих мирных пастухов и пахарей на убийство и кровопролитие?

Неужели не найдется?

Должно найтись такое средство.

Должно найтись.

Где?

Михр-Бидад внимательно поглядел на свои шершавые большие руки. Руки мужчины, руки труженика. Руки простого человека.

Дым. Дым. Дым.

Дым клубится над холмами, вырываясь из-под котлов священных.

Томруз собрала народ в круглой котловине - не той, где сгинула мощь персидская, а в другой, с чистым родником посередине, со свежей травой и цветами.

По левую руку от Томруз уселись на пологом склоне массагеты и хорезмийцы в рогатых шапках, сугды и бактры в шапках круглых, по правую саки заречные и тиграауда в островерхих колпаках. На склонах котловины перед Томруз и за нею расположились отряды саков аранхских.

На полянке у родника опустились на колени персы в рваных, но заботливо отряхнутых одеждах, с поясами, надетыми на шеи в знак покорности.

Рядом с Томруз, усевшейся на груди персидских щитов, секир и мечей, накрытых персидскими знаменами, стояла, прямая и бесстрастная, точно идол на могильном холме, жена Хугавы.

В пяти шагах от этих двух молчаливых и спокойных женщин, неподалеку от персов, обливалась слезами третья. Райада, дочь Фрады. Род Фрады, искупая вину старейшины, до последнего взрослого мужчины, до последней взрослой женщины пал в бою у страшной котловины. Старухи, матери и дети рода еще не вернулись с берегов Яксарта, и Райада оказалась одна, всем чужая, среди тысяч саков - мужчин и женщин.

Она уцелела - отсиделась за холмами.

Она не знала, зачем ее сюда привели. Боялась. Неужели убьют? Райада ни в чем не виновата. Дочь не ответчица за отца. Да и отец чем провинился? Он из-за дочери старался - хотел, чтобы ей было хорошо. Плохо разве, когда родители любят детей? Не стреляла в персов? Что тут такого? Не хватило сил натянуть лук. Она - маленькая сакская женщина.

Томруз кивнула влево.

Четверо могучих саков, кряхтя и пригибаясь от тяжести, вынесли на лужайку, красную сумку с белым кречетом.

Глаза Райады остекленели.

Она узнала сумку Спаргапы.

Саки нашли ее в персидском обозе.

- Райада! - сказала Томруз. - Ты хотела блестящих побрякушек? Получай.

Четверо саков подтащили сумку к Райаде, с трудом приподняли и опрокинули. На Райаду с журчащим звоном хлынул золотой поток.

Браслеты. Кольца. Серьги. Пряжки. Цепи, снятые Спаргапой с воинов Куруша, убитых у моста. Тяжелая пряжка оцарапала ей лоб, к губам тонкой струйкой потекла кровь.

Утопая в золоте, ослепленная его холодным блеском, оглушенная тоскливым звоном его, Райада растерянно раскрыла алый рот.

Говорят, так и сидит она до сих пор в той котловине.

Томруз кивнула направо.

Четверо могучих саков поднесли ей кожаный мешок, наполненный красной жидкостью.

- Сыны Айраны! - сказала Томруз. - Смотрите и запоминайте. И расскажите там, у себя на родине, о том, что видели сегодня. Может, они поймут...

Майра развернула пятнистый платок и подала Томруз отрубленную человеческую голову. Томруз встряхнула голову за волосы, окрашенные хною.

На пленных персов молнией пал ужас.

То была голова Куруша.

Когда-то, собираясь жениться на хозяйке степей, Куруш сказал: "Я, видно, голову потеряю из-за этой Томруз". Он не ошибся.

- Ты хотел крови? Пей!

И Томруз глубоко, до плеча, погрузила руку с головой Куруша в мех с персидской кровью.

- И все?! - расхохотался Утана. - Ради этого, Куруш, ты тащился в такую даль? Сколько шуму было, сколько споров... Сколько людей погубил напрасно. А ведь мог свернуть себе шею, не выходя из дому. Тихо, без хлопот. Ха-ха-ха!

Саки закричали. В их крике звучала скорбь о погибших, и ненависть к тем, кто нарушил их мирную жизнь. И гордость победой. И - предупреждение.

Они сидели усталые, но довольные. Все позади. Тяжелая работа закончена. Но глаза их говорили - если понадобится, саки сейчас же, даже не отдохнув, опять возьмутся за эту нелегкую, нежеланную, но нужную работу.

Оттерев ладони о неприятельское знамя, Томруз вынула из-за пазухи половинку амулета с разрубленным кречетом, приложила ко лбу и заплакала:

- Спаргапа, сын мой. Бедный Спар. Где ты? Спаргапа, родной... где ты? Где бродит твой бесприютный дух? Спар, мой дорогой. Прости свою дряхлую мать. Не уберегла я тебя. Не уберегла. Утащила тебя Пянистая смерть. Не уберегла...

Она поднялась на груды вражеских секир и мечей, зловеще сверкавших из-под скрученных ветром разбойничьих стягов, запрокинула голову, подалась грудью вперед, откинула руки назад в отчаянном порыве.

Как соколиха - крылья в звенящем полете.

Как богиня мщения, что спешит к месту преступления.

Над черными полями, где ржавеют в золе наконечники стрел, развалинами жилищ, засыпанных пылью, над могилами сыновей, давно истлевших, и над колыбелями недавно рожденных сыновей тысячи лет звучит, не умолкая, скорбный и грозный крик матерей:

- Пянистая смерть! Когда ты сгинешь? Люди, убейте Пянистую смерть!